

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Байкальский государственный университет»

На правах рукописи

РЫКОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА В ДЕЛЕ О
БАНКРОТСТВЕ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
кандидат юридических наук, доцент
Пахаруков Александр Анатольевич

Иркутск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА.....	17
§ 1. ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ВИДЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....	17
§ 2. КЛАССИФИКАЦИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА ПРИ БАНКРОТСТВЕ. ТЕОРИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	42
§ 3. ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОСПАРИВАНИИ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА ПРИ БАНКРОТСТВЕ	51
ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА.....	63
§ 1. ОСНОВАНИЯ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК, НАПРАВЛЕННЫХ НА ВЫВОД (УМЕНЬШЕНИЕ) АКТИВОВ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА	63
1.1. <i>Подозрительные сделки</i>	63
1.2. <i>Сделки с предпочтением</i>	82
§ 2. ОСНОВАНИЯ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК, НАПРАВЛЕННЫХ НА ИСКУССТВЕННОЕ СОЗДАНИЕ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ	104
§ 3. ОСНОВАНИЯ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК ОБЩЕЙ (УНИВЕРСАЛЬНОЙ) ПРОТИВОПРАВНОСТИ.....	123
ГЛАВА 3. МЕХАНИЗМЫ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	131
§ 1. Лица, уполномоченные на оспаривание сделок должника	131
§ 2. МЕХАНИЗМЫ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА	138
§ 3. ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	158
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	160

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена определенными аспектами: социально-экономическим, правоприменительным, правотворческим и доктринальным.

Социально-экономический аспект. Как известно, введение процедур банкротства никогда не становится неожиданным. Стремление должника исключить негативный эффект от процедур банкротства, либо наоборот, прибегнуть к ним для уклонения от погашения имеющейся задолженности, а также желание недобросовестных кредиторов воспользоваться процедурами несостоятельности как средством передела собственности, приводят к совершению ряда сделок, которые при обычных обстоятельствах никогда бы заключены не были. С другой стороны, банкротство – это всегда конфликт интересов нескольких групп: должника, его учредителей (участников) и кредиторов. Наличие такого конфликта вполне очевидно и обусловлено разными целями этих групп. Учредители и участники должника стремятся сохранить имущество от кредиторов, зачастую путем вывода активов. Кредиторы, наоборот, стремятся максимально обеспечить формирование конкурсной массы должника в целях максимального удовлетворения своих требований. Часто кредиторы, используя имеющиеся у них права, гарантированные законодательством о банкротстве, стремятся не столько получить деньги в счет удовлетворения своих требований, сколько получить бизнес должника без соразмерной оплаты, но освобожденный от долгов по результатам банкротства.

Помимо прочего, возникает немаловажный вопрос о последствиях признания сделки недействительной и применения последствий ее недействительности для добросовестных контрагентов должника. Ведь не исключена вероятность, что в ходе проведения процедур банкротства арбитражным управляющим может быть оспорена хоть и порочная с точки зрения очередности или соразмерности сделка должника, но совершенная с добросовестным контрагентом, ничего не подозревающим о грядущем банкротстве должника. Все это приводит к созданию, изме-

нению и прекращению связей между экономическими субъектами и формированию серьезных социально-экономических последствий.

Правоприменительный аспект. Несмотря на значительные изменения в Законе о банкротстве и гражданском законодательстве в целом, оспаривание сделок не всегда эффективно выполняет свою функцию. Это связано с наличием целого ряда проблем в его применении при оспаривании сделок и применении последствий их недействительности в процедуре банкротства. Значительную роль играет проблема определения неравноценности при оспаривании подозрительных сделок должника, отсутствие четких критериев определения такой неравноценности, отсутствие пределов «дозволенной неравноценности». Вопросы возникают при установлении аффилированности и заинтересованности контрагента по оспариваемой сделке ввиду сложной конструкции, использованной законодателем при определении этих понятий. Нуждается в доработке критерий разграничения реестровой задолженности и текущей, поскольку он не предусматривает возможные варианты правоотношений сторон и может быть использован для трансформации реестрового долга в текущий.

Указанная проблема приобретает еще большую актуальность в условиях отсутствия стабильной судебной практики по оспариванию сделок должника. Это становится причиной различных толкований одной и той же нормы права, что, в свою очередь, провоцирует возникновение разнородных по смыслу судебных актов в рамках не только всей арбитражной системы, но и отдельно взятого суда.

Правотворческий аспект. В России законодательству о банкротстве по традиции отводится особая роль. В советский период конкурсное право в течение длительного периода времени не было востребовано по причине отсутствия рыночной экономики. В результате длительного законотворческого «простоя» была утрачена и существующая дореволюционная практика применения законодательства о банкротстве. Между тем зарубежные правовые порядки под влиянием собственной правоприменительной практики претерпевали значительные изменения норм о банкротстве в этот период. На сегодняшний момент такое различие в опыте применения законодательства о банкротстве становится все более очевидным,

что существенным образом влияет на экономическую ситуацию в стране, негативно сказывается на инвестиционном климате. Сохраняются высокие риски для предпринимателей и инвесторов, ведь именно обязательственная сфера (нормы о заключении, исполнении, расторжении и оспаривании сделок) существенным образом сказывается на стабильности гражданского оборота – одного из ключевых показателей благоприятного инвестиционного климата. Именно правильное понимание конкурсного оспаривания сделок, их целей и задач позволит не только сократить количество порочных сделок в гражданском обороте, но и улучшить инвестиционный климат в стране.

Доктринальный аспект. В настоящее время изучение вопроса оспаривания сделок несостоятельного должника имеет большое значение для научной доктрины, правоприменительной практики и экономического развития России. Тем не менее, необходимость совершенствования законодательства по этому вопросу сталкивается с недостаточным уровнем их теоретического исследования. Существующие труды об оспаривании сделок в первую очередь направлены на борьбу с наиболее опасным и распространённым вариантом противоправных действий в процедуре банкротства – выводом активов несостоятельного должника. Между тем, это не единственный вариант противоправного поведения со стороны недобросовестных лиц в процедуре банкротства. Необходимо помнить, что в преддверии несостоятельности могут быть совершены также сделки по созданию искусственной кредиторской задолженности. Такие сделки могут принести недобросовестным лицам не меньшие дивиденды, чем сделки по выводу активов, ведь ни для кого не секрет, что, обладая контрольным пакетом голосов (т. е. таким числом голосов, который позволяет единолично принимать необходимые решения, вне зависимости от голосов иных кредиторов) на собрании кредиторов, фиктивные кредиторы могут с легкостью диктовать свои условия проведения любой из предусмотренных Законом о банкротстве процедур. Основная проблема заключается в том, что существующие исследования по данной тематике не содержат общих признаков и классификаций такого рода сделок. Более того, сделки по созданию искусственной кредиторской задолженности не упоминаются и при обосно-

вании различных видов классификаций недействительности сделок, что, безусловно, препятствует их подробному анализу как самостоятельного вида.

Пристальное внимание законодателя к вопросам оспаривания сделок в процедуре банкротства в очередной раз подтверждает их. В этой связи формирующаяся судебная практика представляет значительный интерес как для теоретических изысканий, так и в практической плоскости. Указанные проблемы делают необходимым проведение комплексного исследования аспектов правового регулирования оспаривания сделок должника в процедурах банкротства, их соотношения с общегражданскими нормами признания сделок недействительными и применения последствий недействительности таких сделок.

Степень разработанности темы исследования. Вопрос особенностей оспаривания сделок несостоятельного должника являлся предметом исследования многих ученых как в советский период, так и на современном этапе развития российского законодательства о банкротстве.

Одним из первых русских ученых, обозначивших проблемы конкурсного процесса, стал Г.Ф. Шершеневич. На советском этапе развития законодательства об оспаривании сделок должника значительное внимание данному вопросу уделяли такие ученые, как М.М. Агарков, С.Н. Братусь, А.В. Венедиктов, Д.М. Генкин, З.И. Шкундин и др. Теоретические вопросы несостоятельности являлись предметом исследования в трудах многих выдающихся современных ученых, в том числе: В.В. Витрянского, В.Ф. Попондопуло, М.В. Телюкиной, Р.О. Зайцева, К.Б. Кораева, С.В. Сарбаш, Е.А. Суханова, С.И. Ковалева и др.

Отдельные вопросы обеспечения обязательств применительно к оспариванию сделок должника, а также реализации прав кредиторов на конкурсное оспаривание рассматривались О.В. Сысоевой, А.В. Егоровым.

Среди диссертационных исследований по данной тематике можно выделить работы Е.В. Яцевой, Н.В. Соколовой и А.Э. Циндяйкиной, однако работы первых двух авторов были подготовлены еще до внесения Федеральным законом от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные ак-

ты Российской Федерации»¹ крупномасштабных нововведений в Закон о банкротстве, связанных с изменением оснований и порядка оспаривания сделок несостоятельного должника. Работа А.Э. Циндяйкиной (2012 г.) появилась в свет уже после указанных изменений в Законе о банкротстве, однако без учета новой практики его применения, сформированной за 2013 – 2017 годы.

Таким образом, несмотря на значительное количество трудов по отдельным вопросам конкурсного оспаривания сделок, на сегодняшний момент отсутствуют работы по комплексному исследованию указанной проблематики с учетом последних изменений гражданского законодательства и судебной практики.

Цель диссертационного исследования заключается в комплексном исследовании вопросов оспаривания сделок несостоятельного должника, определении эффективности существующего законодательства в отношении указанных правоотношений, выработке конкретных предложений по его совершенствованию с учетом потребностей хозяйствующих субъектов и гражданского оборота в целом для использования их в правоприменительной практике.

Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач:

- рассмотреть понятие, правовую природу и виды недействительности сделок в современном гражданском праве;
- проанализировать существующие классификации недействительности сделок должника при банкротстве, а также исследовать сущность основных теорий недействительности сделок, выявить их недостатки;
- рассмотреть исторические этапы становления и развития института конкурсного оспаривания сделок несостоятельного должника;
- предложить и обосновать новую классификацию оснований для оспаривания сделок несостоятельного должника, исходя из вида их противоправности;

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 04.05.2009. № 18 (1 ч.) ст. 2153.

- рассмотреть и систематизировать обстоятельства, входящие в предмет доказывания по каждому из имеющихся оснований для оспаривания, с учетом существующей судебной практики;
- рассмотреть существующий способ определения неравноценности встречного предоставления при рассмотрении иска о недействительности сделки должника по ст. 61.2 Закона о банкротстве, предложить и обосновать необходимость внедрения нового способа;
- проанализировать основные обстоятельства, свидетельствующие о противоправной цели должника при совершении сделки, в том числе обстоятельства смены места жительства, внести предложения по корректировке перечня таких обстоятельств;
- рассмотреть существующее в действующем законодательстве понятие заинтересованности (аффилированности) применительно к оспариванию сделок должника. Выявить его недостатки, разработать новую дефиницию «заинтересованных (аффилированных) лиц», исправляющую существующие недостатки;
- рассмотреть вопрос возможности оспаривания действий кредитора по удержанию, как обеспечительной конструкции, влекущей предоставление необоснованных привилегий одному кредитору перед другими при погашении требований в процедуре несостоятельности;
- выявить основные цели формирования искусственной кредиторской задолженности недобросовестным должником и кредитором;
- проанализировать нормы Закона о банкротстве по текущим платежам в разрезе использования их недобросовестными кредиторами в целях вывода активов должника. Внести конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства в данной области;
- проанализировать и систематизировать основные обстоятельства, свидетельствующие о злоупотреблении правом сторонами сделки при возникновении задолженности несостоятельного должника (искусственной кредиторской задолженности);

- определить круг лиц, уполномоченных на оспаривание сделок должника по предложенным группам оснований, обосновать предложение по расширению круга лиц, уполномоченных на оспаривание;
- выявить и систематизировать процессуальные особенности (механизмы) конкурсного оспаривания отдельных видов сделок должника при несостоятельности (банкротстве);
- рассмотреть правовые последствия признания сделки недействительной в деле о банкротстве, проанализировать вопрос применения практики «сальдо-зыскания» в качестве одного из последствий недействительности сделки.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе оспаривания сделок несостоятельного должника, при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве).

В предмет исследования входят, во-первых, основания признания недействительными сделок несостоятельного должника, исходя из их классификации; во-вторых, механизмы оспаривания недействительных сделок несостоятельного должника, исходя из круга оспаривающих лиц; в-третьих, последствия признания таких сделок недействительными, исходя из степени их общественной опасности.

Методологическая основа и методы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет диалектический метод познания, который предполагает объективное, всестороннее и конкретное рассмотрение социально-правовых явлений, связанных с оспариванием сделок несостоятельного должника. Кроме того, в работе использовались общенаучные, специальные и частноправовые методы, в частности, анализ, синтез, системный подход, индукция, дедукция, сравнительно-правовой, формально-юридический и др.

Системный подход позволил автору выявить и изучить всевозможные связи в исследуемом вопросе и свести их в единую теоретическую систему, в результате чего была предложена новая классификация оснований оспаривания сделок. Сравнительно-правовой метод, широко используемый в работе, дал возможность проанализировать исследуемую проблему и выявить ее особенности. При использовании формально-юридического метода были изучены и определены основные

юридические понятия, касающиеся предмета исследования, выявлены их признаки, проведена классификация понятий и их смысла и т. д.

Теоретическая основа исследования. Теоретической базой данного диссертационного исследования являются труды отечественных ученых-цивилистов. Работа основана на достижениях общей теории права, а также гражданского, предпринимательского и иных отраслей права. Исследованы современные публикации, касающиеся предмета оспаривания сделок несостоятельного должника.

Нормативную и эмпирическую основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, ГК РФ, Закон о банкротстве. В работе были использованы тексты иных законов и подзаконных актов, материалы судебной практики, составляющие объект диссертационного исследования, а также материалы научно-практических конференций и семинаров по проблемам гражданского и предпринимательского права.

Научная новизна исследования выражается в системном подходе к анализу вопроса признания недействительными сделок несостоятельного должника. В диссертации предложена новая классификация оснований для оспаривания сделок, способствующая выявлению сделок по формированию искусственной кредиторской задолженности и более подробному анализу оснований для их оспаривания. Разработан способ определения неравноценности встречного предоставления, а также предложена корректировка имеющихся в Законе о банкротстве презумпций с учетом практического применения норм об оспаривании. Выявлена необходимость корректировки ряда ключевых понятий конкурсного права, в частности, заинтересованности, аффилированности и др.

Научная новизна исследования нашла свое отражение в положениях, выносимых на защиту:

1. Предложена новая классификация оснований для оспаривания сделок несостоятельного должника. Классификация строится, исходя из вида противоправности, на три группы: сделки по выводу (уменьшению) активов должника, сделки по созданию искусственной кредиторской задолженности и сделки общей (универсальной) противоправности. Такая классификация позволяет актуализиро-

вать вопрос исследования сделок по созданию искусственной кредиторской задолженности в цивилистической доктрине, а также проанализировать вопрос о необходимости установления специальных оснований для их оспаривания.

2. Разработан способ определения неравноценности встречного предоставления при оспаривании сделки должника по основанию п. 1. ст. 61.2 Закона о банкротстве. В этой связи предлагается сформулировать новое понятие: «обычный рыночный дисконт». Одновременно дается определение понятию «обычный рыночный дисконт» – это такие условия (стоимость имущества, работ, услуг или иного предоставления должника, размер обеспечения и т.д.), которые не более чем на 20 процентов в худшую для должника сторону отличаются от обычно совершаемых сделок. Практическое значение указанного вывода заключается в том, чтобы исключить из правового регулирования п. 1. ст. 61.2 Закона о банкротстве сделки, заключаемые в рамках обычного рыночного дисконта, т. е. незначительно отличающиеся от рыночных сделок должника.

3. Выявлено, что обстоятельства смены места жительства, а также местонахождения должника непосредственно перед совершением сделки или сразу после ее совершения не могут стать основанием для суждения о противоправной цели должника при совершении такой сделки. В этой связи указанный признак не может быть использован в качестве презумпции цели причинения вреда имущественным правам кредиторов должника.

4. Обоснована необходимость установления более точного определения понятию «заинтересованность (аффилированность)» применительно к конкурсному праву. Указанная необходимость связана со сложностями, возникающими в правоприменительной практике при определении заинтересованности, а также обусловлена сложностью конструкции ст. 19 Закона о банкротстве, непосредственно определяющей ее понятие (использование одновременно нескольких способов изложения: прямое перечисление лиц, отсылка к иным нормативным актам и т.д.). Предлагается закрепить дефиницию, в соответствии с которой «заинтересованные (аффилированные) лица - это физические и юридические лица, способные оказывать как непосредственно, так и опосредованно влияние (контроль) на

деятельность юридических и (или) физических лиц, преследуя реализацию своих личных интересов или интересов третьих лиц, противоречащих интересам должника».

5. Обоснована возможность оспаривания действий по удержанию по основанию ст. 61.3 Закона о банкротстве как действия, влекущего установление привилегированного статуса перед иными кредиторами должника при погашении требований. Удержание по своей правовой природе является обеспечительной конструкцией, влекущей возникновение привилегированного статуса для кредитора в процедуре банкротства, который заключается в преимущественном удовлетворении его требований по результатам процедуры банкротства за счет вещи, находившейся у него на удержании. То есть правовая природа удержания в данном случае аналогична залогу, а соответственно такая конструкция может быть оспорена на основании ст. 61.3 Закона о банкротстве.

6. Выявлены основные цели формирования искусственной кредиторской задолженности недобросовестным должником и кредиторами. Среди основных целей предлагается выделить: инициирование процедуры банкротства через аффилированное лицо для получения преимуществ заявителя; получение максимального контроля над процедурой банкротства через собрание кредиторов; уменьшение процента погашения требований «реальных кредиторов» путем «размытия» их требований в реестре требований кредиторов должника; вывод активов должника путем формирования и погашения требований текущего кредитора либо кредитора первой – второй очереди реестра требований кредиторов. Правовая ценность предложенного обобщения заключается в формировании на его основе нового направления для совершенствования законодательства об оспаривании сделок (по созданию искусственной кредиторской задолженности), что в итоге позволит более эффективно бороться с влиянием недобросовестных лиц на проведение процедуры банкротства.

7. Предложен дополнительный критерий разграничения реестровой задолженности и текущей, в соответствии с которым предлагается при определении режима погашения требований кредиторов (текущих или реестровых) учитывать

не только дату возникновения обязанности по оплате, но и дату фактического выполнения работ/оказания услуг. Разграничение текущих и реестровых требований без учета указанного критерия может привести к злоупотреблениям со стороны недобросовестных кредиторов и должника, что может, в свою очередь, привести к трансформации реестрового долга в текущую задолженность и, как следствие, способствовать выводу активов должника.

8. Произведено обобщение основных обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении правом сторонами сделки при возникновении задолженности несостоятельного должника (искусственной кредиторской задолженности). Среди таких обстоятельств предложено выделить: транзитное перечисление денежных средств (заем, предоплата по договору и т.д.); отсутствие рассматриваемой сделки в бухгалтерской отчетности должника и кредитора за исследуемый период; отсутствие финансовой возможности в передаче денежных средств по сделке (заем, предоплата по договору и т.д.); отсутствие реальной возможности осуществления поставки, выполнения работ, оказания услуг и т.д.; несоответствие предмета сделки фактическим видам деятельности должника; несоответствие сделки рыночным условиям в худшую для должника сторону (купля-продажа, процентный заем и т.д.); отсутствие экономической целесообразности сделки (поручительство, независимая гарантия, залог и т.д.). Предложенное обобщение включает в себя наиболее распространенные обстоятельства, свидетельствующие о злоупотреблении правом при создании искусственной кредиторской задолженности в процедурах банкротства. Оно призвано упростить процедуру установления фактов злоупотребления правом со стороны должника и его контрагентов при оспаривании сделки несостоятельного должника.

9. Обосновывается необходимость наделения представителя работников должника правом на внесение дополнительных вопросов в повестку дня собрания кредиторов, в том числе по вопросам оспаривания сделок должника. Такая необходимость обусловлена особым статусом требований по заработной плате и соответствует общей тенденции по увеличению полномочий работников (бывших работников) должника в рамках процедуры банкротства. Между тем, в целях пресе-

чения недобросовестных действий со стороны работников (бывших работников) должника предлагается не наделять их самостоятельным правом на оспаривание сделок, что позволит соблюсти права конкурсных кредиторов должника, а также обеспечить баланс интересов всех лиц, участвующих в процедуре банкротства.

10. Выявлены и обоснованы механизмы оспаривания сделок несостоятельного должника. Предложены три механизма признания недействительными сделок несостоятельного должника: оспаривание сделок в рамках отдельного иска в деле о несостоятельности (банкротстве) должника; оспаривание сделок несостоятельного должника в общегражданском порядке, оспаривание сделок в рамках установления требований кредиторов в деле о банкротстве. При этом в рамках третьего из перечисленных механизмов обосновывается необходимость предоставления конкурсным кредиторам права возражать на требования иных кредиторов по основанию недействительности сделки, на которой основано такое требование, используя специальные основания Закона о банкротстве в процедурах конкурсного производства и внешнего управления.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что теоретические положения могут быть использованы в законотворческой деятельности, в сфере правового регулирования несостоятельности. Содержащиеся в исследовании выводы и предложения могут позволить законодателю более эффективно реформировать законодательство о несостоятельности в области оспаривания сделок. Материалы настоящей работы могут быть использованы для дальнейших научных исследований в области конкурсного права и смежных дисциплин, а также при разработке учебно-практического материала по гражданскому и предпринимательскому праву, арбитражному процессу в ходе проведения лекционных и практических занятий.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования обеспечивается его теоретической основой, включающей научные работы признанных ученых-цивилистов различных исторических периодов и работы современных авторов, нормативной базой, совокупностью материалов судебной прак-

тики, а также применением различных методов познания, которые обеспечили достижение поставленных целей и задач.

Апробация результатов исследования.

Диссертация обсуждалась и была одобрена на кафедре «Финансовое и предпринимательское право» байкальского государственного университета.

Основные идеи, теоретические и практические положения, изложенные в диссертации, нашли отражение в научных статьях, три из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации. (далее РФ).

Автор принял участие в шести научно-практических конференциях и семинарах: аспирантская конференция по гражданскому и предпринимательскому праву Байкальского государственного университета, первый ежегодный семинар на тему: «Актуальные проблемы, практика проведения процедур банкротства и изменения законодательства (ФЗ «О несостоятельности (банкротства)»); второй ежегодный семинар на тему: «Актуальные проблемы, практика проведения процедур банкротства и изменения законодательства (ФЗ «О несостоятельности (банкротства)»); IV Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы современного российского законодательства»; третий ежегодный семинар на тему: «Актуальные проблемы, практика проведения процедур банкротства и изменения законодательства (ФЗ «О несостоятельности (банкротства)»); межвузовская научно-практическая конференция: «Человек, общество, государство: правовое измерение в современном мире».

Материалы диссертации аспиранта Д.А. Рыкова на тему: «Оспаривание сделок должника в деле о банкротстве» были использованы им в практической деятельности при исполнении обязанностей арбитражного управляющего в рамках дел о несостоятельности (банкротстве), а также использовались в преподавании дисциплины «Конкурсное право» в ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет» и в преподавательской деятельности аспиранта в рамках Единой программы подготовки арбитражных управляющих на факультете повышения квалификации и переподготовке судей, государственных гражданских служащих

судов и Судебного департамента ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Структура диссертационного исследования соответствует логике поставленной цели и решению исследовательских задач и включает введение, три главы, объединяющие девять параграфов, заключение, список сокращений и условных обозначений, список литературы. В процессе изложения материала и в конце каждой главы приводятся выводы и рекомендации.

Глава 1. ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА

§ 1. Понятие, правовая природа и виды недействительности сделок в современном гражданском праве

Понятие сделки. В силу ст. 153 ГК РФ «сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей»². Несмотря на наличие легального определения в цивилистической доктрине ведется оживленная дискуссия относительно приемлемости и научной обоснованности такого определения сделки. Среди спорных вопросов, имеющих значение для настоящей работы, стоит отметить следующие: 1) имеет ли сделка такой признак, как правомерность; 2) является ли сделкой недействительная сделка; 3) какова правовая природа недействительной сделки; 4) какие явления объективной реальности подпадают под идеальное правовое понятие «сделка» (особенно большое практическое значение имеет квалификация исполнения обязательства как сделки, и допустимость в таком случае применять все нормы о сделках, в том числе нормы об оспаривании сделок).

Стоит отметить тот факт, что термин «юридическая сделка» является достижением немецкой пандектистики и датируется XIX в. (*das Rechtsgeschäft*)³. Как отмечает Н. Л. Дювернуа, сделка – это общее юридико-техническое понятие, которому лишь в некоторой степени соответствует древнеримское *negotium, actus*⁴. Разработка учения о юридической сделке принадлежит Карлу Фридриху фон Савиньи. Как верно заметил Д. Д. Гримм, «из немногих положений К. Ф. Савиньи выросла вся современная теория о природе юридической сделки». К. Ф. Савиньи первым предложил развернутую классификацию юридических фактов по волево-

---

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права : пособие для слушателей. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1916. С. 87; Gradenwitz Die Ungültigkeit die obligatorische Rechtsgeschäfte. S. 1.

⁴ Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2004. Т. 2 : Учение о вещах; Учение о юридической сделке. С.44.

му признаку (в зависимости от наличия свободной воли и направленности этой воли)⁵.

Д. Д. Гримм указывал на то, что римские юристы не выработали общего понятия юридической сделки (встречающиеся термины *negotiumactus*, *actusgestum* не имеют определенного технического значения⁶). Д. В. Дождев отмечает, что римляне, характеризуя сделку, не производящую эффекта, употребляли следующую терминологию: «*non valere*» (не имеющая силы), «*inutile*» (ничтожная), «*inane*» (пустая), «*imperfectum*» (несовершенная, недействительная), «*irritum*» (неправильная)⁷.

Кратко рассмотрим предложенные в российской доктрине определения юридической сделки.

Д. И. Мейер рассматривал в качестве юридической сделки «всякое юридическое действие, направленное к изменению существующих юридических отношений»⁸. Существенными для сделки условиями он считал два условия: «1) чтобы юридическое действие произвело изменение в существующих юридических отношениях: изменение может состоять в установлении какого-либо права, прежде не существовавшего, или в переходе права от одного лица к другому, или в прекращении права; 2) чтобы юридическое действие было направлено к изменению существующих юридических отношений, предпринято с целью произвести это изменение, а действие, не направленное к тому, не подходит под понятие сделки»⁹. В качестве примера такого действия, не являющегося сделкой, Д. И. Мейер приводит такое явление, как нарушение права, «оно и составляет юридическое действие и производит изменение в существующих юридических отношениях: цель нарушения права иная, а потому и существо сделки отлично от юридического действия, составляющего нарушение права»¹⁰.

⁵ Гримм Д. Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. СПб., 1900. Т. 1 : Прологомены. К общей теории гражданского права. С. 3.

⁶ Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права : пособие для слушателей. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1916. С. 87; Gradenwitz O. Die Ungültigkeitobligatorischer Rechtsgeschäfte. S. 1.

⁷ Дождев Д. В. Римское частное право : учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсесянца. М., 1997. С. 127.

⁸ Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. М., 1997. Ч. 1. С. 177–178.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Г. Ф. Шершеневич писал, что «под именем юридической сделки понимается такое выражение воли, которое непосредственно направлено на определенное юридическое последствие, т. е. на установление, изменение или прекращение юридических отношений»¹¹.

М. М. Агарков считал, что «сделка – это правомерное юридическое действие, совершаемое одним или несколькими лицами, выступающими в качестве субъектов имущественных (гражданских) прав и устанавливающие, изменяющие или прекращающие гражданские правоотношения на установление, изменение или прекращение которых они направлены»¹².

Как можно заметить из приведенных определений, данных тремя знаменитыми отечественными цивилистами, отличительными чертами сделки являются: 1) сделка – действие; 2) волевой характер, 3) правомерность, 4) направленность на возникновение и изменение правоотношений. В целом относительно наличия указанных признаков у юридической сделки в науке российского гражданского права достигнут консенсус¹³.

Представляется, что заслуживает обсуждения вопрос наличия у сделки такого признака как «правомерность», так как легальное определение, данное в ст. 153 ГК РФ не содержит указания на правомерность как на признак сделки¹⁴.

Ф.С. Хейфец дает категоричный ответ на вопрос. По его мнению, правомерность сделки (действия) – это «конститутивный элемент сделки, отличающий ее от правонарушения»¹⁵. Мнение об обязательности признака правомерности для

---

¹¹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М., 1911. С. 158.

¹² Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3-4. С. 55.

¹³ Научно-практический комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малейной. М., 2004. С.330 (автор комментария – А. М. Эрделевский);

¹⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой : постатейный / рук. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садилов. 3-е изд., испр., доп. и перераб. с использованием судебно-арбитражной практики. М., 2005. С.212 (автор комментария – О. Н. Садилов); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 1. С.; Гражданский кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий. Ч. 1 / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2011. С. 116 (автор комментария – Б. М. Гонгалов).

¹⁵ Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 14–15.

определения сущности сделки высказано и в известном курсе «Договорное право»¹⁶.

Представляется, что правомерность является конститутивным элементом действительной сделки, отличающим ее от правонарушения, и было бы ошибочным допускать размывание правовых категорий «юридическая сделка» и «правонарушение».

Правовая природа недействительной сделки. Анализ цивилистической литературы свидетельствует о том, что вопрос о правовой природе недействительных сделок является одним из наиболее дискуссионных. Представляется, что краеугольными для определения правовой природы недействительных сделок имеют ответы на следующие проблемные вопросы: являются ли недействительные сделки юридическими фактами и, в частности, сделками; правомерны ли они; являются ли они правонарушениями. С определенной степенью условности высказанные на этот счет суждения можно разделить на четыре группы.

Первая группа ученых (М. М. Агарков, О. С. Иоффе, О. А. Красавчиков, И. С. Перетерский, Ю. К. Толстой, Ф. С. Хейфец) опирается на тезис о том, что признак правомерности сделки носит конститутивный характер, поэтому недействительные сделки могут быть отнесены к разряду неправомерных действий и не могут быть квалифицированы как сделки¹⁷.

Оригинальным представляется мнение И. С. Самощенко, который считал, что «сделки, которые запрещены гражданским правом, – это действия неправомерные, а при определенных условиях – правонарушения»¹⁸.

Как отмечает К. И. Скловский, «далеко не все сделки, которые могли бы быть признаны судом недействительными, становятся предметом судебного спора по той причине, что многие сделки с теми или иными пороками фактически не нарушили чьих-либо интересов либо, хотя и нарушили, но защита нарушенного

---

¹⁶ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. М., 2001. Кн. 1 : Общие положения. С. 152.

¹⁷ Перетерский И. С. Сделки, договоры. М., 1929. С. 6–11; Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права : в 2 т. М., 2005. Т. 2; Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по советскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972.; Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 162.

¹⁸ Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 181.

интереса объективно невозможна (например, ликвидирована сторона спорной сделки), либо требуется применение иных способов защиты»¹⁹. К.И. Скловский был убежден, что «аннулирование сделок только по той причине, что в них обнаружены те или иные пороки, но без цели защиты частных прав и интересов сторон сделки, вступает в противоречие с началами гражданского права»²⁰.

Вторая группа цивилистов полагает, что, несмотря на наличие порока в каком-либо из условий действительности сделки, недействительные сделки следует рассматривать в их собственном, буквальном смысле. Методологической основой подобного рода вывода служит непризнание признака правомерности в качестве обязательного элемента сделки (Д. М. Генкин, И. Б. Новицкий, М. З. Прилуцкая)²¹. То обстоятельство, соответствует ли действие закону или нет, влияет только на последствия. Однако по мнению А. А. Киселева, утверждение о том, что правомерность или неправомерность сделки не является необходимым ее элементом как юридического факта, стирает границы между сделкой и правонарушением, создает сложности при отграничении данных понятий друг от друга²².

Третья группа ученых подходит к пониманию недействительных сделок как к действиям, которые воплощают в себе характеристики как сделки, так и правонарушений. В наиболее завершенном виде указанный подход был сформулирован в работах Н. В. Рабинович. В частности, она полагает, что недействительная сделка по своей правовой природе одновременно является и сделкой, и правонарушением, поскольку, с одной стороны, она (по содержанию, форме и направленности) соответствует сделке, а с другой стороны, она нарушает норму закона, что, конечно, является правонарушением. Н.В. Рабинович считает недействительные сделки неправомерными действиями, поскольку «именно неправомерность недействительной сделки обуславливает аннулирование сделки и определяет те послед-

---

¹⁹ Скловский К. И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). 2-е изд. М., 2016. С. 76.

²⁰ Там же.

²¹ Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954; Генкин Д. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки. Ученые записки ВИЮН. М., 1947. Вып. 5. С. 40–57; Прилуцкая М. З. Недействительность сделок по ст. 30 ГК РСФСР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951. С. 5.

²² Киселев А. А. Недействительные сделки: проблемы составов, квалификации и правовых последствий : монография / под ред. В. А. Рыбакова М., 2004. С. 9.

ствия, которые влечет за собой объявление ее недействительной»²³. Однако сама по себе недействительность не лишает такую сделку статуса сделки, при этом Н. В. Рабинович в подтверждение своей позиции приводит интересную аналогию: «не перестает быть административным актом тот акт, который является незаконным, неправильным, как не перестает быть договором тот договор, который не исполняется»²⁴. Аналогичного подхода придерживался Ю. П. Егоров²⁵.

При этом Н. В. Рабинович предлагала считать недействительную сделку правонарушением особого порядка, одним из видов правонарушений в широком смысле этого слова, не тождественным тем противозаконным действиям, которые предусматривались в ст. 403–415 ГК РСФСР 1922 г. (правонарушения в узком смысле). Н. В. Рабинович выделяла в отдельную категорию «неделиктных правонарушений», к которым наряду с недействительными сделками относила такие неправомерные (по ее мнению) действия, как неисполнение договора, неосновательное обогащение, причинение вреда, незаконное завладение чужим имуществом и т.д. «Недействительные сделки, – считала Н. В. Рабинович, – также нарушают определенную норму права и должны влечь последствия, предусмотренные для любого неправомерного действия, а именно: к отмене их юридической силы, предотвращению наступления вызываемого ими правового эффекта или устранению уже наступившего результата, восстановлению положения, соответствующего закону. Таким образом, Н. В. Рабинович недействительные сделки называла одновременно и сделками, и правонарушениями «особого порядка»²⁶.

О. В. Гутников также утверждает, что «недействительная сделка может быть как правомерным, так и неправомерным действием»²⁷. Такого же подхода придерживается Н. Д. Шестакова, которая приходит к выводу о том, что характер действий участников сделки (правомерность или неправомерность) нельзя считать определяющим признаком, поскольку это имеет значение только для послед-

---

²³ Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960. С. 11.

²⁴ Рабинович Н. В. Указ. соч. С. 12.

²⁵ Егоров Ю. П. Правовой режим сделок как средств индивидуального регулирования. Новосибирск, 2004. С. 35.

²⁶ Там же.

²⁷ Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве: Теория и практика оспаривания. М., 2003. С. 94.

ствий сделки. На этом основании Н. Д. Шестакова приходит к убеждению, что недействительны только ничтожные сделки либо оспоренные, по которым состоялось необходимое для этого решение суда. Остальные действия, по мнению Н.Д. Шестаковой, – даже не соответствующие каким-либо положениям закона, являются сделками действительными²⁸.

Безусловно, здесь можно увидеть определенные противоречия. Например, В. А. Тархов считал, что «понятие недействительных сделок логически противоречиво, поскольку сделка – правомерное действие, а потому недействительным быть не может»²⁹. В данном случае хотелось бы процитировать Л. И. Петражицкого, утверждающего, что «юриспруденция и право существуют не ради логики, а ради практических надобностей, поэтому первую стоит подчинять последним»³⁰. Если же рассматривать проблему по существу, то, безусловно, стоит поддержать точку зрения Н. Дювернуа, который задавался вопросом: «...не составляет ли этот отрицательный признак, недействительность, отсутствие делового исхода, юридического эффекта волеизъявления прямого отрицания понятия сделки? Если мы называем сделкой и такое волеизъявление, которое не производит юридического эффекта, свойственного понятию сделки известного типа, то этот термин, но сопровождаемый необходимо известной его квалификацией, несомненно, перестает угрожать опасностью путаницы понятий»³¹. Дювернуа приводит интересный пример, повторенный потом В. П. Шахматовым. Ученый удачно сопоставляет понятия недействительной и действительной сделки с понятиями фальшивой и ходячей монеты. В самом деле, действительность или недействительность монеты относится к признанию (или не признанию) за ней силы служить законным платежным средством. Если монета имеет дефекты (является фальшивой), она не будет порождать платежную силу, т. е. будет недействитель-

---

²⁸ Шестакова Н. Д. Недействительность сделок. СПб., 2001. С. 10–11.

²⁹ Тархов В. А. Гражданское право: Общая часть: [курс лекций]. Чебоксары, 1997. С. 223.

³⁰ Петражицкий Л. И. Иски о незаконном обогащении в 1 части X тома (К характеристике современной юриспруденции) (начало) // Вестник права. 1900. № 1. С. 2.

³¹ Дювернуа Н. Л. Указ. соч. С. 47.

ной. Однако и такая фальшивая монета, как и ходячая монета, все равно будет называться монетой³².

Четвертая группа ученых считает, что недействительные сделки – это действия, имеющие внешний вид сделок, но в силу своей противоправности и внутренней дефектности не создающие юридического результата. На этом основании делается вывод о том, что они попросту не являются юридическими фактами, а потому понятие недействительных сделок не входит в число гражданско-правовых категорий и нормы о недействительности сделок оказываются беспредметными, а их присутствие в ГК РФ – ничем не оправданным. Интересы лиц, совершивших действия, именуемые «недействительными сделками», нарушаются вовсе не самими недействительными сделками, а последующими действиями по осуществлению несуществующих субъективных прав и исполнению якобы корреспондирующих им обязанностей³³.

Ход и результат дискуссии в науке гражданского права Российской Федерации (далее РФ) относительно того, является ли недействительная сделка правонарушением, резюмировал Д. О. Тузов: «...Таково многообразие воззрений на правовую природу недействительных сделок в отечественной доктрине. Одни видят в них противоправные действия (господствующее мнение), другие – сделки в собственном смысле (Д. М. Генкин)³⁴, третьи рассматривают их как действия, одновременно сочетающие в себе признаки и юридических сделок, и правонарушений (Н. В. Рабинович). Некоторые разделяют все недействительные сделки на две группы, одну их часть относя к правонарушениям, а другую – к сделкам (И. Б. Новицкий) либо к безразличным для права явлениям (М. М. Агарков) или же квалифицируя недействительные сделки одной группы как сделки, а другой – одновременно как сделки и как правонарушения (В. П. Шахматов). Вместе с тем все

---

³² Шахматов В. П. Сделки, совершенные с целью, противной интересам государства и общества : учеб. пособие. Томск, 1966. С. 25.

³³ Гражданское право: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 388, 390–391. (автор очерка – Ю. А. Тарасенко).

³⁴ Генкин Д. М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки / Всесоюзный ин-т юрид. наук мин-ва юстиции СССР ; ред. кол.: И. Т. Голяков [и др.]. Вып. 5. М., С. 48–51.

рассмотренные взгляды основываются – и это вполне естественно – на том или ином представлении о сделке как таковой»³⁵.

Оспоримость и ничтожность сделки. Действующий ГК РФ впервые закрепил деление недействительных сделок на: недействительные по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством, в силу признания их таковыми судом (оспоримые сделки); недействительные независимо от такого признания (ничтожные сделки). Статья 166 ГК РФ называет два вида недействительных сделок: ничтожные и оспоримые. В пункте 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 четко разъяснено относительно оспоримости и ничтожности: «предусмотренные ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве основания недействительности сделок влекут оспоримость, а не ничтожность соответствующих сделок»³⁶.

По утверждению Д. О. Тузова, «учение о ничтожности и оспоримости развилось на основе анализа и обобщения отдельных римских правовых институтов. Оно не нашло в римском праве четкого и законченного выражения: у римских юристов невозможно обнаружить какой-либо стройной квалификации, упорядоченных в соответствии с ней точных понятий и стройной терминологии»³⁷. Вообще, имеются серьезные сомнения относительно наличия какой-либо системы, учения о недействительности сделок в римском праве³⁸.

Вопрос об оспоримости сделок относится к одному из самых сложных вопросов римского права³⁹. При этом в римском праве отсутствовало единое юридико-техническое понятие оспоримости (оспоримая сделка), для этого использовалось несколько понятий⁴⁰. Специфика решения римского права была обусловлена существованием и взаимодействием двух нормативных систем, участвовавших в формировании римского правопорядка в целом: гражданского права

---

³⁵ Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007. С.7.

³⁶ О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

³⁷ Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: Пандектное учение и современное право. М., 2006. С. 10.

³⁸ Pelsasz Die Entwicklung der Nichtigkeit und Anfechtbarkeit von Rechtsgeschäften S. 9.

³⁹ Schlottmann – Die Anfechtbarkeit nach Romischen Recht und Bürgerliche Gesetzbuche. 1901. S. 1.

⁴⁰ Ibid. S. 10.

(*iuscivile*) и права преторского (*iushonorarium*)⁴¹. Сделка, не соответствовавшая *iuscivile*, была недействительной изначально (*non valet, nullum est*), не влекла за собой никаких правовых последствий, а потому может быть условно охарактеризована как ничтожная⁴². Ничтожность при этом является такого рода недействительностью, которая действует сама по себе, без просьбы или жалобы заинтересованных лиц⁴³. Претор давал защиту лицам, заключившим договор под влиянием принуждения, ошибки или обмана, а также молодым людям, совершившим вследствие своей неопытности невыгодную для себя сделку. Претор, пользуясь принадлежащей ему высшей административной властью, аннулировал правовые последствия сделки и восстанавливал первоначальное состояние лиц, руководствуясь именно соображениями справедливости, а не нормами гражданского права. В Своде Юстиниана противопоставление преторского и гражданского права ликвидировано, и в результате появился прообраз деления порочных сделок на ничтожные (изначально недействительные) и те, которые могут быть аннулированы по инициативе определенных заинтересованных лиц (иск о реституции, эксцепция, а также прежние иски). Глоссаторы дали этому разграничению в Своде Юстиниана теоретическое описание.

Создателем единого юридико-технического понятия «оспоримость» в современном его понимании признается Фридрих фон Савиньи⁴⁴.

Л. Эннекцерус указывал: «Оспоримость сделки есть неопределенная, зависящая от воли лица, уполномоченного на оспаривание, ничтожность, соединенная с допущением временной действительности. Сделка, оспоренная действительным образом, становится равной ничтожной сделке»⁴⁵.

Нельзя не согласиться с Юлиусом Бароном в том, что оспоримые сделки влекут правовые последствия с самого начала, но одна из сторон или третьи заин-

---

⁴¹ Дернбург Г. Пандекты / пер. с нем. Г. фон Рехенберга. М., 1906. Т. 1 : Общая часть. С. 331; Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки... С.13 ; Дювернуа Н. Л. Указ. соч. С.12.

⁴² Там же.

⁴³ Ефимов В. В. Догма римского права. Общая часть : лекции. СПб., 1893. С. 157.

⁴⁴ Schlottmann. Op. cit. S. 10.

⁴⁵ Эннекцерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права / пер. с нем. И. Б. Новицкого [и др]. М., 1950. Т. 1. Полумтом 2 : введение и общая часть. С. 314.

тересованное лицо имеют право ее оспорить; после оспаривания сделка уничтожается⁴⁶.

Представляется, что оспоримую сделку необходимо охарактеризовать как условно действительную сделку, недействительность которой поставлена в зависимость от реализации указанным в законе лицом принадлежащего этому лицу права на оспаривание сделки, при этом указанное право по своей правовой сущности является преобразовательным правом.

Выделяя оспоримые и ничтожные сделки, целесообразно определить различия между ними. По мнению Ю. С. Гамбарова, «оспоримость есть недействительность особого рода и меньшей силы, чем ничтожность. Она наступает не *ipso iure*, как последняя, а по судебному решению, постановляемому на основании ссылки участников на такие пороки, которые сами по себе не вызывают недействительности сделки, но приводят к ней только по требованию заинтересованных сторон и состоявшемуся на этом основании судебному решению». Отсюда Ю.С. Гамбаров вывел следующие различия между ничтожными и оспоримыми сделками: 1) Оспоримость сделки устанавливается в интересе только известных категорий лиц. Поэтому и право на оспаривание сделки признается не за всеми заинтересованными лицами, а только за указанными в законе категориями лиц, непосредственно задетых оспоримой сделкой в своей юридической сфере и могущих защититься от последствий этой сделки предъявлением иска или возражения о её недействительности. 2) Оспоримость сделки не действует так непосредственно, как её ничтожность, и до произнесения судом оспоримой сделки недействительной она остается в такой же силе, как и сделка, свободная от пороков. 3) Оспоримость сделки, раз она установлена в интересах только определенных лиц, допускает последующее одобрение, уничтожающее её пороки. 4) Различаются сроки давности для ничтожных и оспоримых сделок. Для оспоримых сделок установлены более короткие сроки давности в целях скорейшего устранения создан-

---

⁴⁶ Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. 1. Кн. 1 : Общая часть / пер. с нем. Л. Петражицкого. 2-е изд., испр. СПб., 1898. С. 147.

ной оспоримой сделкой неопределенности.⁴⁷ Несмотря на то, что анализ Ю. С. Гамбарова основан на французском праве начала XX века, можно убедиться в верности и актуальности его суждений.

Представляется, что среди современных учёных наиболее полно и подробно различия между ничтожными и оспоримыми сделками изложил Д.О. Тузов, считающий, что «согласно классическому учению, существует семь пунктов, по которым можно провести различие между ничтожными и оспоримыми сделками: 1) По необходимости решения суда для установления их недействительности: «ничтожные сделки, как не существующие для права, недействительны изначально и автоматически, в то время как оспоримые могут быть недействительными только в силу оспаривания и аннулирования, так что при отсутствии таковых остаются вполне действительными»⁴⁸. 2) По характеру иска и решения суда относительно сделки: «в случае ничтожности судебный иск направлен на простое удостоверение, подтверждение этого состояния как уже существующего и по своей природе является, как и удовлетворяющее его судебное решение, декларативным, или установительным (о признании); иск об аннулировании оспоримой сделки, а также вынесенное по нему положительное судебное решение имеют преобразовательный, или конститутивный, характер, поскольку именно уничтожают сделку, оказывая прямое воздействие на материально-правовые отношения ее сторон и третьих лиц»⁴⁹. 3) По кругу лиц, имеющих право ссылаться на недействительность сделки (легитимация на оспаривание): «по общему правилу, на ничтожность может ссылаться всякий, не считаясь со сделкой, не признавая за ней юридической силы (абсолютность ничтожности); аннулирование оспоримой сделки происходит только по инициативе строго определенных управомоченных лиц (относительность оспоримости). В порядке исключения могут устанавливаться случаи относительной ничтожности (ограничения легитимации на признание ничтожности узким кругом заинтересованных лиц) и абсолютной оспоримости (не-

---

⁴⁷ Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. СПб., 1911. Т. 1 : Часть общая. С. 404

⁴⁸ Тузов Д. О. Теория недействительности сделок... С. 204–205.

⁴⁹ Там же.

ограниченной легитимации на оспаривание)»⁵⁰. 4) По возможности проявления инициативы со стороны суда: «ничтожность сделки – если на такой сделке основываются подлежащие рассмотрению в суде требования или она имеет иное значение для разрешения дела - может и должна быть установлена по инициативе самого суда (*ex officio*), независимо от заявления об этом заинтересованных лиц; аннулирование таким путем оспоримой сделки невозможно»⁵¹. 5) По сроку исковой давности: «иск о ничтожности (негационный иск) не подвержен давности, притязание об аннулировании оспоримой сделки погашается давностью на общих основаниях»⁵². 6) По возможности последующего удостоверения сторонами: «ничтожная сделка, по общему правилу, неисцелима; оспоримая сделка, напротив, во всякое время может быть подтверждена ее стороной и тем самым «исцелиться» от порока»⁵³. 7) По нормативно-правовой базе: «ничтожность имеет место всякий раз, когда законом, которому противоречит сделка, не предусмотрено иное; оспоримость – только в случаях, когда она установлена *expressis verbis*»⁵⁴. Однако имеются пункты, по которым Д.О. Тузову можно возразить. Например, его утверждение о том, что ничтожные сделки не существуют для права, является несколько ошибочным: п. 1 ст. 167 ГК РФ содержит указание на то, что недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. То есть недействительная сделка, в силу прямого указания закона, не влечет именно те последствия, на которые была направлена воля сторон при её совершении, не приводит к типичному правовому результату. Между тем в силу закона и решения суда у сторон недействительной сделки возникают права и обязанности, связанные с недействительностью сделки и применением последствий недействительности сделки. В силу п. 2 ст. 167 ГК РФ «при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полу-

---

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

ченное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость в деньгах, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом»⁵⁵. Утверждать, что между сторонами недействительной сделки не имеется никаких правоотношений, что сама недействительная сделка безразлична для права, – ошибочно. Особенно рельефно это видно на примере оспоримых сделок, которые могут быть прекращены на будущее время, согласно п. 3 ст. 167 ГК РФ: «если из содержания оспоримой сделки вытекает, что она может быть лишь прекращена на будущее время, суд, признавая сделку недействительной, прекращает ее действие на будущее время»⁵⁶. Сама недействительная сделка, также как и действительная сделка, может привести к правовому результату, характерному для действительной сделки. Это происходит в силу применения российскими судами давности по искам о признании ничтожной сделки недействительной (негационном иске) и иске о применении последствий недействительной сделки. В таком случае суды, несмотря на ничтожность сделки, отказывают в иске на основании истечения срока исковой давности. Согласно п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»⁵⁷ истечение срока исковой давности является самостоятельным основанием для отказа в иске. Итог: недействительная сделка фактически имеет эффект действительной сделки.

Что касается безуспешных поисков материального основания деления сделок на ничтожные и оспоримые, представляется, что они не имеют практической пользы; исходя из сопоставления правового регулирования института недействительности сделок в разное время и в разных странах, можно увидеть, что решение вопроса находится исключительно в компетенции законодателя. Представляется,

---

⁵⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности : постановление Пленума ВС РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 12.

что прав А. П. Сергеев, считающий, что «отнесение той или иной сделки к ничтожной или оспоримой – всецело вопрос законодательной политики»⁵⁸.

Сделки и иные юридические факты. Спорным в современной доктрине и судебной практике остается вопрос о пределах действия норм о сделках к различным фактам реальной действительности. Наиболее интересным и практически значимым является вопрос о том, является ли исполнение обязательства юридической сделкой.

Относительно данного вопроса имеется правовая позиция КС РФ: «При возникновении спора об отнесении к сделкам тех или иных конкретных действий участников гражданского оборота, в том числе осуществляемых в целях исполнения обязательств по ранее заключенным договорам, суды общей и арбитражной юрисдикции на основе установления и исследования фактических обстоятельств дела и с учетом характера и направленности указанных действий самостоятельно дают им соответствующую правовую оценку» (Определение КС РФ от 24 февраля 2005 г. № 95-О)⁵⁹. По существу, Конституционный Суд уклонился от ответа, передав такое почетное право судам общей юрисдикции и арбитражным судам.

Правовая природа исполнения обязательства является спорной: в доктрине имеется несколько теорий. Существует несколько точек зрения на данный вопрос. Исполнение обязательства – это: 1) фактические действия; 2) особый юридический факт; 3) юридический поступок; 4) сделка (односторонняя или двусторонняя).

В. С. Толстой указывал, что «исполнение обязанности в обязательственном правоотношении представляет собой совершение должником действия, которого вправе требовать от него кредитор», действие по исполнению обязанности является сделкой, а значит, юридическим актом⁶⁰.

---

⁵⁸ Сергеев А. П. Некоторые вопросы недействительности сделок // Очерки по торговому праву : сб. науч. тр. Вып. 11 / ред. кол.: Е. А. Крашенинников (отв. ред.) [и др.]. Ярославль, 2004. С. 11, 14.

⁵⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «АКБ «Первый инвестиционный» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 153 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 95-О [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁰ Толстой В. С. Исполнение обязательств. М., 1973. С. 22.

По мнению С. В. Сарбаша, «исполнение обязательства представляет собой волеизъявление сторон, каждое из которых может рассматриваться как односторонняя сделка, но вместе они образуют своеобразную сделку по исполнению обязательства, прекращающую обязательственные правоотношения»⁶¹.

Представляется, что данная концепция не лишена изъянов. Так кажется сомнительным причисление к сделке, например, исполнение обязательства по договору об оказании клининговых услуг (неужели мытьё пола – это сделка?!); можно ли отнести к сделкам исполнение певцом песен, строительство подрядчиком дома? Вероятно, нет. Однако представляется, что передача вещей (имущества) по договору купли-продажи, поставки, перечисление денежных средств как оплаты по договору являются сделками, так как влияют на динамику гражданских правоотношений, возникших из договора. Необходимо дифференцировать указанные выше две группы. С точки зрения потребностей оборота имеет смысл признать сделками акты приема-передачи, акты об оказании услуг, саму передачу вещи по договору, перечисление денежных средств. Как минимум, желательно предоставить возможность оспаривать указанные действия по правилам о сделках, применяя в отношении них условия действительности сделок. В случае же отказа от квалификации указанных действий как сделок и отказа от их оспаривания по правилам о недействительности сделок, представляется, что необходимо при оценке их юридической природы факультативно обращаться к положениям о недействительности сделок (например, как можно охарактеризовать акт об оказании услуг, подписанный под угрозой или принуждением, притом, что услуги (например, консалтинговые) были ненадлежащего качества?).

Применительно к общегражданским делам (а не делам о банкротстве) сложилась устойчивая судебная практика. Часто можно встретить судебные акты, в которых суды однозначно указывают на то, что акты выполненных работ, акты об оказании услуг не являются сделками по смыслу ст. 153 ГК РФ, а по своей правовой природе являются документами, удостоверяющими факт исполнения ответ-

---

⁶¹ Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. М., 2005. С. 62.

чиком принятых на себя обязательств (Определение ВАС РФ от 11 мая 2011 г. № ВАС-4840/11⁶²).

Относительно квалификации перечисления денежных средств также имеется обширная судебная практика. Перечисление денежных средств не является сделкой (Определение ВАС РФ от 06 ноября 2007 г. № 10604/07 по делу № А39-3951/06-360/17⁶³, Постановление ФАС Дальневосточного округа от 20 марта 2012 г. № Ф03-572/2012 по делу № А24-1705/2011⁶⁴). Представляется, что в отсутствие банкротства, права заинтересованных лиц нисколько не нарушаются сложившейся практикой, в данном случае возможна подача иска о взыскании неосновательного обогащения.

Интересным и весьма спорным остается вопрос о том, является ли передача вещи (традиция – *traditio*) самостоятельной сделкой. К.И. Скловский считает, что «в крайнем случае, традицию можно считать сделкой, направленной на прекращение обязательства, квалификация передачи вещи в качестве реального акта (поступка), но не сделки, как в немецком праве, не только не исключена, но и более последовательна»⁶⁵. Д.О. Тузов считает, что в соответствии с п. 1 ст. 223 ГК РФ передача (вещи) является распорядительной сделкой, где «физическая сторона передачи и ее идеальная сторона не являются отдельными элементами фактического состава, но составляют неразрывное единство»⁶⁶.

Согласно сложившейся судебной практике ни исполнение гражданско-правового обязательства, ни доказательства его исполнения не являются сделками и не могут быть оспорены по правилам о недействительности сделок, так как не являются сделками.

Но всё меняется в том случае, если лицо становится несостоятельным. Довольно странная ситуация, на первый взгляд: одно и то же действие, например

---

⁶² Определение ВАС РФ от 11 мая 2011 г. № ВАС-4840/11 по делу № А33-8059/2010 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶³ Определение ВАС РФ от 6 ноября 2007 г. № 10604/07 по делу № А39-3951/06-360/17 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁴ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 20 марта 2012 г. № Ф03-572/2012 по делу № А24-1705/2011 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁵ Скловский К. И. О природе сделки и передаче права // Закон. 2010. № 6. С. 138.

⁶⁶ Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М., 2007. С. 34.

платеж, не может быть оспорено как сделка, если плательщик не является банкротом и может быть оспорено, если он им стал. Это происходит в силу прямого указания закона. Согласно п. 3 ст. 61.1 Закона о банкротстве, правила настоящей главы могут применяться к оспариванию действий, направленных на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с гражданским, трудовым, семейным законодательством, законодательством о налогах и сборах, таможенным законодательством Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС и (или) законодательством РФ о таможенном деле, процессуальным законодательством РФ и другими отраслями законодательства РФ к действиям, совершенным во исполнение судебных или правовых актов иных органов государственной власти.

В соответствии с п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 (в редакции постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35)⁶⁷, по правилам гл. III.1 Закона о банкротстве могут, в частности, оспариваться:

1) действия по исполнению гражданско-правовых обязательств (погашение кредитором денежного долга (наличным или безналичным путем), передача в собственность кредитором иного имущества должника), или другие действия по прекращению обязательств должника перед кредитором (заявление о зачете требований, соглашение о новации существующего требования в новое, предоставление отступного по имеющемуся требованию и т.п.);

2) банковские операции по списанию денежных средств должника – клиента банка в счет имеющейся у него задолженности перед кредиторами или самим банком (как добровольные, так и безакцептные);

3) действия по выдаче заработной платы, выходных пособий, премий и т.д. (наличным и безналичным путем);

4) брачное соглашение, договор о разделе совместно нажитого имущества супругов;

---

⁶⁷ О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве : постановление Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.

5) действия по уплате налогов, сборов и таможенных платежей как добровольные, так и безакцептные (инкассовые) по поручению соответствующего государственного органа;

6) действия по реализации судебного акта, в том числе акта об утверждении мирового соглашения.

В указанном Постановлении Пленума ВАС РФ также закреплена позиция относительно возможности оспаривания по основаниям гл. III.1 Закона о банкротстве сделок, совершенных не должником, а иными лицами непосредственно за счет должника. В перечень таких сделок входят как уже упомянутые ранее сделки по зачету требований и списанию банковской организацией денежных средств в счет погашения долга, так и действия по перечислению приставом в адрес кредитора денежных средств, вырученных с продажи имущества должника, а также оставление взыскателем предмета залога за собой. В данном случае важным является указание на неисчерпывающий перечень.

Стоит отметить, что ранее, когда вопрос о возможности оспаривания действий, являющихся исполнением обязательств, был предметом ожесточенных дискуссий, существовала многочисленная и преимущественно отрицательная судебная практика. Показательным (в контексте развития законодательства и судебной практики) в той дискуссии являлось мнение В.А. Химичева, который считал, что «кредитор может опровергать не только сделки гражданско-правовой направленности, но и «сделки» (если вообще можно применять этот термин к отношениям иного, не гражданско-правового, характера) по уплате налогов и выплате заработной платы»⁶⁸.

В итоге в п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»⁶⁹ было определено, что под сделками, которые могут быть оспорены по специальным ос-

---

⁶⁸ Химичев В. А. Защита прав кредиторов при банкротстве. М., 2005. С. 93.

⁶⁹ О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 7.

нованиям, указанным в Законе о банкротстве, в том числе подп. 2 и 3 ст. 103, данным Законом понимаются также и действия, являющиеся исполнением обязательств (в частности, платеж должником денежного долга кредитору, передача должником иного имущества в собственность кредитора), или действия, влекущие те же правовые последствия (зачет, новация, отступное). По приведенным основаниям могут быть оспорены и такие банковские операции, как списание банком денежных средств со счета клиента.

Анализ арбитражной практики выявил, что суды предельно расширительно относятся к данным рекомендациям и положениям Закона о банкротстве.

Таким образом, Закон о банкротстве содержит особый институт оспаривания юридических фактов, не являющихся сделками. В настоящее время отсутствует единое обобщающее понятие для их обозначения, но представляется, что прямая калька с немецкого «правовые действия» не приживется.

Почему же в Закон о банкротстве внесены изменения, позволяющие оспаривать юридические факты, не являющиеся сделками? Ответ прост – необходимость защиты интересов кредиторов, обеспечения пропорционального погашения их требований. Ведь ранее именно действиями, не являющимися юридическими сделками, зачастую выводились активы должника или же просто осуществлялось преимущественное перед иными кредиторами удовлетворение требований других кредиторов. Вне банкротства интересы заинтересованных лиц вполне могут быть защищены и без института оспаривания. Однако в данном случае представляется, что мы имеем дело именно с распространением из утилитаристских соображений норм об оспаривании сделок на другие юридические факты, а не с признанием их сделками. Представляются беспочвенными и необоснованными предложения А. Э. Циндяйкиной о том, чтобы не распространять правила об оспаривании на действия по исполнению обязательств в соответствии с иными отраслями права. Такие предложения бесполезны. При рассмотрении вопроса о том, нужно ли распространять положения об оспаривании в рамках дела о банкротстве на действия, не являющиеся сделками, необходимо исходить всё же из соображений целесообразности и пользы, которые в данном случае имеются.

Правовые последствия недействительности сделки. Согласно п. 1 ст. 167 ГК РФ недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения. Последствием недействительности сделки согласно п. 2 ст. 167 ГК РФ является обязанность каждой из сторон возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре, возместить его стоимость в деньгах, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом. Такое последствие в доктрине получило название «двусторонняя реституция».

По мнению О. Д. Тузова, «в интерпретации, возобладавшей в российской доктрине и судебной практике, за несколько последних десятилетий, это средство предстает как инструмент, служащий приведению сторон недействительной сделки в их первоначальное (до исполнения сделки) имущественное положение, однако инструмент, совершенно особый, не совпадающий с известными «классическими» средствами, применяемыми для этой цели со времен римского права почти во всём мире, – виндикацией и кондикцией»⁷⁰. Как утверждает О. Д. Тузов, «эта специфическая конструкция, не имеющая аналогов в мировой практике, явилась исключительно плодом доктринального толкования положений советских гражданских кодексов (в частности, ГК РСФСР 1922 и 1964 г.) о том, что стороны недействительной сделки должны возвратить друг другу всё полученное по этой сделке, а в настоящее время зиждется на аналогичном предписании п. 2 ст. 167 ГК РФ»⁷¹. О. Д. Тузов отрицает природу реституции как самостоятельного средства, отличного от других гражданско-правовых средств, в частности, от виндикации (если речь идет об индивидуально-определенной вещи, сохранившейся у стороны сделки или иного третьего лица), в отказе признать такое обстоятельство, что «вернуть всё полученное по сделке» означает в случае отказа в добровольном

---

⁷⁰ Тузов О. Д. Общие вопросы недействительности сделок в проекте Концепции совершенствования Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 6. С. 30.

⁷¹ Там же.

возврате применение соответствующих «классических» гражданско-правовых механизмов, в частности, виндикации и кондикции⁷².

Закон о банкротстве также содержит нормы относительно недействительности сделок. Пункт 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве содержит указания на то, что все, переданное должником либо третьим лицом за должника, а также выбыло из владения и собственности должника по недействительной в соответствии с гл. III.1 сделке, подлежит возврату в конкурсную массу. В случае невозможности осуществить такой возврат в натуре, приобретатель по недействительной сделке обязан возместить действительную цену такого имущества на момент его получения, а также убытки, связанные с последующим изменением первоначальной стоимости.

Это последствие является общим для всех недействительных сделок, совершенных несостоятельным должником или же за счёт несостоятельного должника. Однако законодатель решил дифференцировать правовые последствия недействительности сделки для недобросовестных кредиторов должника. Все основания, предусмотренные Законом о банкротстве для оспаривания сделок должника, можно условно поделить на две группы – порочащие кредитора (п. 2 ст. 61.2, п. 3 ст. 61.3) и не порочащие (п. 1 ст. 61.2, п. 2 ст. 61.3)⁷³. Главным различием между названными группами является последствие признания недействительной сделки должника в части включения так называемого восстановленного требования в реестр требований кредиторов – при оспаривании сделки по порочащим основаниям восстановленное требование подлежит включению в зарегистрированную очередь (т. е. удовлетворяется после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди), во втором случае – восстановленное требование включается в реестр требований и подлежит удовлетворению в составе требований третьей очереди.

В силу п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве кредиторы и иные третьи лица, которые получили имущество или в отношении которых должник выполнял обязательства по сделке, признанной недействительной на основании п. 2 ст. 61.2 и п. 3

⁷² Там же. С. 37.

⁷³ Корельский А., Дедковский И. Оспаривание платежей должника: недостатки закона и возможности для злоупотребления // Корпоративный юрист. 2013. № 3. С. 39.

ст. 61.3 Закона о банкротстве, в случае возврата в конкурсную массу приобретенного по недействительной сделке актива получают право требования к должнику, подлежащее удовлетворению после погашения требований кредиторов третьей очереди реестра требований кредиторов (особенности наступления правовых последствий при признании сделки недействительной разъяснены Постановлением Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63. В п. 25 – 29 данного Постановления содержатся подробные разъяснения, воспроизводить которые полностью в настоящей работе считаем нецелесообразным.

В данном случае недобросовестный кредитор, назовем его так, фактически лишается права удовлетворить свое требование (за редким исключением кредиторы третьей очереди получают полное удовлетворения своих требований). Это происходит в случае, если указанное лицо: а) заключило с должником сделку, подпадающую под признаки подозрительной сделки, указанные в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве; б) заключило с должником сделку, содержащую признаки сделки с предпочтением, предусмотренной п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

По смыслу Закона о банкротстве в основе разделения последствий признания сделок недействительными в случае банкротства должника лежит добросовестность кредитора (под добросовестностью в данном случае понимается незнание определенных фактов – неплатежеспособности либо недостаточности имущества должника или незнания о нарушении интересов кредиторов, незнании о цели должника причинить вред кредиторам). Если кредитор действовал добросовестно, санкции не применяются, если нет – его требования удовлетворяются после удовлетворения требований третьей очереди.

В связи с зависимостью последствий недействительности сделки от добросовестности кредитора считаем необходимым рассмотреть понятие добросовестности.

Согласно ст. 1 ГК РФ принцип добросовестности является одним из основных начал гражданского законодательства. В соответствии с п. 3 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны дей-

ствовать добросовестно. В соответствии с п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. В ст. 10 ГК РФ устанавливается, что добросовестность участников гражданских правоотношений презюмируется. При этом легальное определение понятия «добросовестность» отсутствует, такой шаг следует признать целесообразным, так как имеются споры о том, что такое добросовестность, в каком значении её нужно понимать (отрицательном или положительном); как известно, в юриспруденции нет таких понятий, которые нельзя было бы подвергнуть аргументированной критике, а закрепление в законе неточного понятия может повлечь больше вреда, чем пользы, поэтому передача решения данного вопроса судебной практике представляется целесообразной.

В регулировании вопроса последствий недействительности сделок несостоятельного должника можно заметить определенные аналогии с виндикационными исками: в обоих случаях большое значение имеет добросовестность ответчика. Именно добросовестность является легитимирующим фактом для приобретения имущества и отказа в соответствующем иске. В данном случае нельзя не согласиться с И. Б. Новицким, который утверждал, что «добросовестность как известное субъективное состояние, как извинительное неведение тех или иных фактов во многих случаях принимается во внимание в том смысле, что строгая юридическая последовательность нарушается, и юридический эффект вполне или отчасти наступает, несмотря на неосуществление фактического состава, предполагающего его наступление. Лицо неуправомоченное действует как управомоченное, и третьи лица, вступившие с ним в деловые отношения, остаются в том же положении, как если бы имели дело с управомоченным. Добрая совесть как бы восполняет недостающую легитимацию»⁷⁴.

Как верно заметил известный современный немецкий профессор Канарис: «Защита добросовестности приобретателей в обороте относится к фундаментальным принципам каждого правопорядка, в то же время одна лишь ссылка на необ-

---

⁷⁴ Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 56-57.

ходимость такой защиты малоубедительна»⁷⁵. Почему же законодатель обратился к защите добросовестных контрагентов несостоятельного должника? Представляется, что в целях защиты интересов оборота устанавливается действительность сделок, совершенных с добросовестными контрагентами. Как отмечал Г.Ф. Шершеневич, «Самая сложная задача законодателя в банкротстве – согласовать интересы всех имеющих претендентов на имущество должника с интересами общественного кредита»⁷⁶. Действительно, оспаривание сделок должника способно привести к серьезным негативным экономическим последствиям для третьих лиц. В связи с этим возникает дилемма: чьи интересы должны иметь приоритет. На этой плодотворной для дискуссии почве у признанных специалистов в области конкурсного права возникают интересные, но трудноосуществимые идеи: все сделки с добросовестными контрагентами действительны (при этом состояние добросовестности заканчивается с публикацией объявления, связанного с несостоятельностью (банкротством) должника; все сделки должника с недобросовестными контрагентами (при наличии доказательств того, что сделка была направлена на причинение вреда кредиторам) исковая давность не применяется⁷⁷. Другой позиции относительно добросовестности придерживался А. Х. Гольмстен, по мнению которого, «факт участия лица в опровергаемом акте не дает ему привилегий перед другими кредиторами и не должен ухудшать его положения»⁷⁸. Представляется, что санкции по отношению к лицам, участвовавшим в совершении подозрительной сделки, вполне уместны; вопрос же применения санкций к лицам, участвовавшим в сделках с предпочтением, весьма спорен (во многом из-за специфики доказывания и сложившейся судебной практики).

---

⁷⁵ Canaris C.-W. Die Vertrauenshaftung im deutschen Privatrecht. Munchen: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1971. S. 3. Цит. по: Самойлов Е. Ю. Добросовестность как предпосылка защиты приобретателя в гражданском обороте // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С.30-32.

⁷⁶ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 4 : Торговый процесс. Конкурсный процесс. С. 35.

⁷⁷ Ткачев В. Н., Телюкина М. В. Концептуальные особенности опровержения сделок в конкурсном праве // Закон. 2011. № 8. С. 65.

⁷⁸ Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе. СПб., 1893. С. 39–40.

§ 2. Классификация недействительности сделок должника при банкротстве. Теории недействительности

Классификация недействительности сделок должника при банкротстве.

Говоря о классификации недействительности сделок должника в рамках процедуры банкротства, необходимо учитывать, что в системах правового регулирования несостоятельности (банкротства), действующих в законодательстве различных стран, применяются разные варианты (модели) такого регулирования. В частности, выделяют две основные модели правового регулирования несостоятельности (банкротства)⁷⁹ – прокредиторскую и продолжниковскую⁸⁰. В рамках первой модели законодательство делает акцент на защите прав кредиторов должника, стимулирует максимальное и быстрое удовлетворение требований кредиторов, иногда в ущерб интересам самого должника, в этом случае важно соразмерное погашение требований всех кредиторов за счет средств, полученных от реализации имущества должника⁸¹. Продолжниковское законодательство в данном случае стремится помочь неплатежеспособному лицу максимально быстро выйти из кризиса, в том числе освободиться от долгов и получить возможность нового старта⁸². Нормы об оспаривании сделок также поддаются влиянию действующей модели правового регулирования несостоятельности, меняются в соответствии с общей тенденцией развития банкротного законодательства. В этой связи на разных этапах развития законодательства о банкротстве существуют различные классификации недействительности сделок должника.

Подавляющее большинство ученых ограничиваются в своих исследованиях анализом специальных банкротных оснований, предусмотренных законодателем в законе о банкротстве. Как отмечается учеными, действующее законодательство

---

⁷⁹ Белых В. С., Дубинчин А. А., Скуратовский М. Л. Правовые основы несостоятельности (банкротства) : учеб.-практ. пособие / под общ. ред. В. С. Якушева. М., 2001. С. 18–19.

⁸⁰ Витрянский В. В. Реформа законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Вестник ВАС РФ. Специальное приложение. 1998. № 2. С. 80–81.

⁸¹ Попондопуло В. Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства) : учеб. пособие. СПб., 2001. С. 16; Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008. С. 344.

⁸² Мифтахутдинов Р. Т. Реформирование законодательства о банкротстве в части совершенствования реабилитационных процедур // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 3. С. 37.

предусматривает возможность оспаривания подозрительных сделок должника и сделок должника с предпочтением.

Другие исследователи считают наиболее обоснованным выделение общих и специальных оснований для оспаривания. Среди общих оснований принято выделять основания для оспаривания в соответствии с ГК РФ, а также Федеральным законом «Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», Федеральным законом «Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и др. Среди специальных оснований отмечают оспаривание в соответствии с нормами Закона о банкротстве (гл. III.1, ст. 61 – 63 Закона). Например, М.А. Эрлих полагает, что «специальные основания, предусмотренные ст. 61.2. и 61.3 Закона о банкротстве, являются не чем иным, как предусмотренными законодателем признаками сделок, направленных не на получение должником коммерческой выгоды в рамках осуществления своей хозяйственной деятельности, а сделок, совершение которых направлено исключительно на нарушение прав и интересов других кредиторов должника, в том числе путем уменьшения конкурсной массы. Таким образом, основания признания сделок должника недействительными, закрепленные в главе III.1 Закона о банкротстве, являются уточненными, конкретизированными случаями злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ)»⁸³.

Часть ученых-цивилистов полагает целесообразным разделить основания для оспаривания сделок несостоятельного банкрота по характеру последствий: общие и специальные. Общие применяются в виде двусторонней реституции, такие последствия предусмотрены ГК РФ и применяются в случае признания недействительными сделок на основании п. 1 ст. 61.2 и п. 2 ст. 61.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Специальные же основания применяются к лицам, которые знали о наличии признаков несостоятельности своего контрагента, но, вопреки этому, заключили заведомо невыгодную для такого контрагента, впоследствии признанного банкротом, сделку (п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 ФЗ «О несостоя-

---

⁸³ Эрлих М. А. Признание сделок должника недействительными как средство удовлетворения требований кредиторов и восстановления платежеспособности // Законодательство. 2012. № 5. С. 3.

тельности (банкротстве)»). К таким лицам применяются наиболее негативные последствия признания сделки недействительной, а именно: признается возможность восстановления права требования к должнику исключительно в рамках зарегистрированных требований, которые удовлетворяются в порядке, предусмотренном п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве, т. е. после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди.

С.А. Карелина, в свою очередь, отмечает наличие в настоящее время двух различных оснований признания сделок должника недействительными: это «общее основание – причинение имущественного вреда кредиторам и специальное основание, применяемое в отношении подозрительных сделок и сделок с предпочтением»⁸⁴. Аналогичной позиции придерживается О.Р. Зайцев, признавая наличие «глобального основания» оспаривания сделок при банкротстве (п. 2. ст. 61.2) и разновидностей этого глобального основания (п. 1 ст. 61.2, ст. 61.3 Закона о банкротстве)⁸⁵.

Указанные классификации оснований для оспаривания сделок являются вполне оправданными и в определенной мере решают те или иные теоретические или прикладные задачи, однако, считаем, что при квалификации порочных сделок несостоятельного должника, а также оснований для оспаривания подобного рода сделок необходимо руководствоваться наиболее широким основанием, которое позволит проанализировать также и сделки по созданию искусственной кредиторской задолженности должника.

Полагаем, что все неправомерные сделки должника возможно разделить по виду их противоправности. Согласно указанной классификации можно выделить три группы сделок: сделки по выводу (уменьшению) активов должника, сделки по созданию искусственной кредиторской задолженности должника, сделки общей противоправности.

---

⁸⁴ Карелина С. А. Указ. соч. С. 1.

⁸⁵ Зайцев О. Р. Оспаривание сделок при банкротстве: о некоторых новеллах закона № 73-ФЗ // Несостоятельность (банкротство): науч.-практ. коммент. новелл законодательства и практики его применения / под ред. В. В. Витрянского. М., 2010. С. 90.

Именно сделки по созданию искусственной кредиторской задолженности, абсолютно неоправданно обходят стороной при классификации недействительных сделок, а также оснований признания их недействительными. Ведь ни для кого не секрет, что, обладая контрольным пакетом голосов (т.е. таким размером голосов, который позволяет единолично принимать необходимые решения, вне зависимости от голосов иных кредиторов) на собрании кредиторов, фиктивные кредиторы могут с легкостью диктовать свои условия проведения любой из предусмотренных Законом о банкротстве процедур.

Для того чтобы определить, с помощью каких норм возможно противостоять недобросовестным кредиторам, определить эффективность указанных норм, а также их соотношение с нормами, позволяющими оспорить неправомерный вывод активов должника, полагаю необходимым более подробно рассмотреть основания и порядок оспаривания сделок должника, руководствуясь приведенной выше классификацией.

Теории недействительности сделок должника при банкротстве. В юридической науке принято разделять опровержение действий должника, влекущих ущерб кредиторам, на две основные формы: признание недействительными сделок в «чистом» виде и признание недействительными иных действий должника по исполнению обязательств, связанных с передачей имущества, уплатой денежных средств, т. е. непосредственно влекущих уменьшение активов должника. В рамках настоящей работы представляется наиболее целесообразным рассмотреть ключевые теории относительно правовой природы первой из перечисленных форм опровержения.

1. *Деликтная теория.* Указанная теория базируется на том, что основанием для возникновения возможности кредитора опровергать сделки должника является деликт (правонарушение), совершенный непосредственно должником и его контрагентом. А. Х. Гольмстен писал: «Предполагается, что приобретатель имущества соглашается на совершение вместе с должником, убыточного для кредитора действия, так как на третьем лице лежит самостоятельная юридическая обязанность уклоняться от соучастия в действии, убыточном для кредитора, если

ему, конечно, известно о состоянии должника»⁸⁶. Такое поведение, по мнению А.Х. Гольмстена, является соучастием и «образует собой фактический состав деликта, направленного на причинение кредитору ущерба посредством лишения его имущества, который может быть объектом взыскания, деликт, в свою очередь, характеризует его как правонарушение»⁸⁷. На основании иной точки зрения третьему лицу отводится второе место, его называют «помощником должника». В этом случае третье лицо несет бремя негативных последствий, поскольку предполагается факт его злонамеренности, которая приводит к причинению вреда кредиторам. Г. Ф. Шершеневич отмечал основные недостатки этой теории: во-первых, указанная теория не может объяснить почему может быть оспорена также безвозмездная сделка должника (ведь для этого вовсе не требуется доказывать злонамеренность со стороны третьего лица); во-вторых, сделка в момент ее совершения «может составить деликтом в отношении еще не существующих кредиторов, в случае ее заключения ранее, возникновения иных кредиторов»⁸⁸. Попытку преодолеть недостатки этой теории предприняла примыкающая к ней теория квазиделикта: «невозможность найти присутствие деликта во всех случаях дозволенного законом опровержения внушила мысль отыскать основание в quasi-деликте... Действия третьего лица, если и не представляют прямого злого умысла, то все же рассматриваются подобно злонамеренным и на этом основании подлежат опровержению»⁸⁹.

2. *Легальная теория.* А. Х. Гольмстен, называвший ее «теорией исключительной охраны интересов кредиторов», писал: «Основная идея этой теории та, что в силу закона в интересах кредиторов создается, при известных фактических условиях, особое обязательственное отношение между кредитором и лицом, которое приобрело имущество по акту, совершенному должником, в отношении которого кредитор может требовать имущество, приобретенное этим лицом. В дальнейшем приверженцы этой теории расходятся. Одни возводят упомянутое обяза-

---

⁸⁶ Гольмстен А. Х. Юридические исследования и статьи. СПб., 1913. Т. 2. С. 3.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. С. 269.

⁸⁹ Там же. С. 270-271.

тельство в общее, лежащее на всех приобретателях имущества, — они должны нести риск, связанный с приобретением: если у должника не окажется объектов взыскания, они должны возвратить приобретенное... Другие несколько иначе конструируют это обязательство: кредитор может требовать возврата приобретенного третьим лицом имущества, так как оно рассматривается как неотчужденное; имущество должника, оказавшееся недостаточным для удовлетворения его кредиторов во имя справедливости расширяется в том смысле, что отдельные части его, как объекты взыскания возвращаются в состав тех предметов, из которых кредитор может получить удовлетворение. За кредитором, при известных обстоятельствах, признается право считать юридические последствия известных действий в его интересе и в пределах его интереса, не наступившими»⁹⁰. Таким образом, нормативной базой опровержения является не правонарушение, не договор, а закон, представляющий собой обязательственное отношение особого вида. Г. Ф. Шершеневич осветил с позиции некоторых авторов критику этой теории: «... она имеет чисто отрицательное значение: она лишь утверждает, что право опровержения не основывается ни на договоре, ни на правонарушении»⁹¹. Закон есть основание всех прав и обязанностей, обязанности, вытекающие из договора и из правонарушения, в конце концов, основываются на законе»⁹².

3. *Теория исполнительной силы.* Объясняя суть теории, Г. Ф. Шершеневич пишет: «С точки зрения теории исполнительной силы право опровержения является вспомогательным средством исполнения судебного решения, а обращенное на имущество должника исполнение (в общем или конкурсном порядке) распространяется, в интересах кредиторов, и на ценности, вышедшие перед тем из имущества должника и оттого ускользнувшие от удовлетворения законных претензий кредитора»⁹³. Эта теория отрицает обязательственное отношение между конкурсными кредиторами, с одной стороны, и третьим лицом, обладателем ценности, взамен того, праву опровержения придается вещный характер, иногда в форме за-

---

⁹⁰ Гольмстен А. Х. Юридические исследования и статьи. Т. 2. С. 14.

⁹¹ Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. С. 270.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

логового, иногда в форме особого вещного права»⁹⁴. По мнению А. Х. Гольмстена, «теория эта выросла на практической почве – создана она практикой прусского обер-трибунала. По существу она процессуального характера, ибо поставлена в теснейшую связь с исполнением решения путем взыскания; с этой точки зрения право кредитора опровергать акт должника есть лишь расширение права требовать взыскания; иск об уничтожении акта и есть лишь средство приведения судебного решения в исполнение, а самый процесс об уничтожении акта – одна из стадий исполнительного процесса; это право кредитора, ввиду его процессуального характера, не может быть построено на каком-либо определенном материально-правовом основании; цель его – подготовить, сделать осуществимым взыскание; осуществлением его определенная вещь возвращается в число объектов взыскания»⁹⁵. «Против этой теории можно сказать, что она создает фикцию совершенно бесцельно. Приходится признавать вещи, не принадлежащие несостоятельному должнику, фиктивно принадлежащими к составу его имущества. Рассматриваемая теория не объясняет, почему только некоторые вещи, ушедшие из имущества должника, возвращаются в его состав, как к нему принадлежащие. Почему не подлежат возвращению все вещи, независимо от времени, лица и каких-либо иных условий? Что именно разделяет вещи, подлежащие возврату, от вещей, не подлежащих возврату, если это не воля законодателя только? Придавая вещный характер праву опровержения, эта теория затрудняет возможность уяснить характер требования о возвращении денежной суммы, к чему чаще всего сводится право опровержения»⁹⁶.

Вопросу признания сделок должника недействительными посвящена отдельная глава Закона о банкротстве – гл. III.1. Согласно данной главе сделки должника могут признаваться недействительными как по основаниям, закрепленным ГК РФ, так и по основаниям и в порядке, которые указаны в Законе о банкротстве.

---

⁹⁴ Там же. С. 267.

⁹⁵ Гольмстен А. Х. Юридические исследования и статьи. Т. 2. С. 22.

⁹⁶ Там же. С. 268.

Современная наука предусматривает две теории, составляющие основу опровержения сделок, – субъективную и объективную. Смысл субъективной теории (возникшей из римского *Actio Pauliana* (иск Паулиана) состоит в том, что недействительной может быть признана любая сделка, в которой действия должника непосредственно направлены на причинение убытков кредиторам. Объективная теория, в свою очередь, связывает возможность оспаривания сделок с определенными объективными факторами, например, с периодом заключения сделки, с видом сделки и т.п.⁹⁷.

Принципиальная разница между двумя теориями заключается в степени вероятности признания сделок должника недействительными. По мнению Д. Петелько, «использование объективной теории при выработке и закреплении правовых норм, регулирующих оспаривание сделок, облегчает процесс доказывания недействительного характера сделки, что повышает вероятность ее оспаривания»⁹⁸. Субъективный подход, напротив, усложняет процесс доказывания порочного характера сделки и, как следствие, уменьшает вероятность признания такой сделки должника недействительной.

Указанные особенности объективной и субъективной теорий значительным образом влияют на степень обеспеченности прав кредиторов должника и на стабильность гражданского оборота в целом. Использование объективного подхода создает дополнительные гарантии кредиторам, поскольку существенным образом облегчает для них процесс доказывания при обжаловании сделок должника, однако в этой ситуации в значительной мере страдает стабильность гражданского оборота. Применение субъективной теории, наоборот, в меньшей мере обеспечивает охрану правомерных интересов кредиторов и встает на сторону необходимости защиты стабильности гражданского оборота.

Использование исключительно одной из двух названных теорий при формировании законодательства о банкротстве неизбежно приведет к потере баланса интересов в процедуре банкротства. Произойдет либо ущемление прав кредито-

---

⁹⁷ Карелина С. А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 23.

⁹⁸ Петелько Д. Статус конкурсных кредиторов // Арбитражный управляющий. 2011. № 6. С. 42.

ров несостоятельного должника (субъективная теория), либо возникнут серьезные основания для потери стабильности гражданского оборота (объективная теория).

Закон о банкротстве использовал исключительно объективную теорию. Отношения, возникающие в связи с выявлением и оспариванием недействительных сделок должника, регламентировались преимущественно ст. 103 Закона о банкротстве. Указанная норма устанавливала три отдельные группы специальных оснований для оспаривания сделок: сделки в пользу заинтересованного лица; сделки с лицами, не относящимся к заинтересованным лицам; сделки по выплате участнику должника действительной стоимости доли в имуществе в связи с выходом из состава участников.

Вопрос обеспечения стабильности гражданского оборота регулировался посредством четкого определения сделок, подпадающих под основание ст. 103 Закона о банкротстве. В соответствии с указанной статьей могли быть оспорены сделки, которые были заключены в течение шести месяцев до даты обращения в суд с заявлением о банкротстве должника. Указанный период в литературе получил название «период подозрения»⁹⁹.

Названные рамки признания недействительными сделок должника давали определенные гарантии сохранения стабильности оборота. Однако это отрицательно сказывалось на охране прав кредиторов должника, поскольку в таком случае у них отсутствовала реальная возможность пересмотра сделок по сокрытию имущества должника или сделок с причинением вреда правам кредитора, которые могли быть совершены должником за рамками периода подозрения. В связи с этим наиболее справедливым решением в данной ситуации представляется некий симбиоз двух правопорядков, который сочетает в себе объективную и субъективную теории. Смысл названного симбиоза сводится к следующему: применение объективной теории распространяется на сделки в рамках периода подозрения, а субъективная теория используется только в отношении сделок должника, которые были совершены за пределами периода подозрения. Такой симбиоз позволяет

---

⁹⁹ Коцин В. Оспаривание сделок банкрота // ЭЖ-Юрист. 2011. № 28. С. 8.

гарантировать максимальную защиту кредиторов должника и его контрагентов по сделкам в случае введения процедуры банкротства.

Нельзя не сказать и о новелле, внесенной Законом 2009 г. №73-ФЗ, – гл. III.1 «Оспаривание сделок должника». Эта глава детально регламентирует порядок признания сделок должника недействительными, а именно оспоримыми. В основу данного института было положено две теории опровержения сделок: – субъективная и объективная. На сегодняшний день Закон о банкротстве знает два вида недействительных сделок: подозрительные и сделки с предпочтением. Необходимо отметить, что нововведения впервые вносят в законодательство о несостоятельности понятие подозрительной сделки, определение которой дано в ст. 61.2 Закона о банкротстве, и уточняют понятие сделки с предпочтением.

§ 3. Генезис законодательства об оспаривании сделок должника при банкротстве

Еще в конце XIX в. известный отечественный цивилист Г. Ф. Шершеневич отмечал: «Едва ли можно отрицать, что всякая общая реформа или изменение правового порядка предполагают основательное знание существующего. Только уяснив себе сущность действующего права, его недостатки и достоинства, только ознакомившись с теми отклонениями, которые практика признала необходимыми, можно говорить о желаемых переменах в законодательстве»¹⁰⁰. Однако, на наш взгляд, указанное высказывание целесообразно понимать в более широком смысле, относя его не только к действующему законодательству (в нашем случае о банкротстве), но и к его истории.

В связи с этим особый интерес представляют истоки конкурсного процесса, а именно история зарождения основных его институтов.

Оспаривания действий, совершенных в ущерб кредиторам в римском праве. Римское право являлось первой развитой правовой системой. Изящество правовой мысли, разработанность правовых институтов и в настоящее время вы-

---

¹⁰⁰ Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. С. 1.

зывает пиетет у изучающих римское право. Римляне внесли значительный вклад и в развитие института несостоятельности.

Безусловно, не стоит переоценивать значение римского права для исследования вопроса недействительности сделок должника банкрота: в данном случае римлянами предложены далеко не самые эффективные рецепты. Стоит согласиться с Х.Ф Гольмстеном, писавшим в 1893 г.: «Римское право по избранному нами учению является далеко недостаточным и неблагоприятным материалом – *actio Pauliana* – один из наименее разработанных институтов римского права, да и римская жизнь выработала его в форме непригодной для современного быта»¹⁰¹.

Римское право, первоначально закреплявшее строгую личную ответственность должника, постепенно улучшало положение неплатежеспособного должника – были введены ограничения личной ответственности должника. Для того чтобы компенсировать ослабление данными изменениями защиты прав кредиторов, был введен так называемый *actio Pauliana*.

Интересным является тот факт, что римское право не лишало должника после объявления его банкротом права распоряжения имуществом, однако для защиты интересов кредиторов, на случай действий должника *in fraudem creditorum*, им был предоставлен *actio Pauliana*¹⁰².

Actio Pauliana был направлен против всякого переукрепления имущества, совершенного должником во вред его кредиторам (*alienatio in fraudem creditorum facta*)¹⁰³. Упоминания об *actio Pauliana* содержатся в 8-м титуле книги 42 Дигест: *quae in fraudem creditorum factasunt, ut restituantur*.

Представляется, что сначала необходимо определиться хотя бы в терминологии, что же такое *actio Pauliana* – Паулианов иск. Данный термин употребляется часто в литературе, связанной с римским правом: очень часто так называют все иски, направленные на оспаривание сделок должника, совершенные в предбанкротный период, предъявляемые кредиторами и (или) арбитражным управляющим.

¹⁰¹ Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе. С. 2.

¹⁰² Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т 4 : Торговый процесс. Конкурсный процесс. С. 362.

¹⁰³ Гримм Д. Д. Очерки по учению об обогащении. Вып. 3. СПб., 1893. С. 155.

Любопытным является то, что, несмотря на частое употребление такого обобщающего названия – *actio Pauliana* – в доктрине, в источниках римского права *actio Pauliana* занимает весьма скромное место: lex 38, D.22, 1. Более в дигестах упоминаний о нем нет¹⁰⁴.

Как свидетельствует великий цивилист и признанный знаток римского права Г. Дернбург (Heinrich Dernburg), «в Риме существовало два вида конкурса: нормальный конкурс посредством *emptio bonorum* и позднейшая форма — ликвидация при посредстве конкурсных попечителей. Для обоих видов претор создал особые иски, в целях борьбы со сделками во вред кредиторам. В отношении нормального конкурсного производства посредством *emptio bonorum* дело обстояло следующим образом: а) Раньше всего стали приходить на помощь в тех случаях, когда должник, с целью сокрыть имущество от своих верителей, продавал принадлежащие ему телесные вещи третьим лицам – заведомым участникам его недобросовестного поступка. Претор предоставлял введенным во владение имуществом должника конкурсным верителям, убытки которых обнаружались в результате производства *emptio bonorum*, право предъявлять, вместо должника, *vindicatio utilis* относительно отчужденных объектов, при чем допускалась фикция, что отчуждения не произошло. б) Этот древнейший иск для оспаривания сделок во вред кредиторам давался в предположении, что несостоятельный должник до отчуждения был собственником отыскиваемых объектов, и что верители могли доказать это обстоятельство. Только под таким условием допускалась отмена отчуждения и основанная на ней виндикация. Однако доказать это не всегда было возможно; во всяком случае, это было неудобно и затруднительно для кредиторов. Поэтому претор дал им, сверх того, еще *interdictum fraudatorium*. Последний принадлежал к категории *interdicta adipiscendae possessionis* и требовал лишь, чтобы соответствующие объекты фактически находились раньше в имуществе должника, и чтобы они, с ведома ответчика, были отчуждены должником из своего имущества во вред кредиторам. К этому претор присоединил для защиты обманутых верителей, как общее средство, *actio in factum*, которое, при известных условиях, допускалась даже против таких

¹⁰⁴ Baader H. Der Rechtsmittel der Gläubigeranfechtung, 1908. S. 7.

контрагентов должника, которые при приобретении вещи не имели сведений о его намерении обойти верителей. Равным образом, претор обещал отказывать в иске, который могло бы предъявить к *bonorum emptor*'у третье лицо, приобретшее на основании сделки во вред кредиторам какие-нибудь требования против несостоятельного должника. Предполагалось, конечно, что это лицо знало о злом намерении должника. На те случаи, когда назначались конкурсные попечители для ликвидации массы, претор установил, наконец, один общий иск, направленный против сделок во вред кредиторам, в столь общей форме, что он поражал все злостные проделки недобросовестного должника. Один из приведенных нами исков назывался *actio Pauliana*, но какой именно, – подлежит сомнению. В компиляции Юстиниана все иски древнего права для оспаривания сделок во вред кредиторам слиты воедино, причем, однако, не были устранены отдельные противоречия. Сложившийся в Юстиниановом праве иск, направленный против сделок во вред кредиторам, принято называть *actio Pauliana*»¹⁰⁵.

То есть *actio Pauliana* стало (именно стало) общим, обобщающим для обозначения средств защиты кредиторов несостоятельного должника. Спорным является вопрос, чем же первоначально являлся *actio Pauliana*, каково его соотношение с иными средствами защиты кредитора. Д.Д. Гримм писал, что «учение об *actio Pauliana* принадлежит к числу самых запутанных»¹⁰⁶.

Немецкий юрист Хушке (*Huschke*) считал, что «в римском праве имелось три способа, мало различимых по существу:

1) *actio Pauliana*, согласно которому сделка отчуждения признавалась как бы несуществующей, а отчужденное имущество как бы оставалось в массе должника (*in bonis fraudatoris*), причём этот способ защиты находил себе применение как до, так и после продажи имущества должника;

2) *interdictum fraudatorum*, допускавшийся лишь до момента продажи означенного имущества и преследовавший всякое уменьшение или отчуждение имущественной массы должника при сознательном участии третьего лица;

¹⁰⁵ Дернбург Г. Пандекты / пер. с нем. под рук. и ред. П. Соколовского. 3-е изд. М., 1911. Т. 2. Вып. 3 : Обязательственное право. С. 371–373.

¹⁰⁶ Гримм Д.Д. Очерки по учению об обогащении. С. 155.

3) *personalisin factumactioarbitraria* – способ, применяемый после продажи имущества должника как против самого должника и его сознательного соучастника – третьего лица, так и против других третьих лиц – контрагентов должника, но в умысле его не участвовавших»¹⁰⁷.

Другие немецкие ученые XIX в., по свидетельству В.И. Буковского, считали *actio Pauliana* вполне идентичным с *interdictumfraduditorium*, причем большинство юристов сходилось в вопросе об отсутствии вещного характера в означенных исках¹⁰⁸.

В современной немецкой доктрине признается различие между *actio Pauliana* и *interdictumfraduditorium*, однако считается, что в праве времен кодификации Юстиниана оба средства защиты, конечно, в неполной мере, однако всё же слились в единый иск об оспаривании («*Anfechtungsklage*»), который в настоящий момент принято называть *Actio Pauliana*¹⁰⁹.

Исковая давность по *actio Pauliana* составляла 1 год с открытия конкурса. Право на него имел *curator bonorum*, а также отдельные кредиторы¹¹⁰. Неразрешенным оставался в римском праве вопрос о коллизии интересов между интересами кредитора истца и всю конкурсной массой¹¹¹.

По мнению Г. Ф. Шершеневича, «общими условиями осуществления требований кредиторов об уничтожении последствий действий должника, направленных во вред кредиторам, в римском праве являлись: А) Действие несостоятельного должника должно причинить ущерб его кредиторам, создавая его неоплатность или уменьшая долю, падающую на каждого кредитора. Такой ущерб производится отчуждением вещей, принятием на себя обязательства, освобождением других от обязательств. В) Такое действие должно быть совершено с намерением причинить кредиторам ущерб, следовательно, предполагается злой умысел со стороны

¹⁰⁷ Буковский В.И. *Actio pauliana* по законам Прибалтийского края // Журнал Министерства юстиции. 1908. № 2. С. 120-121.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Honsell H., Mayer-Maly Th., Selb W. *Romisches Recht*. Berlin: SpringerVerlag. 1987. S. 376; Hausmanninger H., Selb W. *Romisches Privatrecht*. Wien: BohlauWien, 2001. S. 298; Baader H. *Op. cit.* S. 7.

¹¹⁰ Буковский В.И. Указ. соч. С. 122; Pretelli I. *Cross – border credit protection against fraudulent transfers of assets, Actio Paulina in the conflicts of laws* // Yearbook of Private International Law. 2011. Vol. 13. P. 596.

¹¹¹ Буковский В.И. Указ. соч. С. 122.

несостоятельного должника. Если контрагент несостоятельного знал о цели сделки, он отвечает кредиторам за весь причиненный ущерб, если же он не знал намерения несостоятельного, он отвечает только в размере наличного обогащения от сделки»¹¹². Несложно заметить, насколько приведенное средство не позволяет в полной мере решить вопрос защиты интереса кредиторов. Как говорил Г.Ф. Шершеневич: «Доказывание злого намерения со стороны несостоятельного должника представляет необыкновенные затруднения, лишаящие всякого значения само юридическое орудие защиты»¹¹³. Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы: римское право предложило систему оспаривания актов, совершенных должником во вред кредиторам, основанную на субъективном критерии; для оспаривания убыточных действий должника было необходимо не только наличие ущерба правам кредиторов, но и наличие у должника умысла на его нанесение, а также знание об этом контрагента должника. Очевидно, что такое регулирование являлось несовершенным и кредиторы часто становились незащищенными перед действиями должника.

Спорным является вопрос, каким был иск *actio Pauliana*. По мнению ряда учёных, это – *actio in personam*¹¹⁴.

Полную противоположность, по свидетельству Г. Ф. Шершеневича, представляло собой средневековое итальянское право. Оно, «ударяясь в другую крайность, поражало юридическую силу вообще всех действий, совершенных несостоятельным должником во время, непосредственно предшествующее обнаружению несостоятельности, *tempore decoctionis proximo*. Промежуток времени, в течение которого совершенные сделки считались ничтожными, был различен в разных статутах: самый большой срок – 6 месяцев, самый меньший - 10 дней до объявления несостоятельности. От исключительно субъективной точки зрения, на которой стояло римское право, итальянские статуты обратились к исключительно объективной точке зрения»¹¹⁵. Средневековые итальянские города – родина си-

¹¹² Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 4: Торговый процесс. Конкурсный процесс. С. 363.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Vaader H. Op. cit. S. 8.

¹¹⁵ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 4: Торговый процесс. Конкурсный процесс. С. 363.

стемы оспаривания, основанной на объективном критерии¹¹⁶. Соответственно «родиной» субъективной теории оспаривания является древний Рим, а объективной теории – средневековая Италия. основополагающий смысл субъективной теории (возникшей из римского *actio Pualiana*) заключается в том, что «признаваться недействительными могут сделки, в которых действия кредитора были направлены на причинение вреда должнику, а объективная теория связывает возможность признания сделок недействительными с некими объективными факторами, например, с периодом времени, в рамках которого заключена сделка, с видом сделки и т.д.¹¹⁷.

Исторический очерк оспаривания действий, совершенных в ущерб кредиторам в России. По свидетельству Г. Ф. Шершеневича, «вопрос о силе юридических действий, отчуждений и сделок, совершенных несостоятельным должником до открытия конкурсного процесса, составлял «больное место» русского до-революционного законодательства»¹¹⁸. Г. Ф. Шершеневич в четвертом томе Курса торгового права довольно подробно освещает проблемы законодательства и его применения в Российской империи. Г. Ф. Шершеневич констатировал неудовлетворительное положение, в котором находилось в тот момент законодательство: «по действовавшему праву возможны такие явления, которые давно предусмотрены иностранными законодательствами и которые способны подорвать добрую веру в гражданском, особенно в торговом, обороте. Достаточно сказать, что наше законодательство не препятствует дарственному отчуждению имущества накануне объявления несостоятельности. И надо признать, практика сумела воспользоваться этой брешью – редкое конкурсное дело в нашем быту лишено уголовного оттенка»; «В постановлениях русского законодательства о действиях должника, предшествовавших объявлению его несостоятельности, не существует никакого общего плана, они представляются отрывочными, разрозненными. Редкий вопрос, даже в нашем законодательстве, соединен был с такой массой законода-

---

¹¹⁶ Малышев К. И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871. С. 69.

¹¹⁷ Телюкина М. В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)». М., 2003. С. 255–256.

¹¹⁸ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 4 : Торговый процесс. Конкурсный процесс. С. 378.

тельных ошибок»¹¹⁹. Законодательное регулирование было разрознено, противоречиво, находилось на низком уровне юридической техники. В условиях проходившей в начале XX в. реформы гражданского законодательства, наличие существенных недостатков и пробелов в данной сфере не было оставлено без внимания и были предложены соответствующие изменения. Было предложено заменить норму закона, на основании которой «договор недействителен и обязательство ничтожно... когда договор клонится... 2) к подложному переукреплению имени во избежание платежа долгов».

По свидетельству Д. Д. Гримма, постановления, которыми предполагалось заменить эту статью, состоят из трех следующих положений: Во-первых, «в случае безуспешности обращенного на имущество должника взыскания, равно как в том случае, когда по обстоятельствам дела представляется очевидным, что обращение взыскания на имущество должника не приведет к полному удовлетворению требования кредитора, а в отношении лиц торгующих – также и в случае прекращения ими платежей кредитор вправе предъявить иск о признании недействительными договоров должника, коими во избежание платежа долгов передается, обременяется или обесценивается принадлежащее ему имущество, насколько такие договоры клонятся ко вреду кредитора»¹²⁰. Во-вторых, «возмездные договоры могут быть признаны недействительными лишь в том случае, если лица, с коими они заключены, знали о намерении должника избежать платежа долгов»¹²¹. Бремя доказывания наличности этого условия снимается с кредитора «если договор заключен должником: 1) со своим супругом; 2) с родственниками его самого или его супруга по прямой восходящей либо нисходящей линии; 3) с усыновителями или усыновленными его самого или его супруга; 4) с братьями либо сестрами его самого или его супруга: родными, сводными или по усыновлению или 5) с супругом одного из упомянутых лиц»¹²². В-третьих, «иски о недействительности договоров, коими во избежание платежа долгов передается, обременяется или

¹¹⁹ Там же. С. 378.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Гримм Д. Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (По поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) // Вестник гражданского права. 1915. № 6. С. 15.

¹²² Там же.

обесценивается имущество должника, могут быть предъявлены лишь в течение 5 лет со дня совершения оспариваемого договора»¹²³. Мировая война, революция и коммунистический переворот с последовавшим отпадением необходимости в конкурсном праве сделали все реформы (как, впрочем, и само законодательное регулирование) в интересующей нас сфере неактуальными.

На современном этапе развития нормы, устанавливающие вопросы недействительности сделок должника, содержались в ст. 28 Закона о банкротстве 1992 г.¹²⁴, ст. 78 Закона о банкротстве 1998 г.¹²⁵.

В соответствии с п. 1 ст. 28 Закона о банкротстве 1992 г. по заявлению конкурсного управляющего арбитражный суд признает недействительными совершенные должником или от его имени до признания его несостоятельным (банкротом) действия, направленные:

– на досрочное погашение требований одного из кредиторов по ранее имеющимся обязательствам, если они были совершены в течение шести месяцев до дня возбуждения производства по делу о несостоятельности (банкротстве) предприятия и если в момент их совершения предприятие уже было фактически несостоятельным (банкротом), а также независимо от шестимесячного срока, если такие действия со стороны должника имели своей целью причинить ущерб другим кредиторам, а указанные кредиторы знали об этом намерении должника;

– на погашение требований кредитора из числа тех кредиторов, в отношении которых уже наступил срок удовлетворения их требований, в то время когда предприятие уже было фактически несостоятельным (банкротом) и стороны об этом знали.

Модель взаимоотношений кредитора с конкурсным управляющим была построена следующим образом: в соответствии с п. 3 ст. 28 Закона о банкротстве 1992 г. до момента завершения конкурсного производства каждый кредитор вправе предложить конкурсному управляющему оспорить указанные в настоящей ста-

---

¹²³ Гримм Д. Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам Указ. соч. С. 18.

¹²⁴ О несостоятельности (банкротстве) предприятий : Закон РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 1, ст. 6. (утратил силу).

¹²⁵ О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. С. 222 (утратил силу).

тые действия должника в арбитражном суде. В случае его отказа каждый из кредиторов был вправе подать соответствующее заявление в арбитражный суд от своего имени.

Статья 78 Закона о банкротстве 1998 г. предусматривала основания признания сделок должника недействительными:

– недействительные сделки по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством, которые могут быть признаны недействительными, в том числе в случае их совершения до момента введения внешнего управления (п. 1);

– сделки должника с заинтересованностью, в результате исполнения которых кредиторам были или могут быть причинены убытки (п. 2);

– сделка должника, влекущая предпочтительное удовлетворение требований одних кредиторов перед другими кредиторами, которая совершена с таким кредитором в течение шести месяцев до даты подачи заявления о признании должника банкротом (п. 3);

– сделка должника по выплате (выделу) участнику должника доли (пая) в имуществе в связи с его выходом из состава участников должника, если такая сделка заключена должником - юридическим лицом после возбуждения дела о банкротстве или в течение шести месяцев до подачи заявления о признании должника банкротом (п. 4);

Первая редакция Закона о банкротстве устанавливала нормы, предусматривающие оспаривание сделок должника, в ст. 103 Закона о банкротстве. Указанная статья структурно находилась в гл. VI «Внешнее управление», однако в соответствии с п. 3 ст. 129 Закона о банкротстве она также распространяла свое действие на процедуру конкурсного производства. По мнению О. Р. Зайцева, одним из недостатков ст. 103 Закона о банкротстве было то, что она предусматривала только отдельные примеры (составы) оснований оспаривания сделок при банкротстве, а общее основание такого оспаривания (совершение сделки в ущерб кредиторам) в ней (в отличие от ст. 28 Закона о банкротстве отсутствовало. В связи с этим возникал вопрос о допустимости оспаривания совершенных должником в ущерб кредиторам сделок, которые не охватывались имевшимися в ст. 103 составами,

например, продажа должником по заведомо заниженной цене заинтересованному лицу, заинтересованность которого по правилам ст.19 и п. 2 ст. 103 Закона о банкротстве не была доказана¹²⁶. Федеральным законом от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ: « О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была введена гл. III.1 «Оспаривание сделок должника», а положения ст. 103 Закона о банкротстве признаны утратившими силу. Действовавшее ранее законодательство не позволяло эффективно признавать недействительными сделки, направленные на незаконную реализацию имущества должником незадолго до введения процедуры банкротства. Поскольку специальные основания для оспаривания отсутствовали, сделки, влекущие умышленное отчуждение активов неплатежеспособного лица, оспаривались в порядке ст. 170 ГК РФ как мнимые или притворные сделки либо как сделки, при совершении которых допущено злоупотребление правом. Статья 103 Закона о банкротстве содержала следующие нормы о недействительности сделок, в соответствии с которыми сделки должника могут быть признаны недействительными в следующих случаях:

- в случаях, предусмотренных федеральным законом;
- в случае причинения убытков кредиторам или должнику в результате совершения оспариваемой сделки, при условии, что такая сделка заключена должником с заинтересованным лицом;
- в случае оказания предпочтения при удовлетворении требований одних кредиторов перед другими кредиторами, в случае если такая сделка заключена после принятия заявления о признании должника банкротом и (или) в течение шести месяцев, предшествовавших подаче заявления о признании должника банкротом;
- в случае совершения сделки по выплате (выделу) участнику должника доли (пая) в имуществе должника в связи с его выходом из состава участников должника, если исполнение такой сделки нарушает права и законные интересы кредиторов (до принятия заявления о признании должника банкротом), сделка является оспоримой;

---

¹²⁶ Зайцев О.Р. Оспаривание сделок при банкротстве. С. 106

– в случае совершения сделки по выплате (выделу) участнику должника доли (пая) в имуществе должника в связи с его выходом из состава участников должника (после принятия заявления о признании должника банкротом), сделка является ничтожной.

Следует отметить тот факт, что в п. 1 Информационного письма Президиума ВАС России от 27 апреля 2010 г. № 137 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» изложены следующие рекомендации: согласно ч. 1 ст. 5 Закона 2009 г. №73-ФЗ данный Закон вступил в силу с 5 июня 2009 г.; на основании ч. 2 и 3 ст. 5 Закона 2009 г. № 73-ФЗ, а также исходя из общих правил о действии закона во времени (п. 1 ст. 4 части первой ГК РФ) и с учетом необходимости определения условий действительности сделки на основании закона, действующего в момент ее совершения, в отношении оснований недействительности сделок, совершенных до дня вступления в силу Закона 2009 г. № 73-ФЗ, его положения не подлежат применению, независимо от даты возбуждения производства по делу о банкротстве; в частности, к таким сделкам применяется ст. 103 Закона о банкротстве в редакции, действовавшей до вступления в силу Закона 2009 г. № 73-ФЗ, включая положения о праве отдельных кредиторов оспаривать сделки должника, предусмотренные п. п. 3 и 4 этой статьи. Статья 103 Закона о банкротстве имеет и в настоящий момент существенное значение, так как до сих пор на её основе разрешаются споры о недействительности сделок, совершенных в соответствующий период времени. Разумеется, скоро её значение сведется лишь к историческому факту ее наличия в существовавшей ранее редакции Закона о банкротстве.

Глава 2. ОСНОВАНИЯ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА

§ 1. Основания оспаривания сделок, направленных на вывод (уменьшение) активов несостоятельного должника

1.1. Подозрительные сделки

По смыслу Закона о банкротстве оспаривание неправомерного вывода (уменьшения) активов в преддверии банкротства может осуществляться по двум группам оснований: оспаривание подозрительных сделок должника и оспаривание сделок должника с предпочтением. На сегодняшний день вопросу оспаривания сделок несостоятельного должника посвящена специальная глава Закона о банкротстве – гл. III.1 с одноименным названием «Оспаривание сделок должника».

В доктрине права принято выделять два различных подхода к основаниям признания сделок должника недействительными: субъективный и объективный. Смысл субъективного подхода сводится к тому, что недействительной может быть признана только такая сделка, которая совершена недобросовестным должником и направлена на причинение вреда кредиторам. Объективная теория, наоборот, не требует доказывания наличия недобросовестности сторон сделки и направленности их воли на причинение вреда кредиторам. Ключевая задача объективного подхода заключается в том, чтобы доказать наличие строго определенных, предусмотренных законом условий, позволяющих признавать такие сделки недействительными.

Как показывает практика, использование субъективной теории является достаточно сложным мероприятием, поскольку при ее применении необходимо доказать противоправный умысел сторон и направленность целей сделки, что в условиях отсутствия четких критериев для их определения представляется сложной задачей. Вместе с тем существенным плюсом применения субъективной теории можно назвать стабильность гражданского оборота, хотя достигается это путем ослабления защиты кредиторов должника. Объективная же теория, напротив,

во главу угла ставит защиту интересов кредиторов, жертвуя при этом стабильностью гражданского оборота; ведь всегда проще доказать наличие определенных в законе признаков недействительности той или иной сделки¹²⁷.

В настоящее время Закон о банкротстве, а именно ст. 61.2, использует в совокупности обе теории недействительности, что, учитывая цели и задачи процедуры банкротства, является наиболее удачным решением. Именно с учетом использования обоих подходов гл. III.1 закона о банкротстве подразумевает возможность признания недействительными двух видов «подозрительных сделок» должника:

- сделки с неравноценным встречным исполнением (объективная теория);
- сделки, направленные на причинение вреда имущественным правам кредиторов (субъективная теория).

Правовая характеристика первого вида подозрительных сделок раскрывается в норме п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, согласно которой сделка, совершенная должником в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления, может быть признана арбитражным судом недействительной при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, в том числе в случае, если цена этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (подозрительная сделка).

По смыслу ст. 61.2 Закона о банкротстве неравноценным встречным исполнением обязательств будет признаваться, в частности, любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств. В данном случае следует признать, что законодатель не в полной

---

¹²⁷ Циндяйкина А. Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2012. С. 167.

мере раскрывает понятие «неравноценность». Попытка внести некоторую ясность путем указания на случай, когда цена или иные условия сделки хуже, чем при аналогичных сделках, окончательно не решает эту проблему. В этой связи определение такой «неравноценности» осуществляется судом в каждом конкретном случае самостоятельно¹²⁸.

Таким образом, на практике при определении неравноценности встречного исполнения часто приходится сталкиваться с рядом вопросов: какова должна быть цена имущества, передаваемого по сделке, чтобы свести к минимуму риски ее оспаривания? Обязательно ли цена сделки должна соответствовать рыночной стоимости, и в какой мере она может отличаться от рыночной стоимости? Каков правильный порядок определения достоверной рыночной стоимости имущества?

Ответить на указанные вопросы, несмотря на наличие различных способов определения стоимости имущества, достаточно сложно. С одной стороны, исходя из принципа свободы договора, закрепленного в п. 1 ст. 424 ГК РФ, стороны свободны в определении цены договора и его исполнение оплачивается в соответствии с соглашением сторон. С другой стороны, отношения между коммерческими организациями в обязательном порядке должны носить возмездный характер, а совершение неравноценной сделки во всяком случае нарушает указанное правило, поскольку возмездной будет являться только часть сделки.

В данной связи интересным представляется мнение А.Э. Циндяйкиной. Автор приходит к выводу, что «если одна коммерческая организация продает другой коммерческой организации имущество явно по заниженной цене [...], то по действительной рыночной стоимости оплачивается лишь часть имущества, а осталь-

---

¹²⁸ См.: Постановление АС Северо-Западного округа (далее – СЗО) от 25 августа 2016 г. № Ф04-1392/2016 по делу № А27-23327/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Восточно-Сибирского округа (далее – ВСО) от 24 марта 2017 г. № Ф02-365/2017, Ф02-368/2017 по делу №А19-11413/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 12 мая 2017 г. № Ф02-1307/2017, Ф02-1381/2017 по делу №А74-8356/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 4 сентября 2017 г. № Ф02-4478/2017 по делу № А19-10061/2016 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС СЗО от 21 августа 2017 г. № Ф07-6414/2017 по делу № А56-72910/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 30 августа 2017 г. № Ф02-4471/2017 по делу № А19-18591/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 28 июля 2015 г. № Ф02-3363/2015 по делу № А19-12377/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 7 апреля 2017 г. № Ф02-883/2017 по делу № А58-966/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ная фактически передается безвозмездно, что свидетельствует о прикритии данной сделкой договора дарения. Аналогичная ситуация возникает при приобретении имущества по существенно завышенной цене»¹²⁹.

Вполне очевидным представляется определенное сходство притворных сделок и подозрительных сделок, совершенных с неравноценным встречным исполнением, «однако, уровень проработанности этих институтов в законодательстве, а значит, и их жизнеспособность в правоприменительной практике существенно отличается»¹³⁰. Более того, справедливо будет предположить, что притворные сделки являются понятием более широким по смыслу и включают в себя сделки с предпочтением в качестве подвида. Ключевая разница заключается в том, что первые совершаются в процессе обычной деятельности и удовлетворительном финансовом состоянии сторон, а вторые – в предбанкротный период, который для такого вида сделок законодатель ограничил одним годом до момента принятия заявления о признании должника банкротом. С учетом очевидного теоретического сходства указанных сделок, а также в связи с правом заявителя воспользоваться любым из предоставленных средств защиты нарушенного права, возникает вопрос о конкуренции исков, а именно конкуренции оснований для признания сделки недействительной.

Если обратиться к сравнению предмета доказывания по обоим основаниям для оспаривания, то станет ясно, что оспаривание по основанию неравноценности встречного исполнения (п. 1. ст. 61.2 Закона о банкротстве является гораздо более эффективным средством защиты, чем оспаривание по основанию притворности. Как уже было замечено ранее, п. 1. ст. 61.2. Закона о банкротстве в большей степени опирается на объективный критерий оспаривания, в отличие от п. 2. ст. 170 ГК РФ.

Так, в предмет доказывания притворности сделки, помимо объективных критериев (факта заключения сделки, заниженной цены), входит еще и субъективный критерий – направленность воли сторон на заключение именно прикрыва-

---

¹²⁹ Циндяйкина А. Э. Указ. соч. С. 167.

¹³⁰ Себякина Е. П. Притворные и подозрительные сделки: сравнительный анализ [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

емой сделки. Однако необходимо помнить, что оспаривание сделки по основанию п. 2 ст. 170 ГК РФ имеет существенное преимущество по сроку исковой давности.

В пункте 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 (в ред. от 30 июля 2013 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» указано, что предусмотренные статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве основания недействительности сделок влекут оспоримость, а не ничтожность соответствующих сделок¹³¹, а значит к ним применяется усеченный срок исковой давности – 1 год со дня, когда истец узнал или должен был узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

При этом еще И.Б. Новицкий в период действия ГК РСФСР 1922 г. отмечал, что «пока собственнику неизвестно, кто является нарушителем его прав, он лишен возможности предъявить иск к нарушителю права; засчитывать ему этот период (неизвестности личности нарушителя права) в срок исковой давности было бы неправильным, так как такая норма все равно не стимулировала бы к скорейшему предъявлению иска. Поэтому следует признать, что, пока собственнику неизвестно, в чьем фактическом владении находится его вещь, не может начаться и течение давностного срока, хотя о самом факте потери вещи собственнику известно»¹³². Аналогичное правило можно распространить и на обстоятельства, являющиеся основанием для оспаривания сделок, то есть при неизвестности оснований для оспаривания исчислять срок исковой давности было бы неправильным.

Притворная же сделка – ничтожна (п. 2 ст. 170 ГК РФ) и к ней применяется общий срок исковой давности – 3 года со дня исполнения сделки (если истцом является сторона по сделке) или 3 года со дня, когда истец узнал о начале исполнения сделки (если истец не является стороной сделки). Вместе с тем, чтобы признать оспариваемую сделку притворной либо сделкой с неравноценным встречным исполнением, необходимо четко определиться с порядком установления дей-

---

¹³¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 (в ред. от 30 июля 2013 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. №3

¹³² Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 175.

ствительной рыночной стоимости, определить пределы равноценности, дать более точное определение понятию «неравноценность». Чтобы попытаться решить указанную задачу, можно обратиться к истории и проанализировать, каким образом определяли соразмерность встречного предоставления ранее. Наибольший интерес в данном случае представляет эпоха формирования института «*laesio enormis*».

По смыслу института *laesio enormis* предполагается, что сделка всегда является кабальной (неравноценной), если ее цена в два раза или более превосходит то, что мог бы предоставить кто-нибудь другой. Принято считать, что новаторство в части введения *laesio enormis* признается за Юстинианом. «Введение подобного правила в эпоху Юстиниана удачно объясняется социально-экономической ситуацией того времени: налоговая политика Юстиниана вынуждала мелких землевладельцев продавать свои имения, причем по цене значительно меньшей их действительной стоимости, что создавало благоприятные условия для известных злоупотреблений со стороны представителей крупного капитала»¹³³. Изначально правило *laesio enormis* применялось исключительно к сделкам по купле-продаже недвижимости, однако в дальнейшем действие указанного правила допустили и в отношении дарения, что на первый взгляд абсолютно не соотносится с общим смыслом правила, однако это удалось благодаря своеобразной конструкции, при которой встречное предоставление при дарении состоит из некоего морального обязательства одаряемого.

Полагаем, что институт *laesio enormis* возможно внедрить в действующее законодательство о банкротстве, касающееся определения неравноценности встречного исполнения, в виде определенного исключения или презумпции. Иными словами, необходимо ввести в Закон о банкротстве новое понятие: – «обычный рыночный дисконт», которое по своей правовой природе и целям будет схоже с понятием «обычная хозяйственная деятельность», но применяться будет к п.1 ст.61.2 Закона о банкротстве. Полагаю необходимым определить, что «обыч-

---

¹³³ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. М., 2012. Т. 1 : Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. С.103-107

ный рыночный дисконт» - это такие условия (стоимость имущества, работ, услуг или иного предоставления должника, размер обеспечения и т.д.), которые не более чем на 20 процентов в худшую для должника сторону отличаются от обычно совершаемых сделок. Практическое значение указанного вывода заключается в том, чтобы исключить из правового регулирования п. 1. ст. 61.2 Закона о банкротстве сделки, заключаемые в рамках обычного рыночного дисконта, то есть незначительно отличающиеся от рыночных сделок должника.

Введение указанной нормы, с одной стороны, обеспечит ориентир для суда в определении неравноценности встречного предоставления, с другой стороны, будет являться некой презумпцией, а именно: сделки, совершенные должником на условиях, которые более чем на 20 процентов отличаются от условий или стоимости имущества (работ, услуг или иного предоставления), обычно предоставляемых должником, являются неравноценными. Вместе с тем необходимо помнить, что любую презумпцию возможно опровергнуть, предоставив достаточные для того доказательства. В данном случае указанное обстоятельство также является немаловажным, поскольку полностью не исключает судебское усмотрение и не лишает возможности скорректировать категорию «неравноценности» в зависимости от предоставленных сторонами доказательств и иных обстоятельств дела. Такой подход позволит существенно уменьшить злоупотребления со стороны суда и участников процесса и при этом не даст норме «закостенеть», обеспечит должную гибкость для правоприменителя. Вывод об актуальности и необходимости введения данного изменения в нормативную базу прослеживается и в работах иных авторов¹³⁴.

Правовая характеристика второго вида подозрительных сделок раскрывается в норме п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. «В указанную разновидность подозрительных сделок законодатель включает ранее самостоятельно существовавшие группы оснований оспоримых сделок, основанных на объективной теории. К ним относятся сделки, совершенные в пользу заинтересованного лица, и сделки по

---

¹³⁴ Чехомова В.Е. Оспаривание сделок должника в рамках конкурсного производства // Арбитражный управляющий. 2017. № 4. С. 36 - 37.

выплате доли в имуществе должника участнику в связи с выходом из организации, после возбуждения дела о несостоятельности или в течение шести месяцев, предшествующих подаче заявления о признании должника банкротом»¹³⁵.

В соответствии с п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве сделка, совершенная должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, может быть признана арбитражным судом недействительной, если такая сделка была совершена в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления и в результате ее совершения был причинен вред имущественным правам кредиторов и если другая сторона сделки знала об указанной цели должника к моменту совершения сделки (подозрительная сделка). Таким образом, для признания сделки недействительной на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве необходимо доказать наличие совокупности всех следующих обстоятельств.

– **Объективные обстоятельства:**

1. Сделка совершена в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления, то есть в пределах срока подозрительности.

Вопрос о продолжительности периода подозрительности законодательством разных правовых систем и государств решается по-разному. По большому счету не существует общих принципов определения указанного периода. Так, ранее действовавшая редакция Закона о банкротстве устанавливала указанный период в течение 6 месяцев, предшествовавших подаче заявления о признании должника банкротом.

Действующая редакция, устанавливающая период подозрительности равный трем годам до принятия заявления о банкротстве, представляется более удачной, как минимум, по двум причинам. Во-первых, ранее существовавший период подозрительности равный 6 месяцам является явно недостаточным, поскольку значительное количество сделок по выводу активов может намеренно осуществ-

---

¹³⁵ Кораев К. Б. Новеллы законодательства о банкротстве: оспорение сделок должника // Безопасность бизнеса. 2009. № 3. С. 22.

ляться за пределами шестимесячного срока, увеличение же срока подозрительности до трех лет существенно затруднит указанную задачу. Во-вторых, использование формулировки «предшествовавших подаче заявления о признании должника банкротом» не достигает необходимой определенности в процессуальном определении «точки отсчета» срока подозрительности, в отличие от формулировки «до принятия заявления о признании должника банкротом», так как во втором случае выносится определение суда, которое и будет являться необходимой «точкой отсчета» срока подозрительности.

Тем не менее, несмотря на существенную доработку нормы об определении периода подозрительности, некоторые сложности при определении такого периода существуют и в настоящий момент. В литературе обоснованно обращается внимание на сложности, связанные с определением даты принятия заявления о признании должника банкротом. Эта проблема связана с тем, что на практике случаются ситуации, когда дело о несостоятельности возбуждается на основании одного заявления, а сама процедура банкротства вводится на основании последующего заявления, то есть заявления о вступлении в дело о банкротстве.

Однако принято считать, что дата принятия заявления о банкротстве исчисляется с первого, поданного в арбитражный суд, заявления, а точнее, с даты его принятия, поскольку именно оно является основанием для возбуждения дела о банкротстве. Последующие заявления учитываются арбитражным судом лишь как заявления о вступлении в уже возбужденное дело о банкротстве (абз. 1 п. 8 ст. 42 Закона о банкротстве)¹³⁶.

2. В результате совершения оспоримой сделки должен быть причинен вред имущественным правам кредиторов.

В действующей редакции закона о банкротстве законодатель отказывается от использования категории убытков, закрепленной в п. 2 ст. 103 Закона о банкротстве в ранее действующей редакции, и использует новую категорию «вред имущественным правам кредиторов».

---

¹³⁶ Колинченко Е. А. Защита интересов неплатежеспособного должника при банкротстве: сравнительно-правовой анализ. М., 2002. С. 130-132.

Статья 2 Закона о банкротстве определяет вред, причиненный имущественным правам кредиторов, как уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий либо бездействия, приводящие к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества. Очевидно, что указанное смещение акцентов направлено именно на уточнение понятия убытков применительно к Закону о банкротстве и связано, вероятно, с возникающими сложностями в процессе доказывания самого факта совершения убытков, а именно, того, в чем они заключаются для конкретного кредитора.

Рассматривая вопрос причинения вреда имущественным правам кредиторов, следует также учитывать, что неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства одной из сторон по сделке само по себе не может быть рассмотрено как вред, причиненный имущественным правам кредиторов, и не может являться основанием для признания сделки недействительной по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Такое нарушение обязательств со стороны контрагента предусматривает иные способы защиты нарушенного права (взыскание задолженности, расторжение договора и т.д.).

Например, при рассмотрении дела № А27-18417/2013 суд указал на то, что «действующее гражданское законодательство Российской Федерации (ГК РФ и Закон о банкротстве № 127-ФЗ) устанавливает основания недействительности сделок исходя из порочности сделки в силу самого факта ее совершения, соответственно, основанием для признания сделки недействительной могут являться только обстоятельства, существовавшие на момент ее совершения. При этом, сделка не может быть признана недействительной только потому, что одной из сторон впоследствии не исполнены или ненадлежащим образом исполнены обяза-

тельства по такой сделке. Действия, связанные с последующим исполнением сделки, не свидетельствуют о порочности сделки в момент ее заключения»¹³⁷.

Аналогичной позиции по данному вопросу придерживаются и иные суды¹³⁸.

Рассматривая понятие вреда имущественным правам кредиторов, можно говорить, что в случае совершения сделки до принятия заявления о банкротстве должник должен приобрести признаки неплатежеспособности или неоплатности. В случае заключения сделки после принятия заявления о банкротстве размер кредиторской задолженности должен увеличиться на столько, что возможность получить удовлетворение своих требований кредиторами должна существенно уменьшаться либо сводится к нулю.

– Субъективные обстоятельства:

3. Сделка совершена с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов.

В данном случае «под целью причинения вреда законодатель понимает намеренные, умышленные действия должника, направленные на причинение вреда имущественным правам кредиторов, следовательно, предполагается злой умысел со стороны несостоятельного должника, что представляет необыкновенные затруднения»¹³⁹ в процессе доказывания.

Именно поэтому законодателем введен ряд правовых презумпций, позволяющих установить цель причинения вреда. Такие презумпции установлены в абз. 2 п. 2. ст. 61.2 Закона о банкротстве, в соответствии с которым и цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества, и сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица, либо направлена на выплату (выдел) доли (пая) в имуществе

¹³⁷ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 3 июня 2015 г. № 07 АП-1669/14 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

¹³⁸ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 12 апреля 2012 г. № 07АП-2145/12 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 17 ноября 2014 г. № 02АП-8792/14 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14 октября 2014 г. № 10АП-11417/14 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁹ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. 4 : Торговый процесс. Конкурсный процесс. С.111.

должника учредителю (участнику) должника в связи с выходом из состава учредителей (участников) должника, либо совершена при наличии одного из следующих условий:

1) стоимость переданного в результате совершения сделки или нескольких взаимосвязанных сделок имущества либо принятых обязательства и (или) обязанности составляет 20 и более процентов балансовой стоимости активов должника, а для кредитной организации – 10 и более процентов балансовой стоимости активов должника, определенной по данным бухгалтерской отчетности должника на последнюю отчетную дату перед совершением указанных сделки или сделок; 2) должник изменил место жительства или место нахождения без уведомления кредиторов непосредственно перед совершением сделки или после ее совершения, либо скрыл свое имущество, либо уничтожил или искажил правоустанавливающие документы, документы бухгалтерской и (или) иной отчетности или учетные документы, ведение которых предусмотрено законодательством Российской Федерации, либо в результате ненадлежащего исполнения должником обязанностей по хранению и ведению бухгалтерской отчетности были уничтожены или искажены указанные документы; 3) после совершения сделки по передаче имущества должник продолжал осуществлять пользование и (или) владение данным имуществом либо давать указания его собственнику об определении судьбы данного имущества.

Представляется, что изложение презумпций в виде представленной в абзацах втором – пятом п. 2 ст. 61. 2 Закона о банкротстве конструкции едва ли можно назвать удачным. Во многом в связи с необходимостью разъяснения порядка применения такого рода конструкции ВАС РФ было подготовлено Постановление Пленума от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». Согласно п. 6 указанного Постановления цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если налицо одновременно два следующих условия:

а) на момент совершения сделки должник отвечал признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества;

б) имеется хотя бы одно из других обстоятельств, предусмотренных абзацами вторым - пятым п. 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Таким образом, по смыслу Закона о банкротстве в действиях должника необходимо наличие, как минимум, двух признаков, позволяющих установить цель причинения вреда:

1) основной (неплатежеспособность или недостаточность имущества должника в момент совершения сделки)¹⁴⁰;

2) дополнительный (безвозмездность сделки; сделка совершена в отношении заинтересованного лица; сделка направлена на выдел доли участника в имуществе должника; стоимость имущества по сделке более 20 процентов от балансовой стоимости активов; должник изменил свое местонахождение в период совершения сделки либо скрыл имущество или правоустанавливающие документы; должник после совершения сделки фактически продолжает пользоваться переданным имуществом).

При наличии основного и одного из дополнительных признаков наличие противоправной цели в действиях должника предполагается.

Между тем на практике нередко встречаются примеры применения перечисленных презумпций¹⁴¹. Например, предположим, что компания обладает признаками неплатежеспособности, то есть по каким-либо причинам не может рассчитаться с одним из своих контрагентов в течение 3 месяцев (например, потому что не может получить денежные средства от своих заказчиков), а сумма задолженности составляет чуть более 300 тыс. рублей. При этом у компании-должника

---

¹⁴⁰ См.: Постановление АС ВСО от 24 ноября 2016 г. № Ф02-6475/2016 по делу № А33-8409/2015 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение ВС РФ от 16 февраля 2017 г. № 307-эс16-3765(4,5) по делу № А66-4283/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 24 ноября 2016 г. № Ф02-6475/2016 по делу № А33-8409/2015 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 30 января 2017 г. № Ф02-7537/2016 по делу № А19-23067/2012 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 1 марта 2017 г. № Ф02-507/2017 по делу № А33-21473/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴¹ См.: Постановление АС Северо-Кавказского округа от 25 октября 2016 г. № Ф08-7499/2016 по делу № А22-4741/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в собственности имеется офисное помещение в престижном районе города. Чтобы преодолеть произошедший «кассовый разрыв» и рассчитаться с контрагентом, не дожидаясь при этом взыскания дебиторской задолженности с основного заказчика, руководство компании принимает решение продать дорогой офис в центре и перебраться в более дешевый офис на окраине, меняя, как того требует действующее законодательство, место своей государственной регистрации. На первый взгляд, указанная ситуация характеризует должника как исключительно добросовестного предпринимателя. Он пытается самостоятельно решить свои финансовые проблемы путем оптимизации активов и уменьшения расходов, не перекладывая при этом риски своей предпринимательской деятельности на иных участников гражданского оборота. Однако по смыслу Закона о банкротстве, с учетом презумпций, закрепленных в абз. 2 п. 2 ст. 61.2, такая сделка считается заключенной с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов, а такой должник, соответственно, является недобросовестным.

Если предположить, как могут сложиться обстоятельства для такого должника в дальнейшем, то представляется достаточно распространенная ситуация, когда основной заказчик (дебитор компании-должника) в добровольном порядке не рассчитывается, а судебная тяжба по взысканию долга затягивается минимум на год, либо еще хуже – заказчик объявляет о своем банкротстве. В таком случае уже компания-должник будет вынуждена обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании себя банкротом, а если активов компании будет недостаточно для расчета по своим обязательствам, то при наличии определённых обстоятельств, учитывая «недобросовестную сделку» по отчуждению офиса с целью причинения вреда кредиторам, руководство компании может быть привлечено к субсидиарной ответственности по обязательствам компании.

Таким образом, исключительно правомерные и добросовестные действия должника могут быть квалифицированы судом как действия, совершенные с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов с помощью не всегда обоснованного условия о смене местонахождения должника. В связи с этим полагаем, что обстоятельства смены места жительства, а также местонахождения

должника непосредственно перед совершением сделки или после ее совершения не должны быть указаны в Законе о банкротстве в качестве одного из возможных условий установления презумпции противоправной цели должника по причинению вреда имущественным правам кредиторов.

4. Другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

Второе субъективное обстоятельство, подлежащее доказыванию в соответствии с п. 2. ст. 62.2 Закона о банкротстве, – это осведомленность контрагента должника о противоправной цели совершения сделки, то есть о цели должника причинить вред имущественным правам кредиторов. Установление указанного обстоятельства является не менее сложной задачей, чем установление самой цели причинения вреда¹⁴². В данном случае для упрощения процесса доказывания законодатель пользуется уже знакомой системой закрепления правовых презумпций. Так, в соответствии с п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве предполагается, что контрагент должника по сделке знал о противоправной цели должника если он: *является заинтересованным лицом.*

Перечень и понятие заинтересованных лиц применительно к законодательству о банкротстве раскрывается в ст. 19 Закона о банкротстве. Раскрывая перечень заинтересованных лиц, законодатель использует одновременно два способа:

1) делает ссылку на иные нормативные акты по данному вопросу:

- лицо, которое в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции» входит в одну группу лиц с должником;

– лица, признаваемые заинтересованными в совершении должником сделок в соответствии с гражданским законодательством о соответствующих видах юридических лиц;

– лицо, которое является аффилированным лицом должника.

---

¹⁴² См.: Постановление АС ВСО от 16 февраля 2017 г. № Ф02-8149/2016 по делу № А19-7040/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 24 января 2017 г. № Ф02-7762/2016 по делу № А58-6179/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 28 сентября 2017 г. № Ф02-5137/2017 по делу № А19-21252/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление СЗО от 12 сентября 2016 г. по делу № А21-8962/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2) указывает на конкретную группу лиц:

– руководитель должника¹⁴³, а также лица, входящие в совет директоров (наблюдательный совет), коллегиальный исполнительный орган или иной орган управления должника, главный бухгалтер (бухгалтер) должника, в том числе указанные лица, освобожденные от своих обязанностей в течение года до момента возбуждения производства по делу о банкротстве или до даты назначения временной администрации финансовой организации (в зависимости от того, какая дата наступила ранее), либо лицо, имеющее или имевшее в течение указанного периода возможность определять действия должника;

– заинтересованными лицами по отношению к должнику-гражданину признаются его супруг, родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, сестры, братья и их родственники по нисходящей линии, родители, дети, сестры и братья супруга.

– лица, находящиеся с физическими лицами, указанными в первом пункте (руководитель и т.д.), в отношениях, определенных пунктом 2 (супруг, родители и т.д.)¹⁴⁴.

Несмотря на достаточно объемный перечень заинтересованных лиц, норма закона предусматривает не совсем определенные формулировки заинтересованности. С одной стороны, законодатель пошел путем четкого перечисления лиц, являющихся заинтересованными к должнику, с другой стороны закрепил бланкетные нормы, отсылающие к иным нормативным актам. Более того, дополнительно понятие заинтересованности определяется через понятие аффилированности (лицо, которое является аффилированным лицом должника). При этом дей-

---

¹⁴³ См.: Постановление АС ВСО от 12 октября 2016 г. № Ф02-4416/2016 по делу № А33-15895/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 2 сентября 2017 г. № Ф02-2459/2017 по делу № А58-7910/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Иркутской области от 24 февраля 2016 г. № Ф02-7885/2015 по делу № А19-11413/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 16 июля 2015 г. № Ф02-5399/2014, Ф02-2389/2015 по делу № А33-19060/2012 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Иркутской области от 14 ноября 2016 г. № Ф02-5700/2016 по делу № А33-19417/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁴ См.: Постановление АС ВСО от 04 февраля 2015 г. № Ф02-6339/2014 по делу № А74-2276/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 27 октября 2015 г. № Ф02-5055/2015 по делу № А19-12214/2011 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ствующее законодательство активно использует понятия «аффилированность», «аффилированные лица», но не раскрывает их содержание.

Достаточно общее определение «аффилированности» содержит Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹⁴⁵, который определяет аффилированных лиц как физических и юридических лиц, способных оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Что касается конкретных субъектов, аффилированных по отношению к юридическому лицу, то к ним в соответствии с указанным Законом относятся: «член его Совета директоров (наблюдательного совета) или иного коллегиального органа управления, член его коллегиального исполнительного органа, а также лицо, осуществляющее полномочия его единоличного исполнительного органа; лица, принадлежащие к той группе лиц, к которой принадлежит данное юридическое лицо; лица, которые имеют право распоряжаться более чем 20 процентами общего количества голосов и [др.]» (абз. 5-9 ст. 4).

«Аффилированными лицами по отношению к индивидуальному предпринимателю являются: лица, принадлежащие к той группе лиц, к которой принадлежит данное физическое лицо; юридическое лицо, в котором данное физическое лицо имеет право распоряжаться более чем 20% общего количества голосов, принадлежащих на голосующие акции либо составляющие уставный или складочный капитал вклады, доли данного юридического лица» (абз. 10-12 ст. 4).

Указанный перечень не является исчерпывающим, поэтому вследствие размытости определения субъекта он вполне может быть расширен, что создает немало трудностей для правоприменителей. Тем более фактические условия возникновения аффилированности между лицами довольно разнообразны. «Такие условия могут носить имущественный, трудовой, договорный, организационно-

---

¹⁴⁵ О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках : Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. ст. 499.

управленческий, семейно-правовой, смешанный и иной характер»¹⁴⁶. При этом наибольшая сложность заключается в том, что категория аффилированности закреплена в различных отраслях права: гражданском, предпринимательском, антимонопольном, налоговом, таможенном. Именно указанное обстоятельство мешает определить сущность понятия, выработать и закрепить единое межотраслевое определение аффилированного лица.

В данной связи наиболее верным представляется закрепление единого понятия аффилированных лиц путем внесения соответствующих поправок в ГК РФ (ст. 53.2 ГК РФ в действующей редакции не содержит прямого определения, а лишь делает отсылку на иные нормативные правовые акты) либо принятия специального закона, который бы закрепил правовой статус указанных лиц. Наиболее точно отражает сущность данной категории определение, выработанное Л.Д.Эрбалидзе, в соответствии с которым «аффилированные лица – это физические и юридические лица, способные оказывать как непосредственно, так и опосредованно влияние (контроль) на деятельность юридических и (или) физических лиц, преследуя реализацию своих личных интересов или интересов третьих лиц, противоречащих интересам юридического лица»¹⁴⁷.

Возвращаясь к понятию заинтересованных лиц применительно к Закону о банкротстве, необходимо отметить не совсем удачную конструкцию ст. 19 Закона о банкротстве. Как уже было отмечено ранее, она предусматривает раскрытие понятия заинтересованности двумя способами (путем указания на конкретных лиц и бланкетным способом). Полагаем, что данная конструкция не отвечает принципам определённости и подлежит корректировке. Очевидно, что в этой ситуации необходимо закрепление единого принципа изложения правовой нормы, а именно, либо перечисление конкретных лиц, являющихся заинтересованными по отношению к должнику непосредственно в ст. 19 Закона о банкротстве, либо закрепление ис-

---

¹⁴⁶ Каменева П. В. Понятие и признаки аффилированных лиц в свете российского антимонопольного законодательства // *Налоги (газ.)*. 2006. № 22.

¹⁴⁷ Эрбалидзе Л. Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Казань, 2014. С. 14.

ключительно бланкетной нормы, отсылающей к специальному закону (в случае его принятия):

а) если сторона по сделке знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника.

Назначение любой правовой презумпции – облегчить процесс доказывания. Однако используемая в данном случае формулировка «либо знал об ущемлении интересов кредиторов должника» никоим образом не отвечает требованиям презумпции, поскольку одно неизвестное (осведомленность контрагента по сделке о цели должника) заменяется иным неизвестным (осведомленностью об ущемлении интересов кредиторов). Указанная презумпция «не только не облегчает процесс доказывания, скорее исключает всякую возможность установления такового факта, как знание контрагента о цели должника»¹⁴⁸.

В связи с этим на практике возникают значительные затруднения в применении указанной презумпции¹⁴⁹. Действительно, такого рода презумпция в конечном итоге не достигает своего прямого назначения – упростить процесс доказывания. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности закрепления такой нормы.

б) если сторона знала или должна была знать о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника.

Осведомленность контрагента о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества предполагается, если на момент совершения сделки были осуществлены публикации, предусмотренные Законом о банкротстве, о ведении процедуры банкротства в отношении должника.

---

¹⁴⁸ Сысоева О. В. Паулианов иск как способ защиты в процедурах банкротства // Право и экономика. 2011. № 10. С. 75.

¹⁴⁹ См.: Постановление АС ВСО от 02 октября 2017 г. № Ф02-5152/2017, Ф02-5153/2017 по делу № А19-11413/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 21 сентября 2017 г. № Ф02-4473/2017 по делу № А19-10061/2016 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС СЗО от 22 августа 2017 г. № Ф07-8424/2017 по делу № А52-593/2016 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 07 августа 2017 г. № Ф02-3486/2017 по делу № А58-2028/2015 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 25 мая 2017 г. № Ф02-2412/2017 по делу № А19-1813/2015 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение ВАС РФ от 20 мая 2013 г. № ВАС-5739/13 по делу № А76-21207/2011 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Так, согласно п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 при наличии таких публикаций в случае оспаривания на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве сделок, совершенных после этих публикаций, надлежит исходить из следующего: если не доказано иное, любое лицо должно было знать о том, что введена соответствующая процедура банкротства, а значит и о том, что должник имеет признаки неплатежеспособности. В данном случае не составит труда установить наличие таких публикаций. Но как быть, если сделка совершена задолго до введения в отношении должника процедуры банкротства? В таком случае на практике возникает масса дополнительных вопросов.

1.2. Сделки с предпочтением

Основанием для оспаривания сделок должника может являться не только их подозрительный характер, но и то, что совершение данной сделки в последующем может повлечь за собой предпочтительное удовлетворение требований одних кредиторов перед другими.

Законодательное закрепление указанного состава сделок содержится в ст. 61.3 Закона о банкротстве, в соответствии с которой «сделка, совершенная должником в отношении отдельного кредитора или иного лица, может быть признана арбитражным судом недействительной, если такая сделка влечет или может повлечь за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований, в частности при наличии одного из следующих условий: 1) сделка направлена на обеспечение исполнения обязательства должника или третьего лица перед отдельным кредитором, возникшего до совершения оспариваемой сделки; 2) сделка привела или может привести к изменению очередности удовлетворения требований кредитора по обязательствам, возникшим до совершения оспариваемой сделки; 3) сделка привела или может привести к удовлетворению требований, срок исполнения которых к моменту совершения сделки не наступил, одних кредиторов при наличии не исполненных в установленный срок обязательств перед другими кредиторами; 4) сделка привела к тому, что отдельному кредитору оказано или может быть оказа-

но большее предпочтение в отношении удовлетворения требований, существовавших до совершения оспариваемой сделки, чем было бы оказано в случае расчетов с кредиторами в порядке очередности в соответствии с законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве)».

Как было отмечено ранее, положения Закона о банкротстве в части признания недействительными подозрительных сделок должника сформулированы законодателем с учетом двух подходов: – объективного и субъективного. Аналогичная конструкция использована при изложении оснований для оспаривания сделок должника по основанию предпочтительного удовлетворения. Принципы объективной теории сформулированы в п. 2 ст. 61.3, а принципы субъективной теории – в п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Так, в соответствии с объективной теорией (п. 2. ст. 61.3 Закона о банкротстве) «сделка, указанная в пункте 1 настоящей статьи, может быть признана арбитражным судом недействительной, если она совершена после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом» (п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63).

Если же исходить из субъективной теории (п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве), то «сделка, указанная в пункте 1 настоящей статьи и совершенная должником в течение шести месяцев до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом, может быть признана арбитражным судом недействительной, если в наличии имеются условия, предусмотренные абзацами вторым и третьим пункта 1 настоящей статьи, или если установлено, что кредитору или иному лицу, в отношении которого совершена такая сделка, было известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества». Из текста Закона о банкротстве следует, что во втором случае появляется уже знакомый нам субъективный критерий, а именно, осведомленность о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества либо об обстоятельствах, свидетельствующих о таких признаках.

Таким образом, для признания недействительной сделки, совершенной должником в отношении отдельного кредитора после принятия заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до его принятия, необходимо доказать только обстоятельства, указанные в п. 1. ст. 63.1 Закона о банкротстве, при этом для установления предпочтения достаточно хотя бы одного из этих обстоятельств (п.9 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63).

Пункт 1 статьи 61.3 Закона о банкротстве содержит четыре самостоятельные правовые нормы, раскрываемые в абзацах втором – пятом. При этом очевидно, что в зависимости от оснований заявленных требований различается и круг обстоятельств, подлежащих установлению судом и доказыванию сторонами (предмет доказывания) в целях принятия правильного решения (ст. 65 АПК РФ). Таким образом, «для признания сделки недействительной в соответствии с п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве необходима ссылка на одно из условий (конкретный абзац), каждому из которых будет соответствовать свой предмет доказывания»¹⁵⁰. В данной связи полагаю необходимым остановиться на каждом абзаце п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве более подробно.

1) Сделка направлена на обеспечение исполнения обязательства должника или третьего лица перед отдельным кредитором, возникшего до совершения оспариваемой сделки.

Конструкция нормы предусматривает возможность оспаривания не каждого соглашения об установлении обеспечения исполнения обязательств, а только тех, которые совершены после возникновения обеспечиваемого обязательства. Соответственно, предмет доказывания по данному основанию формируется следующим образом:

- факт существования основного обязательства;
- факт последующего возникновения в результате совершения оспариваемой сделки обеспечительного обязательства.

---

¹⁵⁰ Ковалев С. И. Отдельные проблемы оспаривания в рамках процедуры банкротства сделок «с предпочтением» // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 2. С. 68.

Согласно п. 1 ст. 329 ГК РФ исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом и другими способами, предусмотренными законом или договором. Перечень способов обеспечения, предусмотренный гражданским законодательством, не является исчерпывающим, однако иные «экзотические» способы обеспечения, не указанные в п. 1 ст. 329 ГК РФ, встречаются достаточно редко. В связи с чем наиболее целесообразным представляется рассмотреть самые распространенные из поименованных способов, а также выявить их особенности применительно к оспариванию по ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Неустойка. Является наиболее распространенным способом обеспечения исполнения обязательств ввиду простоты его использования (отсутствие государственной регистрации, гибкость ответственности и т.д.).

Однако обеспечение основного обязательства неустойкой крайне редко может повлечь преимущественное удовлетворение требований одного из кредиторов в процедуре банкротства. Такое «преимущество может возникнуть только между кредиторами, требования которых обеспечены неустойкой, но в разных размерах, или перед кредиторами, требования которых возникли по сделке, признанной недействительной на основании п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве»¹⁵¹. При этом необходимо, чтобы обязательства должника по выплате основного долга были исполнены перед всеми кредиторами в полном объеме, и арбитражный управляющий приступил к погашению требований по штрафным санкциям (неустойка, пени, штрафы), что на практике происходит крайне редко.

Залог. В случае использования залога в качестве обеспечения требования кредитора происходит «выделение из всего состава имущества должника известной индивидуальной определенной части, которая должна служить исключительным средством удовлетворения только данного требования, с устранением прочих

---

¹⁵¹ Сысоева О. В. Обеспечение исполнения обязательств должника как признак «предпочтительности» в удовлетворении требований кредитора // Юрист. 2013. № 4. С. 31.

кредиторов»¹⁵². Залог является также довольно распространенным способом обеспечения и в большей степени может повлечь оказание предпочтения одному кредитору перед остальными, поскольку Закон о банкротстве предусматривает особый (привилегированный) порядок погашения требований кредитора, обеспеченных залогом имущества должника.

Согласно п. 1 ст. 138 Закона о банкротстве из средств, вырученных от реализации предмета залога, 80 процентов (в случае если обеспечиваются требования по кредитному договору) или 70 процентов (в случае если обеспечиваются иные требования) направляется на погашение требований кредитора по обязательству, обеспеченному залогом имущества должника, но не более основной суммы задолженности по обеспеченному залогом обязательству и причитающихся процентов. Денежные средства, оставшиеся от суммы, вырученной от реализации предмета залога, вносятся на специальный банковский счет должника в следующем порядке: 1) 20 процентов или 15 (в случае если обеспечиваются требования по кредитному договору) от суммы, вырученной от реализации предмета залога, – для погашения требований кредиторов первой и второй очереди в случае недостаточности иного имущества должника для погашения указанных требований; 2) оставшиеся денежные средства – для погашения судебных расходов, расходов по выплате вознаграждения арбитражным управляющим и оплаты услуг лиц, привлеченных арбитражным управляющим в целях обеспечения исполнения возложенных на него обязанностей.

Таким образом, по смыслу Закона о банкротстве, в случае отсутствия кредиторов первой и второй очереди, 90 процентов (либо 95 процентов в случае, если залогом обеспечен кредитный договор) средств с продажи имущества должника, находящегося в залоге, будет направлено на погашение требований залогового кредитора. При этом абсолютно нелогичным представляется разделение законодателем режима удовлетворения залоговых требований банков (по кредитным договорам) и иных залоговых кредиторов (по иным требованиям). При одинаковом способе обеспечения своих требований (залог) банки получают 80 процентов от

---

¹⁵² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. С. 291.

вырученных с продажи залога денежных средств, а иные залоговые кредиторы лишь 70 процентов.

В данном случае можно говорить о нарушении основополагающего принципа Закона о банкротстве – принципа соразмерности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов. Единственным логичным объяснением данного обстоятельства является значительное банковское лобби при внесении изменений в Закон о банкротстве. Тем не менее, полагаем необходимым внесение соответствующих поправок в Закон о банкротстве, позволяющих установить единый режим удовлетворения требований по кредитным договорам и иных залоговых требований, не основанных на кредитных взаимоотношениях.

Возвращаясь к рассмотрению залога как сделки, влекущей преимущественное удовлетворение требований одного из кредиторов должника, необходимо обратить внимание на относительное единообразие судебной практики по данному вопросу. В сложившейся судебной практике договор залога, заключенный в период после возникновения обеспечиваемого обязательства, трактуется как предоставление кредитору необоснованного преимущества в сравнении с иными кредиторами должника¹⁵³.

3. Удержание. Согласно п. 1 ст. 359 ГК РФ, «кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено».

Статья 360 ГК РФ предусматривает, что «требования кредитора, удерживающего вещь, удовлетворяются из ее стоимости в объеме и порядке, предусмотренных для удовлетворения требований, обеспеченных залогом».

---

¹⁵³ См.: Постановление ФАС Центрального округа от 7 июня 2012 г. по делу № А35-7751/2010 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ВСО от 13 июля 2015 г. № Ф02-3398/2015 по делу № А19-8500/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС ЗСО от 28 февраля 2017 г. № Ф04-25573/2015 по делу № А45-1150/2015 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Поволжского округа от 28 декабря 2016 г. № Ф06-16268/2016 по делу № А65-31302/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Из этого следует, что обеспечительные конструкции залога и удержания имеют общую правовую природу. Смысл залога и удержания заключается в определенном резервировании (бронировании) конкретного имущества, за счет которого в дальнейшем будет осуществляться удовлетворение требований конкретного кредитора в случае неисполнения должником своих обязательств. Представляется, что ключевая разница двух конструкций заключается в том, что «при залоге обеспечиваемое обязательство изначально определено сторонами, а при удержании имущество обеспечивает любое наличное требование лица, осуществляющего удержание, к должнику»¹⁵⁴. Такая особенность удержания прямо установлена законом, а именно: удержанием вещи могут обеспечиваться также требования хотя и не связанные с оплатой вещи или возмещением издержек на нее и других убытков, но возникшие из обязательства, стороны которого действуют как предприниматели (абз. 2 п. 1 ст. 359 ГК РФ). Некоторое отличие удержания от залога заключается также в том, что «удержание нельзя представить в обеспечение чужих долгов»¹⁵⁵ (то есть долгов не того лица, вещь которого удерживается). Из этого вытекает и еще одно отличие: предмет обеспечения при удержании всегда должен находиться у кредитора, в отличие от залога, где такое обеспечение может находиться как у залогодателя, так и у залогодержателя.

Для целей настоящей работы наиболее важным является вопрос удовлетворения требований кредитора, обеспеченного удержанием. Является ли его статус при удовлетворении требований аналогичным статусу залогового кредитора? Может ли возникновение удержания как такового повлечь преимущественное удовлетворение требований одного кредитора перед другими? Однозначный ответ на поставленный вопрос дан законодателем лишь для ординарной ситуации (когда должник не отвечает признакам несостоятельности и в отношении него не введена ни одна из процедур банкротства). Как уже было сказано ранее, ст. 360

---

¹⁵⁴ Сысоева О. В. Обеспечение исполнения обязательств должника как признак «предпочтительности» в удовлетворении требований кредитора // Юрист. 2013. № 4. С. 33.

¹⁵⁵ Егоров А. В. Залог и банкротство: актуальные вопросы // Несостоятельность (банкротство): научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / под ред. В. В. Витрянского. М., 2010. С. 40.

ГК РФ в таком случае приравнивает удержание к залогу и распространяет на него аналогичный (приоритетный) порядок удовлетворения.

Однако каким образом меняется ситуация в случае введения процедуры банкротства в отношении должника – собственника вещи, находящейся в удержании? Такой вопрос до настоящего момента однозначно не разрешен в действующем законодательстве и является дискуссионным в литературе.

Относительно порядка удовлетворения в рамках дела о банкротстве требований кредиторов, обеспеченных удержанием, имеются две точки зрения.

Специалисты, придерживающиеся первой точки зрения, считают, что «в случае если контрагент должника на основании ст. 359 ГК РФ удерживает имущество должника, то с момента возбуждения дела о банкротстве должника удерживаемое имущество должно быть передано в конкурсную массу, а контрагент, удерживающий имущество, приобретает права залогового кредитора»¹⁵⁶, предусмотренные Законом о банкротстве. Сторонники такой позиции полагают, что «правило, закрепленное в абз. 2 п. 2 ст. 996 ГК РФ, имеет общее значение в отношении несостоятельного должника и должно применяться не только в отношении несостоятельности комитента, и ретентор может удовлетворить свои требования в размере стоимости удерживаемой вещи в третью очередь, как и залоговый кредитор»¹⁵⁷. Существует и другая, противоположная точка зрения. Ее сторонники полагают, что «какого-либо перерастания удержания в залог или его трансформации не происходит»¹⁵⁸. Право удержания, несмотря на наличие сходных с залогом черт, «является самостоятельной конструкцией»¹⁵⁹.

Наиболее обоснованной в данном случае представляется первая точка зрения, в соответствии с которой положения об удовлетворении залоговых требований распространяются и на право удержания. Аналогичной позиции придержи-

---

¹⁵⁶ Сысоева О.В. Обеспечение исполнения обязательств должника как признак предпочтительности в удовлетворении требований кредитора // Юрист. 2013. № 4. С. 33.

¹⁵⁷ Телюкина М. В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / отв. ред. А. Ю. Кабалкин. М., 1998. С. 177–178, 184, 191–192; Никитина О. А. Конкурсное производство // Бизнес-адвокат. 1998. № 15-16. С. 158.

¹⁵⁸ Сарбаш С. В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств. 2-е изд., испр. М., 2003. С. 145.

¹⁵⁹ Пустовалова Е. Ю. Судьба требований кредиторов при банкротстве должника. М., 2003. С. 49.

ется и судебная практика. В связи с этим интересна позиция Седьмого арбитражного апелляционного суда, высказанная в постановлении от 17 сентября 2009 г. № 07АП-6438/2009 (2) по делу А03-1451/2009. Арбитражный суд приходит к следующим выводам: «Положения статьи 360 Гражданского кодекса РФ в части определения порядка обращения взыскания на удерживаемое имущество, содержат отсылочную диспозицию к положениям, предусмотренным для удовлетворения требований, обеспеченных залогом. При этом в законодательстве не содержится правил на случай признания должника несостоятельным (банкротом). Вместе с тем, пунктом 2 статьи 996 Гражданского кодекса РФ устанавливается, что комиссионер вправе удерживать находящиеся у него вещи, которые подлежат передаче комитенту либо лицу, указанному комитентом, в обеспечение своих требований по договору комиссии. В случае объявления комитента несостоятельным (банкротом) указанное право комиссионера прекращается, а его требования [...] удовлетворяются в соответствии со статьей 360 настоящего Кодекса наравне с требованиями, обеспеченными залогом. Сформулированное положение имеет общее для института удержания значение и подлежит применению в рассматриваемом случае по аналогии [...]. Это означает, что при банкротстве должника удерживаемая кредитором вещь подлежит передаче в конкурсную массу, а сам кредитор занимает третью привилегированную очередь при удовлетворении его претензий с учетом правил, содержащихся в статье 138 Закона о несостоятельности (банкротстве)»¹⁶⁰.

Таким образом, возникновение права удержания на стороне одного из кредиторов несостоятельного должника приводит к установлению привилегированного статуса перед иными кредиторами при погашении требований. В данном случае возникает вопрос: возможно ли оспорить такой привилегированный статус кредитора на основании ст. 61.3, как сделку, влекущую предпочтительное удовлетворение?

---

¹⁶⁰ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17 сентября 2009 г. № 07АП-6438/2009 (2) по делу А03-1451/2009 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

На сегодняшний день судебная практика не содержит примеров признания сделок или действий, влекущих предпочтительное удовлетворение требований одного кредитора перед иными кредиторами, ввиду возникновения права удержания на стороне такого кредитора. Вероятнее всего, это связано с довольно редким использованием института удержания в гражданских правоотношениях, а значит и нечастым возникновением заявлений о включении в реестр требований кредиторов несостоятельного должника с требованиями, обеспеченными удержанием. Между тем с большой долей вероятности можно представить ситуацию, при которой механизм «передачи» имущества должника на удержание с целью получения права преимущественного удовлетворения своих требований могут использовать недобросовестные кредиторы. В таком случае оспариванию подлежит не сделка (поскольку при возникновении права на удержание сделки как таковой не возникает), а действие кредитора, направленное на обеспечение ранее возникшего перед ним обязательства должника. Закон о банкротстве напрямую допускает возможность оспаривания не только сделок должника, но и действий по исполнению обязательств. Полагаю, что использовать указанные правила главы III.1 Закона о банкротстве возможно и в отношении действий кредиторов по обеспечению обязательств должника перед ними.

Таким образом, несмотря на отсутствие единой точки зрения на сущность удержания в процедуре банкротства, полагаем обоснованным допустить возможность его обжалования в рамках дела о банкротстве как действия, влекущего преимущественное удовлетворение требований одного кредитора перед иными кредиторами.

Поручительство. По договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. Договор поручительства может быть заключен в обеспечение как денежных, так и неденежных обязательств, а также в обеспечение обязательства, которое возникнет в будущем (ст. 361 ГК РФ).

Между тем вопрос о том, исполняет поручитель основное обязательство или свое собственное, возникшее из договора поручительства, обязательство, остается

в теории права спорным. В частности, указанной проблематике уделяют внимание Б. М. Гонгало¹⁶¹, В. А. Белов¹⁶², О. С. Гринь¹⁶³. Однако указанная проблема касается предмета настоящего исследования только в той мере, в какой поручительство нарушает права кредиторов несостоятельного должника. В связи с этим следует рассматривать данный вопрос именно в разрезе причинения вреда должнику и его кредиторам. Исполнение поручителем своего обязательства перед кредитором не влечет имущественного уменьшения или возникновения иных негативных последствий на стороне должника. Именно поэтому заключение договора поручительства не может привести к преимущественному удовлетворению требований одного из кредиторов основного должника по обязательству, обеспеченному поручительством, в том смысле, в котором Закон о банкротстве определяет понятие сделки с предпочтением. Однако на практике встречаются и другие ситуации. Например, если «должником является банк, поручителем – кредитор банка, а обеспечиваются обязательства третьего лица перед банком»¹⁶⁴. В п. 6 информационного письма Президиума ВАС РФ от 14 апреля 2009 г. № 128 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» разъяснено, что заключение и исполнение банком-должником и клиентом банка договора поручительства, в соответствии с которым клиент исполнил в качестве поручителя обязательство иного лица перед банком путем перечисления денежных средств со своего счета в данном банке, влечет предпочтительное удовлетворение требований данного клиента.

Таким образом, несмотря на значительное количество способов обеспечения обязательств, действительно привести к преимущественному удовлетворению или изменению очередности удовлетворения могут только залог и удержание. Это обстоятельство также подтверждается отсутствием сколько-нибудь обширной

---

¹⁶¹ Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств: вопросы теории и практики. М., 2004. С. 88–89.

¹⁶² Белов В. А. Поручительство. Опыт теоретической конструкции и обобщения арбитражной практики. М., 1998. С. 21–30.

¹⁶³ Гринь О. С. Понятие и природа поручительства как способа обеспечения исполнения обязательств // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2. С. 389–390.

¹⁶⁴ Сысоева О.В. Обеспечение исполнения обязательств должника как признак предпочтительности в удовлетворении требований кредитора. С. 34.

практики по вопросу оспаривания иных обеспечительных конструкций (неустойки, независимой гарантии, поручительства и т.д.) по основанию ст. 61.3 Закона о банкротстве.

2) Сделка привела или может привести к изменению очередности удовлетворения требований кредитора по обязательствам, возникшим до совершения оспариваемой сделки.

В предмет доказывания по данному основанию входят следующие обстоятельства:

- состав очередей кредиторов;
- факт перемещения кредитора в результате совершения оспариваемой сделки из одной очереди в другую¹⁶⁵.

На практике наиболее часто встречаются два типа сделок по изменению очередности: сделки-действия по гашению (списанию) задолженности перед одним кредитором при наличии задолженности перед иными кредиторами той же или предшествующей очереди; сделки, направленные на зачет встречных требований при наличии непогашенных требований иных кредиторов.

Сделки первого типа обычно представляют собой безакцептное списание денежных средств с расчетного счета должника в счет погашения его задолженности перед одним из кредиторов, поэтому ответчиками по искам об оспаривании таких сделок чаще всего выступают банки, ФНС России и внебюджетные фонды (ПФ России, ФСС и т.д.).

Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа в одном из своих постановлений¹⁶⁶ пришел к выводу, что оспариваемые конкурсным управляющим сделки по безакцептному списанию ФНС России денежных средств в счет текущей задолженности должника привели к изменению очередности удовлетворения требований кредиторов.

---

¹⁶⁵ Постановление ФАС Поволжского округа от 30 апреля 2013 г. по делу № А57-8702/2010 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение ВАС РФ от 11 апреля 2013 г. № ВАС-3308/13 по делу № А03-9946/2011 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁶ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 25 июля 2012 г. по делу № А43-19517/2009 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Суд кассационной инстанции пришел к следующим выводам:

«Обязанность по уплате платежей, списанных поименованными инкассовыми поручениями, возникла у должника после 07.07.2009, следовательно, [...] данные платежи подлежат удовлетворению в четвертую очередь, в качестве требований по иным текущим платежам; на момент списания денежных средств в безакцептном порядке у должника имелась задолженность по текущим платежам, связанным с судебными расходами по делу о банкротстве, выплатой вознаграждения арбитражному управляющему и другим выплатам, относящимся к первой очереди [...]

Если к моменту рассмотрения заявления об оспаривании такой сделки имевшие приоритет кредиторы получают удовлетворение в соответствующем размере или будут представлены доказательства наличия в конкурсной массе необходимых для этого средств, эта сделка не может быть признана недействительной. При разумной, необходимой и достаточной осмотрительности Инспекция должна была знать о нарушении очередности погашения требований кредиторов по текущим платежам. Доказательства наличия в конкурсной массе средств, необходимых и достаточных для удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам, имевшим приоритет относительно требований Инспекции, в дело не представлены»¹⁶⁷.

Из текста постановления суда кассационной инстанции следует, что оспаривание сделки по удовлетворению текущего платежа, совершенного с нарушением очередности, имеет некоторые особенности.

В частности, можно выделить еще одно юридически значимое обстоятельство для признания такой сделки недействительной: отсутствие у должника денежных средств (либо иного имущества), достаточных для удовлетворения текущих платежей, имевших приоритет над погашенным требованием. В случае если возможность погашения таких требований будет доказана при рассмотрении иска об оспаривании сделки, то суд отказывает в признании ее недействительной.

---

¹⁶⁷ Там же.

Введение данного правила представляется вполне обоснованным, поскольку на практике, при наличии большого объема разнородных текущих обязательств (коммунальные, эксплуатационные платежи, налоги и сборы, заработная плата), крайне сложно соблюдать четкую очередность удовлетворения требований, особенно в календарной очередности в рамках одной очереди текущих платежей. Такое правило позволяет уйти от строго формального подхода в определении преимущественного удовлетворения и учитывать возможность причинения ущерба пострадавшему кредитору самим фактом нарушения очередности.

При этом такое правило не применяется к сделкам по преимущественному удовлетворению реестрового требования, поскольку «факт наличия иных реестровых кредиторов подтвержден судебными актами о включении таких требований в реестр требований кредиторов. Размер сформированной конкурсной массы в данном случае также не имеет правового значения, так как факт несостоятельности (банкротства) должника, т.е. наличие признаков неплатежеспособности и недостаточности имущества подтвержден решением суда о признании должника банкротом, вступившим в законную силу»¹⁶⁸.

Сделки второго типа чаще всего совершаются должником с его основными контрагентами либо аффилированными лицами (директором, учредителями и т.д.) и направлены на погашение однородных требований без осуществления движения денежных средств. ФАС Восточно-Сибирского округа, рассмотрев кассационную жалобу кредитора по одному из дел¹⁶⁹, пришел к выводу о наличии совокупности условий, предусмотренных п. 1 и 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, для признания спорных сделок недействительными как сделок, совершенных с предпочтением. Вывод суда кассационной инстанции сделан на основании следующего:

«В счет погашения задолженности по арендной плате ОАО «Стройград» перед Терентьевым О.Ю. зачтена задолженность Терентьева О.Ю. перед ОАО «Стройград» за реализованные автомобили по договорам купли-продажи транс-

---

¹⁶⁸ Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 20 ноября 2014 г. по делу № А19-4085/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁹ Постановление АС ВСО от 14 июня 2016 г. № Ф02-2794/2016 по делу № А10-2814/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

портных средств. Суды двух инстанций установили, что оспариваемая сделка заключена в течение шести месяцев до принятия заявления о признании должника банкротом. На момент их совершения у должника имелись иные неисполненные обязательства перед другими кредиторами, в том числе [...] В отсутствие спорных сделок требование Терентьева О.Ю. подлежало бы включению в третью очередь реестра требований кредиторов должника и пропорциональному удовлетворению по правилам, предусмотренным статьей 134 Закона о банкротстве, наряду с требованиями других кредиторов»¹⁷⁰.

3) Сделка привела или может привести к удовлетворению требований, срок исполнения которых к моменту совершения сделки не наступил, одних кредиторов при наличии не исполненных в установленный срок обязательств перед другими кредиторами.

В предмет доказывания по данному основанию входят следующие обстоятельства:

- факт существования у должника на момент совершения оспариваемой сделки кредиторов, срок исполнения обязательств перед которыми не наступил;
- факт совершения оспариваемой сделки между должником и одним из таких кредиторов при условии, что перед остальными кредиторами обязательства не были исполнены в срок¹⁷¹.

4) Сделка привела к тому, что отдельному кредитору оказано или может быть оказано большее предпочтение в отношении удовлетворения требований, существовавших до совершения оспариваемой сделки, чем было бы оказано в случае расчетов с кредиторами в порядке очередности, в соответствии с законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве).

В предмет доказывания по данному основанию входят следующие обстоятельства:

---

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Постановление ФАС Уральского округа от 21 августа 2012 г. по делу № Ф09-414/11 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– факт существования у должника на момент совершения оспариваемой сделки кредиторов, срок исполнения по обязательствам которых наступил, а именно, требования предъявлены;

– факт исполнения должником в результате совершения сделки обязательств одного кредитора и неисполнение обязательств иных кредиторов.

Четвертый арбитражный апелляционный суд оставил в силе решение суда первой инстанции и признал обоснованным требование конкурсного управляющего об оспаривании сделок должника по списанию денежных средств со стороны ПФ России¹⁷². При этом суд пришел к следующим выводам:

«Поскольку оспариваемые сделки совершены в течение месяца до возбуждения судом дела о банкротстве должника и направлены на удовлетворение реестровой задолженности, то **в предмет доказывания по рассматриваемому требованию [...] входит только объективная сторона, то есть факт оказания в результате сделки предпочтения в удовлетворении требований одного кредитора перед требованиями иных кредиторов должника».**

В рамках дела о банкротстве должника установлены требования кредиторов по денежным обязательствам должника, не исполненные к моменту совершения оспариваемых списаний денежных средств. Учитывая такие обстоятельства, суд апелляционной инстанции соглашается с выводом суда первой инстанции о наличии факта преимущественного перед иными кредиторами получения управления ПФ России в г. Братске и Братском районе удовлетворения своих требований к должнику. В данном случае суд пришел к правомерному выводу о признании спорных сделок недействительными.

Таким образом, становится ясно, что **принудительное списание задолженности по обязательным платежам во внебюджетные фонды не может быть отнесено к обычной хозяйственной деятельности должника** (аналогичная пра-

---

¹⁷² Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 20 ноября 2014г. по делу А19-4085/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

вовая позиция изложена в определении ВАС РФ от 09 июня 2014 г. № ВАС - 7398/14)»¹⁷³.

В тексте приведенного постановления суда апелляционной инстанции обращено внимание на еще одно юридически значимое обстоятельство для признания сделки с предпочтением недействительной: отсутствие у сделки признака обычной хозяйственной деятельности.

Чтобы соответствовать признаку обычной хозяйственности, сделка не должна существенно отличаться по своим основным условиям от аналогичных сделок, неоднократно совершавшихся до этого должником в течение продолжительного периода, при этом цена такой сделки не должна превышать 1 процент от стоимости активов должника на последний отчетный период (п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве). Необходимость введения в закон о банкротстве понятия сделки, совершаемой в обычной хозяйственной деятельности, не вызывает сомнений. Это еще одно средство, позволяющее пресечь формальный подход к вопросу оспаривания сделок и предотвратить вал судебных исков о признании недействительными сделок по преимущественной оплате аренды, электроэнергии, телефонной связи, Интернета и т.д., то есть тех стандартных для конкретного должника платежей, оплата которых не сможет повлечь причинение значительного ущерба имущественным правам кредиторов.

Таким образом, сделки стоимостью менее 1 процента от стоимости активов должника фактически исключаются законодателем из правового регулирования гл. III.1 Закона о банкротстве.

Обстоятельства, перечисленные в абзацах втором – пятом ст. 61.3 Закона о банкротстве, являются самостоятельными основаниями для признания сделки недействительной. Несмотря на такую де-юре самостоятельность, все данные обстоятельства очень схожи и фактически являются подвидами общего основания, закрепленного в п. 1 ст. 61.3, а именно, сделки, которые влекут или могут повлечь за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований. В связи с данными обстоятельства-

---

¹⁷³ Там же.

ми суды в своих постановлениях чаще всего перечисляют все основания, указанные в п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве, и делают вывод о недействительности сделки. При этом остается неясно, какое из четырех оснований, предусмотренных п. 1 ст. 61.3, положено в основу постановления суда о признании сделки недействительной, что процессуально неверно.

На данное обстоятельство указывает С.И. Ковалев, говоря о том, что «вынесение судебного акта без соответствующей ссылки на конкретный абзац нормы закона не отвечает принципу определенности и означает нарушение судами целой группы процессуальных норм права, в частности статей 65 и 170 АПК РФ»¹⁷⁴. Такое обстоятельство может оказаться существенным для подготовки апелляционной или кассационной жалобы на постановления судов нижестоящих инстанций, поскольку создает существенные затруднения в вопросе формирования предмета доказывания по делу.

Подводя итог основаниям для оспаривания сделок в соответствии с п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве, необходимо отметить, что в предмет доказывания по такому требованию входит только объективная сторона, т. е. факт оказания в результате совершения сделки предпочтения в удовлетворении требования одного кредитора перед требованиями иных кредиторов должника, что может выражаться в одном из рассмотренных выше условий (абзацы два – пять ст. 61.3 Закона о банкротстве).

Пункт 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве является самостоятельным основанием для признания сделки недействительной и имеет свой предмет доказывания. В соответствии с п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве сделка, указанная в п. 1 настоящей статьи и совершенная должником в течение шести месяцев до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом, может быть признана арбитражным судом недействительной, если в наличии имеются условия, предусмотренные абзацами вторым и третьим пункта 1 настоящей статьи, или если установлено, что кредитору или иному лицу, в отношении которого совершена такая сделка, было известно о признаке неплатежеспособности или недостаточно-

---

¹⁷⁴ Ковалев С.И. Указ. соч. С. 65.

сти имущества либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества.

Необходимо отметить, что законодатель в очередной раз использовал неудачную формулировку при определении предмета доказывания. Из текста нормы крайне сложно выделить совокупность обстоятельств, влекущих недействительность сделки по основанию п. 3 ст. 61.3, а также отличие п. 1 от п. 3 названной статьи.

Возникшую проблему было решено преодолеть путем издания Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63. Указанное постановление с одной стороны, четко разграничило две группы оснований в п. 3 и определило предмет доказывания по каждой из них, с другой, – вошло в некое противоречие с Законом о банкротстве. Так, согласно п. 12 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 если сделка с предпочтением была совершена не ранее чем за шесть месяцев и не позднее чем за один месяц до принятия судом заявления о признании должника банкротом, то в силу п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве она может быть признана недействительной, только если:

а) в наличии имеются условия, предусмотренные **абзацами вторым или третьим п. 1 ст. 61.3** Закона о банкротстве;

б) имеются иные условия, соответствующие требованиям п. 1 ст. 61.3, и при этом оспаривающим сделку лицом доказано, что на момент совершения сделки кредитор или иному лицу, в отношении которого совершена такая сделка, было или должно было быть известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества либо об обстоятельствах, которые позволяют сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества.

Таким образом, постановление пленума выделяет две группы оснований недействительности.

1) Если в наличии имеются условия, предусмотренные абзацами вторым или третьим п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

При этом Закон о банкротстве использует иную формулировку того же основания, а именно: если в наличии имеются условия, предусмотренные абзацами вторым и третьим п. 1 настоящей статьи.

В данном случае возникает вопрос: для признания сделки недействительной достаточно одного из двух обстоятельств (абзацы второй или третий) или необходимо наличие совокупности обстоятельств, предусмотренных абзацами вторым или третьим? Полагаю, что в данном случае необходимо руководствоваться второй точкой зрения, изложенной непосредственно в Законе о банкротстве, и учитывать именно совокупность обстоятельств. Иной подход приводит к смешению оснований, предусмотренных п. 3 ст. 61.3 и п. 1 ст. 61.3 и потере смысла в установлении иного срока оспоримости (6 месяцев до принятия заявления о банкротстве).

В связи с данными обстоятельствами полагаем необходимым привести абзац 2 п. 12 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 в соответствии с Законом о банкротстве в части изменения союза «или» на союз «и».

2) Если имеется одно из условий п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве и доказана осведомленность лица, в отношении которого совершается сделка, о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества.

В этом случае впервые появляется субъективный критерий: осведомленность о неплатежеспособности или недостаточности имущества. Признаки неплатежеспособности и недостаточности имущества прямо закреплены в абз. 33 и 34 ст. 2 Закона о банкротстве.

Под недостаточностью имущества применительно к Закону о банкротстве понимается превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью имущества (активов) должника (ст. 2 Закона о банкротстве). Под неплатежеспособностью, в свою очередь, понимается прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств (ст. 2 Закона о банкротстве). При этом недостаточность денежных средств предполагается, если не доказано иное. На практике суды зачастую

испытывают серьезные затруднения при оценке обстоятельств, свидетельствующих об осведомленности контрагента должника о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества, или обстоятельств, опровергающих такую осведомленность.

В связи с этим особый интерес вызывает статья А.А. Аюровой о критериях осведомленности при оспаривании сделок с предпочтением по законодательству о банкротстве¹⁷⁵. В ней автор ставит перед собой задачу исследовать те условия, при наличии которых арбитражные суды устанавливают добросовестность контрагента должника при совершении с ним сделок в преддверии банкротства последнего.

В первую очередь автор полагает необходимым выяснить круг лиц, в отношении которых применимы данные критерии, что является вполне обоснованным. Гражданским законодательством допускаются случаи, когда исполнение по сделке получает не контрагент должника как сторона сделки, а указанное или не указанное им в договоре третье лицо, имеющее право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу (лицо, в пользу которого заключен договор) (ст. 430 ГК РФ). Отличие статуса указанного третьего лица от статуса лица, которому производится исполнение по договору (см., к примеру, п. 1 ст. 509 ГК РФ), в том, что лицо, в пользу которого заключен соответствующий договор, с момента выражения своего согласия (намерения) воспользоваться своим правом по договору приобретает право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу. А «поскольку третье лицо наделяется таким правомочием, то его добросовестность приобретает важное значение для решения вопроса о действительности договора; следовательно, рассматриваемый нами критерий применим и по отношению к третьим лицам, в чью пользу заключен договор»¹⁷⁶.

Еще одним важным вопросом является распределение бремени доказывания указанной осведомленности (либо ее отсутствия). Как известно, общее правило доказывания установлено в ч. 1 ст. 65 АПК РФ, в соответствии с которой каждое

---

¹⁷⁵ Аюрова А. А. Критерий осведомленности при оспаривании сделок с предпочтением по законодательству о банкротстве // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 130.

¹⁷⁶ Там же.

лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений.

Аналогичное правило действует и в отношении исследуемой нами категории дел. Статье 65 АПК РФ (применительно к законодательству о банкротстве) корреспондирует абзац 5 п. 10 постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63, в соответствии с которым бремя доказывания того, что сделка влечет или может повлечь оказание предпочтения, лежит на оспаривающем ее лице.

Однако для заинтересованных лиц законодатель установил исключение, а именно: предполагается, что заинтересованное лицо знало о наличии признаков неплатежеспособности, если не доказано обратное (абз. 2 п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве). Таким образом, бремя доказывания неосведомленности (добросовестности) в данном случае перекладывается на такое заинтересованное лицо.

На следующем этапе наиболее целесообразным представляется рассмотреть круг фактов, которые позволяют суду установить наличие или отсутствие осведомленности контрагента должника о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества. Примерный перечень таких факторов был установлен в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63.

Так, к числу обстоятельств, позволяющих выявить такое знание кредитора относят: 1) неоднократное обращение должника к кредитору с просьбой об отсрочке долга по причине невозможности уплаты его в изначально установленный срок; 2) известное кредитору (кредитной организации) длительное наличие карточки по банковскому счету должника (в том числе скрытой); 3) осведомленность кредитора о том, что должник подал заявление о признании себя банкротом.

Указанные случаи представляют собой наиболее явные свидетельства недобросовестности кредитора, которые чаще других встречаются в правоприменительной практике, однако это не исключает возможность доказывания такой недобросовестности иными фактами.

§ 2. Основания оспаривания сделок, направленных на искусственное создание кредиторской задолженности

Как принято считать, наиболее общественно-опасным деянием в рамках процедуры банкротства является вывод активов должника. Действительно, вывод активов должника напрямую ведет к возникновению ущерба на стороне конкурсных кредиторов и выражается в уменьшении размера полученного ими возмещения своей задолженности. Ведь именно размер и состав активов должника напрямую влияет на размер удовлетворения требований кредиторов должника.

Однако не стоит забывать, что существует и вторая группа противоправных сделок должника, значительно ущемляющих права кредиторов на получение причитающегося им возмещения – сделки по созданию искусственной кредиторской задолженности. Такие сделки могут влиять на размер погашения требований кредиторов как напрямую, так и косвенно, путем создания неблагоприятных условий для максимального удовлетворения требований кредиторов. Именно ввиду косвенного влияния таких сделок на погашение реестра требований кредиторов, их выявление и оспаривание является достаточно проблематичным. Указанная задача становится еще более сложной ввиду отсутствия в Законе о банкротстве специальных оснований для их оспаривания. Для того чтобы разобраться, каким образом возможно оспорить сделки должника по созданию искусственной кредиторской задолженности, необходимо, в первую очередь, разобрать основные виды и, соответственно, цели формирования такой задолженности.

Основные цели формирования искусственной задолженности у должника (юридического лица) в преддверии признания его банкротом заключаются в следующем:

1) Инициирование процедуры банкротства через аффилированное лицо.

Цель создания «дружественного» кредитора для введения процедуры банкротства стала наиболее актуальной после принятия Федерального закона от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несо-

стоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

Указанный Закон добавил в ст. 37 Закона о банкротстве положение (п. 5), согласно которому при подаче заявления о своем банкротстве должник лишается права самостоятельно выбрать саморегулируемую организацию и кандидатуру конкретного арбитражного управляющего. В новой редакции Закона такая саморегулируемая организация определяется путем случайного выбора в порядке, установленном регулирующим органом, т. е. без непосредственного участия должника.

При этом кредитор (работник, бывший работник) при подаче заявления о банкротстве должника такого права не лишен. В соответствии с абзацем 10 п. 2 ст. 39 Закона о банкротстве в заявлении кредитора должна быть указана кандидатура временного управляющего или наименование и адрес саморегулируемой организации, из числа членов которой должен быть утвержден временный управляющий. При таких обстоятельствах вполне очевидным способом назначения нужного арбитражного управляющего стало инициирование процедуры банкротства по заявлению «дружественного» кредитора.

Основными особенностями такого рода задолженности перед «дружественным кредитором» является ее небольшой размер (порядка 300 тыс. рублей) и получение решения о ее взыскании в суде общей юрисдикции (зачастую путем уступки права требования на физическое лицо). Указанные особенности обусловлены в первую очередь целями создания такой задолженности (для введения первой процедуры), ввиду чего необходима неоплаченная в течение более 3 месяцев задолженность (п. 2 ст. 3 Закона о банкротстве) в размере не менее 300 тыс. рублей (п. 2 ст. 6 Закона о банкротстве).

Необходимость вступившего в законную силу судебного акта о взыскании задолженности с должника при подаче заявления о его банкротстве прямо установлена п. 3 ст. 40 Закона о банкротстве, в соответствии с которым к заявлению кредитора должны быть приложены вступившие в законную силу решения суда, арбитражного суда, третейского суда, рассматривавших требование конкурсного

кредитора, работника или бывшего работника должника к должнику в случаях, предусмотренных настоящим Законом о банкротстве.

Особенность получения таких решений в судах общей юрисдикции зачастую обусловлена массивной структурой судов общей юрисдикции (порядка 35 районных судов только в Иркутской области) и отсутствием единой и удобной информационной системы по отслеживанию гражданских дел (аналогичной картотеке арбитражных дел, используемой арбитражными судами). Существующая система отслеживания дел в судах общей юрисдикции (ГАС РФ «Правосудие») охватывает лишь дела, по которым вынесено решение по существу, без подробного учета иных дел, еще находящихся на рассмотрении, что существенно ограничивает права третьих лиц (иных кредиторов) на получение информации о наличии спора в отношении должника.

Негативно высказывается в отношении существующего порядка инициирования процедуры банкротства В.Ф. Попондопуло, говоря об установленной необходимости получения решения суда для обращения с заявлением о банкротстве, как о «вредной» процедуре, лишаящей смысла такой внешний признак банкротства, как трехмесячная просрочка платежа. В.Ф. Попондопуло считает, что такой признак играет против добросовестных кредиторов, «пока один кредитор приобретает право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом (обращается с иском в суд), другие кредиторы могут получить удовлетворение своих требований «по-дружески», или должник успеет иным образом распорядиться своими активами, и ко дню возбуждения дела о банкротстве имущества у должника попросту не останется»¹⁷⁷, либо процедура банкротства к этому времени может быть инициирована по заявлению иного «дружественного кредитора».

Необходимо также отметить, что в соответствии с п. 11 Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утвержденных Постановлением правительства РФ от 27

---

¹⁷⁷ Попондопуло В. Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1. С. –48.

декабря 2004 г. № 855¹⁷⁸, определение признаков фиктивного банкротства производится в случае возбуждения производства по делу о банкротстве по заявлению должника. В связи с этим возбуждение дела о банкротстве по заявлению «дружественного» кредитора имеет дополнительное преимущество: временный управляющий не производит анализ деятельности должника на предмет фиктивного банкротства, иными словами, презюмируется отсутствие признаков фиктивного банкротства в случае введения процедуры на основании заявления кредитора.

2) Получение максимального контроля над процедурой банкротства.

Получение контроля над процедурой банкротства путем формирования контрольного пакета голосов на собрании кредиторов также имеет существенное значение. Наличие контрольного пакета позволяет принимать необходимые для контролируемых лиц решения и блокировать предложения иных кредиторов, то есть в значительной мере определять ход процедуры банкротства.

К исключительной компетенции собрания кредиторов должника, имеющей наиболее важное значение, относятся нижеизложенные вопросы: выбор следующей процедуры банкротства, определение саморегулируемой организации и кандидатуры арбитражного управляющего в следующей процедуре банкротства, определение порядка реализации имущества должника (формирование лотов, выбор электронной площадки, организатора торгов и т.д.), установление начальной продажной цены имущества, определение периодичности проведения собрания кредиторов и т.д.

Вполне очевидно, что возможность принятия указанных решений в необходимом ракурсе дает значительные преимущества при проведении процедуры банкротства. Основными особенностями такого рода кредиторской задолженности является ее существенный размер (более 50 процентов от общего размера требований кредиторов), а также полностью единая позиция по всем вопросам банкротства должника (в случае если контрольный пакет состоит из требований нескольких формально независимых кредиторов).

---

¹⁷⁸ Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства : постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52,(ч. 2), Ст. 5519.

3) Уменьшение процента погашения требований реальных кредиторов путем «размытия» их требований в реестре требований кредиторов должника.

Самая очевидная причина формирования искусственной кредиторской задолженности – это перераспределение части денежных средств, направленных на погашение реестра требований кредиторов несостоятельного должника, на «дружественного» кредитора, также имеющего право на пропорциональное удовлетворение его требований. В таком случае эффективность указанного способа получения выгоды для недобросовестных участников оборота напрямую зависит от размера требований «дружественного кредитора», а точнее его процентного соотношения с общим размером требований кредиторов.

4) Вывод активов должника путем формирования и погашения требований текущего кредитора либо кредитора первой – второй очереди реестра требований кредиторов.

Целью формирования такой задолженности служит прямой вывод денежных средств, поступивших в конкурсную массу должника, на подконтрольных лиц. Повышенная общественная опасность указанных противоправных действий заключается в том, что в таком случае иные кредиторы должника рискуют не получить даже частичного удовлетворения своих требований, ввиду приоритета искусственного долга.

Попробуем разобраться в особенностях формирования такой приоритетной задолженности. В соответствии с абз. 1, 2 п. 1 ст. 5 Закона о банкротстве в целях настоящего Федерального закона под текущими платежами понимаются денежные обязательства и обязательные платежи, возникшие после даты принятия заявления о признании должника банкротом, если иное не установлено настоящим Федеральным законом. Возникшие после возбуждения производства по делу о банкротстве требования кредиторов об оплате поставленных товаров, оказанных услуг и выполненных работ являются текущими.

Согласно подп. 2, 3 ст. 5 Закона о банкротстве требования кредиторов по текущим платежам не подлежат включению в реестр требований кредиторов. Кре-

диторы по текущим платежам при проведении соответствующих процедур, применяемых в деле о банкротстве, не признаются лицами, участвующими в деле о банкротстве. Удовлетворение требований кредиторов по текущим платежам в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, производится в порядке, установленном настоящим Федеральным законом.

На основании абз. 1 п. 1 ст. 139 Закона о банкротстве вне очереди за счет конкурсной массы погашаются требования кредиторов по текущим платежам преимущественно перед кредиторами, требования которых возникли до принятия заявления о признании должника банкротом.

Таким образом, исходя из системного толкования Закона о банкротстве, можно прийти к выводу о том, что преимущественным правом на удовлетворение пользуются те требования, обязанность погашения которых наступила после принятия заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), при этом дата заключения самого договора значения не имеет.

В связи с этим значительный интерес представляет собой апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 6 августа 2013 г. по делу № 33-9117/2013¹⁷⁹. В рамках указанного дела «ПАС» обратился в суд с иском к ООО «...» о взыскании задолженности по договору подряда, в обоснование которого указал, что между ним и ООО «...» был заключен договор строительного подряда. По договору истец обязался произвести отделочные работы в здании, а ответчик должен был принять выполненные работы и уплатить денежные средства. «ПАС» надлежащим образом выполнил работы по договору, которые ООО «...» приняло, но оплатить отказалось. Между тем, в отношении ООО «...» подано заявление о признании его несостоятельным (банкротом), введена процедура наблюдения. Определением суда первой инстанции производство по делу было прекращено по мотиву неподведомственности спора. По мнению судей первой инстанции, иск должен быть рассмотрен в рамках дела о банкротстве ООО «...».

---

¹⁷⁹ Определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 6 августа 2013 г. по делу № 33-9117/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Не согласившись с определением, «ПАС» подал частную жалобу, в которой указал, что законодательство о банкротстве относит обязательства, срок оплаты по которым наступил после введения процедуры банкротства, к текущим платежам, которые не подлежат рассмотрению в рамках дела о банкротстве, соответственно, суд необоснованно прекратил производство по делу. По итогам рассмотрения частной жалобы суд апелляционной инстанции пришел к выводу о необходимости отмены определения суда первой инстанции с направлением дела в суд первой инстанции для рассмотрения по существу ввиду следующего:

«Текущими являются любые требования об оплате товаров, работ, услуг, поставленных, выполненных и оказанных после возбуждения дела о банкротстве, в том числе во исполнение договоров, заключенных до даты принятия заявления о признании должника банкротом. Из материалов дела следует, что договор строительного подряда был заключен сторонами до возбуждения в отношении ответчика дела о банкротстве, однако пунктом 5.2.1 данного договора установлено, что оплата производится заказчиком после подписания акта выполненных работ в срок не позднее (/ /). Акт о выполненных работах стороны подписали (/ /). Исходя из положений ст. ст. 740, 746 Гражданского кодекса Российской Федерации, в этом случае обязательства ответчика по оплате выполненных работ возникли после принятия заявления к производству арбитражного суда. Таким образом, вывод суда о том, что требование истца не является требованием о взыскании текущих платежей, поскольку денежные обязательства ответчика перед истцом возникли в момент заключения договора, является ошибочным, что привело к неправильному применению норм процессуального права»¹⁸⁰.

Аналогичной позиции придерживаются и суды других округов (Постановление ФАС Поволжского округа от 31 августа 2010 г. по делу № А55-11960/2009, Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2012 г. по делу 18АП-7642/12, постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 января 2010 г. по делу № 11АП-9642/2009)

---

¹⁸⁰ Там же.

На первый взгляд, указанная позиция судов является вполне обоснованной и соответствует нормам Закона о банкротстве. Однако если представить ситуацию, когда стороны (должник и кредитор), понимая все преимущества текущей задолженности, пытаются перевести реестровый долг в режим текущих платежей (выводя тем самым денежные средства на подрядчика), то ситуация уже не выглядит так однозначно. То есть если стороны в договоре подряда предусмотрели, что обязанность по оплате выполненных работ возникает после подписания актов приемки выполненных работ по форме КС-2, КС-3, то любое переподписание указанных актов более «свежей» датой формально приводит к преобразованию реестровой задолженности в текущую.

При таком подходе порядок погашения требований кредиторов определяется не самой датой выполнения работ, а датой подписания документов о приемке этих работ, т. е. фактически режим долга (реестровый или текущий) может быть самостоятельно изменен сторонами договора в ходе процедуры банкротства путем изменения даты приёмки работ.

К выводу о необходимости совершенствования правил об очередности удовлетворения требований кредиторов приходят и такие ученые, как В.А. Химичев, В.Ф. Попондопуло, М. Хоуман.

Понятие и правовой режим текущих (внеочередных) обязательств нуждаются в уточнении. На эту необходимость обращает внимание В. А. Химичев: «формулировка ст. 5 Закона о банкротстве позволяет относить к числу текущих обязательств любые обязательства, формально отвечающие признакам текущих, вне зависимости от их связи с обеспечением функционирования должника, сохранностью его имущества и проведением процедур, применяемых в деле о банкротстве»¹⁸¹. Существующая позиция законодателя отрицательно сказывается на конкурсных отношениях, поскольку придает им дополнительную неопределенность. В такой ситуации кредиторам банкрота становится сложно оценить вероятность

---

¹⁸¹ Химичев В. А. Перспективные направления совершенствования правового регулирования в сфере несостоятельности (банкротства) // Вестник ВАС РФ. 2005. № 6. С. 152.

погашения своих требований, поскольку сумма текущих обязательств постоянно изменяется.

В.Ф. Попондопуло отмечает, что «требования, признаваемые текущими (абз. 5 п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве), обладая преимуществом перед требованиями конкурсных кредиторов, не всегда связаны с обеспечением функционирования должника и нередко весьма сомнительны. Признание таких требований в качестве внеочередных ведет к искажению цели конкурсного процесса, нарушению принципа справедливого распределения конкурсной массы»¹⁸². М. Хоуман, в свою очередь, напоминает о «соблюдении некоего баланса и необходимости учета интересов текущих кредиторов. Для обеспечения надежного функционирования должника в период процедур банкротства необходимо заинтересовать его текущих кредиторов, дать им надежные гарантии оплаты, т.е. внеочередного удовлетворения их требований»¹⁸³.

Полагаю, что для предотвращения указанных злоупотреблений со стороны должника и недобросовестных кредиторов судам необходимо при определении режима погашения требований кредиторов учитывать не только дату возникновения обязанности по оплате, но и момент фактического выполнения работ. Так, если обстоятельства дела напрямую свидетельствуют о значительном временном разрыве между фактическим окончанием работ и подписанием актов сдачи работ либо срок оплаты по договору значительно отличается от «обычных сроков», предусмотренных в иных договорах должника, то в таком случае необходимо квалифицировать такое требование как реестровое, вне зависимости от даты подписания актов КС-2, КС-3. Полагаю, что наиболее правильным будет рассмотреть указанный вопрос в рамках постановления Пленума ВС РФ.

Таким образом, несмотря на то, что сделки по созданию искусственной кредиторской задолженности напрямую не направлены на уменьшение конкурсной массы, они существенным образом могут влиять на размер погашения требований кредиторов. По этой причине важным является вопрос о возможности

---

¹⁸² Попондопуло В. Ф. Указ. соч. С. –48.

¹⁸³ Хоуман М. Роль режима несостоятельности в рыночной экономике // Вестник ВАС РФ: Специальное приложение к № 3. М., 2001. С. 35.

признания таких сделок недействительными и, соответственно, наличия в Законе о банкротстве соответствующих оснований для их оспаривания. При подробном анализе главы III.1 Закона о банкротстве, можно прийти к выводу о том, что она не содержит специальных норм о признании недействительными такого рода сделок. Однако правоприменительная практика довольно часто сталкивается с подобным способом влияния на процедуру банкротства со стороны недобросовестных участников дела о несостоятельности.

Обычно основаниями для признания таких сделок недействительными служат основания, предусмотренные ГК РФ, а именно: мнимость и притворность сделки (ст. 170 ГК РФ), которые часто используется в совокупности со злоупотреблением правом (ст. 10 ГК РФ)¹⁸⁴. По общему правилу разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются, поскольку только в таком случае закон осуществляет защиту гражданских прав¹⁸⁵. В этой связи важным для квалификации правоотношений становятся категории «добросовестности» и «разумности». Все, что выходит за рамки таких разумных и добросовестных действий может быть квалифицировано в качестве злоупотребления правом. Аналогичной позиции придерживается Ю.В. Свит, полагая, что «в ст. 10 ГК РФ речь идет не об основах регулирования, а об оценке действий, установлении границ охраняемого правом поведения»¹⁸⁶.

По мнению С.А. Ивановой, «добросовестность и разумность - это составляющие (границы) принципа социальной справедливости, которыми последний, однако, не исчерпывается. Нормы объективного права описывают поведение эталонных (средних) людей, способных осознавать определенный объем причинно-следственных связей окружающего мира, в том числе и границы чужих интересов. Отсюда можно вывести правило: каждый вменяемый человек, совершая любое действие, не должен нарушать справедливую границу интересов

---

¹⁸⁴ Байбак В. В. Сделки, представительство, исковая давность // постатейный комментарий к статьям 153 - 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0] 1264 с.

¹⁸⁵ Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 45-49.

¹⁸⁶ Свит Ю.П. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном российском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 3-10.

других лиц и всего общества»¹⁸⁷. Однако отсутствие четких принципов доказывания такой неразумности и недобросовестности, а значит и злоупотребления правом, при возникновении задолженности приводит к сложностям в рассмотрении такого рода дел. К тому же суды далеко не во всех случаях берут на себя ответственность в признании недействительными сделок по указанным основаниям даже при наличии, казалось бы, достаточных на то оснований.

Тем не менее, в некоторых случаях суды эффективно используют нормы ст.168, 170 ГК РФ в совокупности со ст. 10 ГК РФ и признают недействительными порочные сделки должника по созданию кредиторской задолженности. Так, в рамках дела №А19-8500/2013 о банкротстве ИП Чиркова П. П. один из кредиторов должника обратился в Арбитражный суд с заявлением о включении его требований в третью очередь реестра требований кредиторов. В обоснование своего требования кредитор сослался на задолженность должника по договору процентного займа, в соответствии с которым компанией-займодавцем на счет должника было перечислено порядка ста десяти миллионов рублей. Право требование перешло к кредитору на основании договора цессии, подписанного с компанией (займодавцем). По результатам рассмотрения указанного требования Арбитражный суд Иркутской области пришел к следующим выводам:

«Движение денежных средств по договору займа носило транзитный характер [...]. Денежные средства, выданные Чиркову П. П. ООО «ТехноТорг», после их прохождения «по транзитной цепочке» возвращены займодавцу. Кроме этого, согласно представленным ФНС России сведениям, Кредитор не представил налоговую отчетность за 2013г. Непредставление налоговой отчетности ставит под сомнение реальность операции по покупке прав требования. [...] суд приходит к выводу о том, что договор на поставку дорогостоящего медицинского оборудования подписан с целью создания основания для проведения платежей (заемных средств) между должником, не

---

¹⁸⁷ Иванова С.А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательственном праве // Законодательство и экономика. 2005. № 4. С. 8.

занимающимся оказанием услуг в области здравоохранения, и ООО «ТК «Горизонт», основным видом деятельности которого являлась оптовая торговля пищевыми продуктами, [...], не осуществлявшим полномочий официального дилера или дистрибьютора производителя медицинского оборудования. Суд считает, что сделки, [...] на которых основано требование кредитора, являются ничтожными, поскольку при их заключении допущено злоупотребление правом, выразившееся в недобросовестном поведении должника и кредитора, преследовавших цель искусственного создания кредиторской задолженности для последующего получения денежных средств из конкурсной массы в ущерб интересам добросовестных кредиторов, оказания существенного влияния на решения, принимаемые собранием кредиторов, и на ход процедур банкротства»¹⁸⁸. Принимая во внимание совокупность изложенных обстоятельств, Арбитражный суд вынес определение об отказе во включении в реестр требований кредиторов должника.

Указанное определение Арбитражного суда Иркутской области, оставленное в силе Постановлением суда апелляционной и кассационной инстанций, наглядно демонстрирует возможность признания недействительной сделки по возникновению кредиторской задолженности должника. Тем не менее, не в каждом случае оспаривающее сделку лицо может рассчитывать на наличие очевидных признаков, свидетельствующих об искусственном характере сделки. Более того, действующее законодательство о банкротстве не содержит четких ориентиров применительно к вопросу злоупотребления правом при возникновении задолженности на стороне должника. То есть в каждом конкретном случае арбитражный суд с учетом конкретных обстоятельств дела должен определить, какая совокупность обстоятельств является достаточной для признания тех или иных действий злоупотреблением правом.

Представляется, что такое положение дел является не вполне оправданным и не позволяющим полностью решать проблему создания искусственной

---

¹⁸⁸ Определение Арбитражного суда Иркутской области от 13 августа 2015 г. по делу № А19-8500/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

задолженности. Поэтому крайне важным является обобщение наиболее очевидных обстоятельств, которые могут свидетельствовать о злоупотреблении правом (и как следствие фиктивности сделки) применительно к возникновению задолженности несостоятельного должника. Полагаю, что такое обобщение должно найти свое отражение в разъяснениях Верховного суда Российской Федерации. Анализ судебной практики на заданную тему позволяет выявить и обобщить основные «маркеры» возникновения искусственной кредиторской задолженности. В этой связи предлагается выделить следующие обстоятельства, свидетельствующие о злоупотреблении правами (фиктивности сделки) при возникновении задолженности несостоятельного должника (искусственной кредиторской задолженности):

Транзитное перечисление денежных средств (заем, предоплата по договору и т.д.).

Такой признак злоупотребления правом может быть характерен для сделок по перечислению денежных средств в адрес должника и возникновению в связи с этим обязанности должника по их возврату. В таком случае необходимо проанализировать движение денежных средств по счетам должника и его контрагентов. В случае если такое перечисление имеет «круговой характер» (начинается с займодавца и через ряд компаний возвращается ему же в аналогичном размере), то такое обстоятельство может свидетельствовать о злоупотреблении правом¹⁸⁹. Отличительной чертой транзитного перечисления денежных средств также является сравнительно небольшой временной

---

¹⁸⁹ Определение ВС РФ от 11 июля 2017 г. № 305-ЭС17-2110 по делу № А40-201077/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Поволжского округа от 04 июня 2018 г. № Ф06-24408/2017 по делу № А49-3941/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение АС Челябинской области от 15 марта 2018 г. № А76-11498/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Северо-Западного округа от 22 августа 2018 г. № Ф07-10195/2018 по делу № А13-10654/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Северо-Западного округа от 25 апреля 2018 г. № Ф07-3462/2018 по делу № А56-68290/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Уральского округа от 29 января 2018 г. № Ф09-6512/17 по делу № А60-60921/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Уральского округа от 30 января 2018 г. № Ф09-1534/17 по делу № А50-4210/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

промежуток кругового движения денег, схожие суммы перечислений в цепочке, мнимость сделок в цепочке.

Отсутствие рассматриваемой сделки в бухгалтерской отчетности должника и кредитора за исследуемый период.

Данный признак может быть характерен для любого вида сделок несостоятельного должника (купля-продажа, поставка, заем, подряд и т. д.). Такое обстоятельство может свидетельствовать о заключении сделки «задним числом» и являться поводом для назначения экспертизы по давности изготовления и подписания первичных документов¹⁹⁰. В таком случае необходимо производить анализ не только бухгалтерских балансов сторон сделки, а также расшифровок к нему (строки дебиторская и кредиторская задолженность), книги покупок и продаж, декларации по НДС (в случае использования общей системы налогообложения). В некоторых случаях может понадобится анализ специализированных системы учета, например, ЕГАИС (оборот спиртосодержащей продукции) или ЕИС (заключение государственных и муниципальных контрактов) и т.д.

Отсутствие финансовой возможности в передаче денежных средств по сделке (заем, предоплата по договору и т. д.).

Более тщательно указанные обстоятельства имеет смысл проверять при передаче наличных денежных средств должнику, поскольку при безналичном перечислении финансовая возможность (в определенных случаях) может быть подтверждена самим фактом их зачисления на счет. В случае же передачи наличных денежных средств в кассу должника, к примеру, физическим лицом, выяснение финансовой возможности такого лица становится крайне актуальным. Если денежные средства такому физическому лицу также были предоставлены в

---

¹⁹⁰ Постановление АС Московского округа от 27 марта 2017 г. № Ф05-15651/2015 по делу № А40-72947/14 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Четвертого ААС от 16 ноября 2015 г. № 04АП-3208/2015 по делу № А19-20011/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Девятого ААС от 27 декабря 2016 г. № 09АП-49247/2016, 09АП-52300/2016 по делу № А40-72947/14 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Семнадцатого ААС от 24 апреля 2017 г. № 17АП-18818/2015-ГК по делу № А50-21795/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

качестве наличного займа, то представляется целесообразным выяснить источник их получения предыдущим займодавцем. Аналогичные обстоятельства имеет смысл проверять при оплате денежных средств за уступку прав требования к должнику и переходе таких прав к третьему лицу¹⁹¹.

Отсутствие реальной возможности осуществления поставки, выполнения работ, оказания услуг и т. д.

О таких обстоятельствах, в частности, могут свидетельствовать отсутствие достаточного штата работников (отсутствие привлеченных лиц), отсутствие у работников необходимой специализации, отсутствие техники и оборудования, необходимого для выполнения работ (услуг), отсутствие необходимого разрешения (лицензии) либо отсутствие членства в СРО¹⁹². В таком случае особо необходимо обратить внимание на нереальные (в десятки раз отличающиеся от обычных) сроки и объемы выполнения работ (услуг), что также может свидетельствовать об отсутствии реальной возможности их осуществления и, соответственно, о злоупотреблении правом при возникновении задолженности.

Несоответствие предмета сделки фактическим видам деятельности должника.

Действующее законодательство само по себе не содержит норму, препятствующую осуществлять виды деятельности, не закрепленные лицом в его учредительных документах, однако, непрофильная деятельность должника либо его контрагента может быть квалифицирована, как «подозрительная»

---

¹⁹¹ Определение ВС РФ от 07 июня 2018 г. № 305-ЭС18-6649 по делу № А41-26995/2012 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение ВС РФ от 11 декабря 2017 г. № 309-ЭС17-17970 по делу № А60-27230/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение ВС РФ от 16 июля 2018 г. № 304-ЭС18-9098 по делу № А03-3644/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Уральского округа от 17 июля 2018 г. № Ф09-12211/16 по делу № А50-29254/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Уральского округа от 11 июня 2015 г. № Ф09-7605/14 по делу № А07-17692/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пятнадцатого ААС от 25 февраля 2018 г. № 15АП-716/2018 по делу № А53-16518/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹² Постановление АС Уральского округа от 15 января 2018 г. № Ф09-383/16 по делу № А47-8725/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Северо-Кавказского округа от 06 июля 2018 г. № Ф08-5030/2018 по делу № А63-5481/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Западно-Сибирского округа от 02 февраля 2018 г. № Ф04-6019/2017 по делу № А70-8529/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

деятельность. В данном случае показательным является пример перечисления денежных средств на покупку медицинского оборудования со стороны предпринимателя, занимающегося строительством заправок и реализацией топлива. Предмет указанной сделки сильно отличается от обычно заключаемых должником сделок, что может свидетельствовать о ее мнимом характере и, соответственно, злоупотреблении правом. Судебная практика содержит большое количество иных примеров несоответствия сделок должника основным видам его деятельности, что квалифицируется судами, как признак злоупотребления правом¹⁹³.

Несоответствие сделки рыночным условиям в худшую для должника сторону (купля-продажа, процентный заем и т. д.).

Под рыночными условиями в данном случае следует понимать те условия, при которых в обычных обстоятельствах совершаются аналогичные сделки как должником, так и иными участниками гражданского оборота. Отличительной чертой такого рода сделок чаще всего является их реальный характер, однако, цена таких сделок в худшую для должника сторону отличается от обычно совершаемых сделок, что влечет необоснованное увеличение кредиторской задолженности неплательщика перед таким кредитором¹⁹⁴.

---

¹⁹³ Постановление Тринадцатого ААС от 30 июля 2018 г. № 13АП-15761/2018 по делу № А56-71116/2017/тр.7 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Тринадцатого ААС от 26 марта 2013 г. по делу № А56-58340/2011/з10 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Поволжского округа от 26 ноября 2013 г. по делу № А12-9835/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 11 декабря 2013 г. по делу № А56-15722/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Второго ААС от 07 июня 2016 г. № 02АП-3510/2016 по делу № А29-6927/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁴ Постановление Семнадцатого ААС от 24 августа 2018 г. № 17АП-18109/2015-АК по делу № А60-3392/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Девятого ААС от 10 августа 2018 г. № 09АП-23832/2018 по делу № А40-178178/17 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24 февраля 2012 г. по делу № А45-6007/2011 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 03 сентября 2014 г. по делу № А19-10607/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Третьего ААС от 27 октября 2011 г. по делу № А33-18269/2009к52 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18 марта 2014 г. по делу № А69-845/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 11 июля 2011 г. по делу № А33-18269/2009 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Отсутствие экономической целесообразности сделки (поручительство, независимая гарантия, залог и т. д.).

Отсутствие экономической целесообразности чаще всего характеризует фактическая безвозмездность для должника в совершении той или иной сделки, то есть отсутствие какого-либо встречного предоставления. В таком случае необходимо рассматривать возможность получения выгоды должником не только в рамках отдельно взятой сделки, но и во взаимосвязи рассматриваемой сделки с основной деятельностью должника¹⁹⁵. Так, в случае дачи должником поручительства за третье лицо, представляется целесообразным установить характер взаимоотношений должника с таким третьим лицом (холдинг, основной контрагент, взаимные поручительства и т. д.), а также характер влияния основной сделки на деятельность должника (пополнение оборотных средств, получение субподрядных контрактов и т. д.).

Перечисленные признаки являются наиболее характерными для сделок должника по созданию искусственной кредиторской задолженности. Представляется, что формирование на уровне разъяснений Верховного суда РФ аналогичного перечня обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении правом при возникновении у несостоятельного должника задолженности перед кредиторами, существенным образом упорядочит процедуру признания искусственных требований к должнику недействительными на основании ст. 10, 168, 170 ГК РФ. При этом перечень таких обстоятельств не должен быть исчерпывающим, чтобы обеспечить достаточную «гибкость» нормы ст. 10 ГК РФ.

В связи с учетом необходимости существования «гибкой» нормы, предполагающей ее различное применение в зависимости от конкретных обстоятельств

---

¹⁹⁵ Постановление АС Уральского округа от 04 июня 2018 г. № Ф09-8966/17 по делу № А60-1864/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Семнадцатого ААС от 21 марта 2018 г. № 17АП-3916/2016-АК по делу № А50-29254/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Уральского округа от 26 марта 2018 г. № Ф09-1166/17 по делу № А60-12782/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Девятого ААС от 31 марта 2017 г. № 09АП-2481/2017-ГК по делу № А40-81215/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Первого ААС от 01 октября 2018 г. № 01АП-2304/2018 по делу № А43-3538/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Постановление АС Западно-Сибирского округа от 21 августа 2017 г. № Ф04-6662/2016 по делу № А46-165/2016 [Электронный ресурс].

дела, возникает вопрос дискреционных полномочий судей. Дискреционными полномочиями принято называть «законные полномочия, позволяющие должностному лицу действовать по собственному усмотрению в пределах определенных законом полномочий»¹⁹⁶. Но что же само по себе означает судебское усмотрение? Каковы его пределы, и необходимо ли расширять их применительно к оспариванию сделок должника по созданию искусственной кредиторской задолженности?

В доктрине права судебское усмотрение понимается учеными по-разному. А. Барак полагает, что «судейское усмотрение означает полномочие, которое закон дает судье, чтобы делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна, и это определение, по его мнению, предполагает, конечно, что судья будет действовать не механически, но станет взвешивать, обдумывать, получать впечатления, проверять и изучать, при этом названное сознательное использование полномочия не определяет судебское усмотрение, а только предполагает, что судья должен действовать в рамках своего усмотрения, само же судебское усмотрение не является ни эмоциональным, ни умственным состоянием, это, скорее, юридическое условие, при котором судья волен делать выбор из ряда вариантов»¹⁹⁷.

По мнению О.А. Папковой, «судейское усмотрение всегда связано с оценкой фактических обстоятельств, необходимых для принятия решений, всегда подразумевает выбор из ряда правомерных альтернатив и поэтому связано с реализацией дискреционного усмотрения»¹⁹⁸. В.И. Телятников считает, что «судейское усмотрение является правовой категорией, фикцией, выражающей субъективную мыслительную деятельность судьи по осуществлению правосудия по конкретному делу в целях достоверного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, с последующей объективацией результатов в решении суда, включающей как процесс исследования, так и оценки доказательств, условия для правовой квалификации содеянного, оценки результатов деятельности участников процесса по выполнению процессуальных функций, переходящей в ходе разбирательства дела

---

¹⁹⁶ Клеандров М. И. Статус судьи: Правовой и смежные компоненты. М., 2008. С. 236

¹⁹⁷ Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М., 1999. С.13-14.

¹⁹⁸ Папкова О. А. Усмотрение суда. М., 2005. С. 61-62.

и вынесения судом решения в конкретное достоверное знание об обстоятельствах дела, основанное на доказательствах»¹⁹⁹.

Достаточно интересную точку зрения относительно предела судейского усмотрения высказывает ряд авторов, считающих, что если использование судейского усмотрения в определенном случае допускается действующим законодательством и оно обосновано судом в конкретном случае, суд апелляционной или кассационной инстанции не должен отменять вынесенное решение только по основанию иного судейского усмотрения. В связи с этим считается, что категория судебного усмотрения может быть жизнеспособной только в случае наличия определенных и четко установленных гарантий возможности его применения. Иной позиции относительно определенности правовых норм придерживается В.В. Ершов, полагая, что «судебное усмотрение обуславливается также и относительной определенностью правовых норм. Относительно-определенные правовые нормы не содержат достаточно качественных характеристик об условиях их действия, правах и обязанностях сторон, предполагая возможность и необходимость индивидуального судебного регулирования в форме конкретизации правовых норм»²⁰⁰.

Подводя итоги, следует согласиться с тем, что судейское усмотрение – это всегда индивидуальный выбор судьи между правомерными (законными) вариантами решения той или иной ситуации, а эффективное регулирование общественных отношений достигается лишь в результате интеграции как правового, так и индивидуального регулирования общественных отношений²⁰¹. В этой связи, предложение по приданию правового статуса перечню обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении правом при возникновении у несостоятельного должника задолженности перед кредиторами на уровне разъяснений ВС РФ, представляется вполне обоснованным.

---

¹⁹⁹ Телятников В. И. Убеждение судьи. СПб., 2004. С. 94.

²⁰⁰ Ершов В. В. Судебное правоприменение: (Теоретические и практические проблемы). М., 1991. С. 23.

²⁰¹ Ершов В. В. Судебное усмотрение? Индивидуальное судебное регулирование? // Российское правосудие. 2013. № 8. С.13.

§ 3. Основания оспаривания сделок общей (универсальной) противоправности

Помимо уже рассмотренных сделок в рамках предложенной классификации существует еще третья группа сделок, в которых действия должника и его контрагента не обладают специальной противоправностью (то есть намерением причинить вред должнику и его кредиторам), однако также являются порочными по той или иной причине.

Среди таких сделок и оснований для их оспаривания возможно выделить следующие: сделки, совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ); сделки, совершенные гражданином, признанным недееспособным (ст. 171 ГК РФ); сделки юридического лица, совершенные в противоречии с целями его деятельности (ст. 173 ГК РФ); сделки, совершенные без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления (ст. 173.1 ГК РФ); сделки с нарушением представителем или органом юридического лица условий осуществления полномочий (ст. 174 ГК РФ); сделка, совершенная в отношении имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено (ст. 174.1 ГК РФ); сделки, совершенные гражданином, ограниченным судом в дееспособности (ст. 176 ГК РФ); сделки, совершенные гражданином, не способным понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ); сделки, совершенные под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ); сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179 ГК РФ).

Выделение перечисленных оснований для оспаривания в отдельную группу также обусловлено их универсальным характером, т. е. указанные основания возможно применить как к сделкам должника-банкрота, так и к сделкам лица, не признанного несостоятельным. Между тем в правоприменительной практике нечасто встречаются случаи признания недействительными сделок несостоятельного должника по перечисленным основаниям ввиду особых причин подачи заявления о признании сделки недействительной в процедуре банкротства, а также

наличия специальных инструментов для их обжалования (гл. III.1 Закона о банкротстве). Для целей процедуры банкротства имеют большее значение сделки по выводу активов и созданию искусственной кредиторской задолженности, которые могут быть оспорены по более подходящим основаниям.

Существенный интерес в данном случае представляет норма п. 1 ст. 174.1 ГК РФ, на основании которой сделка, совершенная с нарушением запрета или ограничения распоряжения имуществом, вытекающих из закона, в частности, законодательства о несостоятельности (банкротстве), ничтожна в той части, в какой предусматривает распоряжение таким имуществом.

Такие запреты содержатся, в частности, в ст. 63, 64 Закона о банкротстве, которые ограничивают должника в совершении сделок в процедуре наблюдения. Среди указанных запретов содержатся:

- запрет на удовлетворение требований учредителя (участника) должника о выделе доли (пая) в имуществе должника в связи с выходом из состава его учредителей (участников), выкуп либо приобретение должником размещенных акций или выплата действительной стоимости доли (пая);
- запрет на прекращение денежных обязательств должника путем зачета встречного однородного требования, если нарушается очередность, установленная п. 4 ст. 134 Закона о банкротстве;
- запрет на изъятие собственником имущества должника - унитарного предприятия принадлежащего должнику имущества;
- запрет на выплату дивидендов, доходов по долям (паям), а также распределение прибыли между учредителями (участниками) должника;
- запрет на осуществление реорганизации (слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования) и ликвидации должника;
- запрет на создание юридических лиц или участие должника в иных юридических лицах;
- запрет на создание филиалов и представительств;
- запрет на размещение должником облигаций и иных эмиссионных ценных бумаг, за исключением акций;

– запрет на выход из состава учредителей (участников) должника, приобретение у акционеров ранее размещенных акций.

Ограничения в совершении сделок должника в данном случае заключаются в необходимости согласования ряда сделок с временным управляющим, а именно:

– сделок, связанных с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения прямо либо косвенно имущества должника, балансовая стоимость которого составляет более 5 процентов балансовой стоимости активов должника на дату введения наблюдения;

– сделок, связанных с получением и выдачей займов (кредитов), выдачей поручительств и гарантий, уступкой прав требования, переводом долга, а также с учреждением доверительного управления имуществом должника.

Между тем правовое положение временного управляющего и ограничения для должника в процедуре банкротства оцениваются в доктрине неоднозначно. С одной стороны, М.В. Телюкина²⁰² и Е.В. Васьковский²⁰³ признают анализируемые ограничения для юридических лиц в чистом виде ограничением. Аналогичной позиции придерживаются А.Н. Семина²⁰⁴ и Е.С. Пирогова.²⁰⁵ С другой стороны, В.Л. Исаченко²⁰⁶ и С.А. Рухтин²⁰⁷ считают указанные ограничения фактическим лишением должника его дееспособности. При этом аналогичную позицию по ограничению дееспособности высказал и КС РФ, признав, что «[...]предусмотренные Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» последствия введения наблюдения (в частности, необходимость получения согласия временного управляющего на совершение сделок, запрет на реорганизацию и ликвидацию должника, создание юридических лиц, филиалов, представи-

²⁰² Телюкина М. В. Основы конкурсного права. М., 2004. С. 290.

²⁰³ Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 53.

²⁰⁴ Семина А. Н. Банкротство: вопросы правоспособности должника – юридического лица. М., 2003. С. 49, 74–81.

²⁰⁵ Пирогова Е. С. Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц – должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2010. С. 7–10.

²⁰⁶ Исаченко В. Л. Русское гражданское судопроизводство : практическое руководство для студентов и начинающих юристов / В. Л. Исаченко. 3-е изд., доп. СПб., 1910. Т. 2 : Судопроизводство охранительное и конкурсное. С. 450–452.

²⁰⁷ Рухтин С. А. Правоспособность несостоятельного юридического лица // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 26–27.

тельств, выплату дивидендов, размещение ценных бумаг) представляет собой существенные ограничения дееспособности предприятия-должника[...]»²⁰⁸.

В то же время существует в доктрине и иной взгляд на проблему ограничения должника в совершении им сделок со своим имуществом, которые рассматриваются как публично-правовые последствия введения процедуры несостоятельности²⁰⁹; должник в этом случае сохраняет в полном объеме дееспособность, а временный управляющий, выполняя свои полномочия, действует в интересах должника, его кредиторов и в публичных интересах. Схожую позицию высказывает Т.П. Шишмарева, признавая согласие временного управляющего неким «разрешением на совершение сделки, так как оно предотвращает неправомерное отчуждение имущества должника, способствует его сохранению»²¹⁰.

Еще одним универсальным основанием для оспаривания сделок, не имеющих противоправной направленности, является основание, предусмотренное ст. 173.1 ГК РФ, а именно: сделки, совершенные без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления. В данном случае на первый план выходит понятие «крупная сделка», ведь именно крупная сделка, по общему правилу, требует дополнительного одобрения со стороны участников юридического лица. В доктрине считается, что все крупные сделки определяются на основании наличия двух взаимосвязанных критериев²¹¹. Первым критерием является сделка (в том числе заем, кредит, залог, поручительство) или несколько взаимосвязанных сделок, связанных с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом прямо либо косвенно имущества. Второй – определяет стоимость имущества, которое является предметом сделки. При этом сделка, совершенная в

---

²⁰⁸ По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых Арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц : постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ. 2001. № 12. Ст. 1138.

²⁰⁹ Нефедьев Е. А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс : из лекций. М., 1908. С. 80.

²¹⁰ Шишмарева Т.П. О согласии на совершение сделок должником в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 57 - 61.

²¹¹ Терновая О. А. Согласие на совершение крупной сделки унитарным предприятием: теоретические и практические аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 49.

процессе обычной хозяйственной деятельности общества, не относится к крупным сделкам хозяйственных обществ. Однако единого подхода к тому, что понимается под «обычной хозяйственной деятельностью» в литературе и в судебной практике не сложилось. Например, по мнению В.В. Долинской, под обычной хозяйственной деятельностью понимается «систематическая деятельность, включающая круг не противоречащих закону сделок в сфере, указанной в учредительных документах общества»²¹². В свою очередь, Д.В. Ломакин отмечает, что «все сделки, осуществляемые в процессе обычной хозяйственной деятельности, подразделяются на сделки, являющиеся неотъемлемым элементом содержания такой деятельности, и иные сделки, сопутствующие им»²¹³. Н.В. Фомичева полагает, что «основным признаком сделок в обычной хозяйственной деятельности является их регулярность, то есть ... это такие сделки, которые совершаются обществом регулярно с момента его создания в рамках осуществления основной деятельности, предусмотренной учредительными документами общества»²¹⁴. Таким образом, иные сделки, не подпадающие под признаки обычных хозяйственных сделок, могут быть оспорены по основанию статьи 173.1 ГК РФ, служащей универсальным средством для оспаривания сделок должника как в процедуре банкротства, так и в обычном гражданском обороте.

Тем не менее, в связи с наличием специальных инструментов обжалования, участники дела о банкротстве, даже при наличии обстоятельств для оспаривания сделки несостоятельного должника по основаниям ст. 169-179 ГК РФ, заявляют об их недействительности только по специальным основаниям Закона о банкротстве, что не способствует возникновению достаточной судебной практики по иным основаниям, предусмотренным ГК РФ. Такая ситуация обусловлена тем, что необходимость в признании таких сделок недействительными в процедуре банкротства возникает только в случае причинения вреда должнику или его кре-

---

²¹² Долинская В. В. Акционерное право: Основные положения и тенденции. М., 2006. С.90.

²¹³ Ломакин Д. В. Крупные сделки в гражданском обороте // Законодательство. 2001. № 3. С. 18.

²¹⁴ Фомичева Н. В. Правовое регулирование создания и деятельности акционерных обществ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Саратов, 2000. С. 10.

диторам, то есть в случае вывода активов должника, создания искусственной кредиторской задолженности и т.д.

Одним из показательных примеров такого оспаривания является Определение АС Иркутской области от 22 июня 2016 г. по делу № А19-20544/2014. В указанном случае конкурсный управляющий должника обратился в АС с заявлением о признании недействительным договора о выдаче банковской гарантии, а также самой банковской гарантии, выданной во исполнение указанного договора. По мнению конкурсного управляющего, основанием для признания сделки должника недействительной послужила ст. 177 ГК РФ (сделка, совершенная гражданином-директором должника, не способным понимать значение своих действий или руководить ими), а также п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве (сделка с неравноценным встречным предоставлением).

Из текста судебного акта следует, что конкурсный управляющий, даже при наличии достаточных оснований полагать о неспособности директора должника понимать значение своих действий при заключении оспариваемой сделки (определено по результатам психиатрической экспертизы), дополнительно ссылается на наличие специальных оснований для оспаривания (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве). Проанализировав заявленные требования, АС пришел к выводу о недействительности банковской гарантии сразу по двум основаниям. В отношении ст. 177 ГК РФ сделан следующий вывод: «Экспертами проведена судебно-психиатрическая экспертиза по определению психического состояния бывшего руководителя должника [...] в момент подписания договора № 06БГ-13 о предоставлении банковской гарантии от 24.12.2013, заключенного между обществом с ограниченной ответственностью [...] и обществом с ограниченной ответственностью [...], и банковской гарантии № 06 от 24.12.2013, выданной во исполнение указанного договора [...], позволяют суду прийти к выводу о том, что в момент подписания договора №06БГ-13 о предоставлении банковской гарантии от

24.12.2013 директор был не способен понимать значение своих действий и руководить ими в силу болезненного состояния»²¹⁵.

В отношении ст. 61.2 Закона о банкротстве сделан следующий вывод: «Сумма банковской гарантии, соответствующая рыночным условиям, составляет 5 процентов от цены контракта; при нормальных рыночных условиях заключения договора банковской гарантии срок ее предоставления не превышает срок выполнения и срок приемки выполненных работ, что подтверждается контрактом № 2659 от 23.05.2014 [...], заключенным между ГБУЗ «Областной кожно-венерологический диспансер» и ООО [...] в лице генерального директора, договором № 0005055 о предоставлении банковской гарантии от 13.05.2014, заключенным между ООО [...] и ОАО «Объединенный кредитный банк», банковской гарантией № 0005055 от 19.05.2014, выданной ОАО «Объединенный кредитный банк» (л.д. 34-45 том 1). [...] Таким образом, суд приходит к выводу, что оспариваемая сделка по предоставлению банковской гарантии заключена на заведомо не выгодных для должника условиях, существенно отличающихся от рыночных условий заключения такого рода сделок»²¹⁶.

В данном случае сделка по выдаче банковской гарантии причинила вред должнику и кредиторам, поскольку была заключена на невыгодных для должника условиях, что создавало для него дополнительную финансовую нагрузку по обслуживанию гарантии. Именно поэтому такая сделка была выявлена и оспорена со стороны конкурсного управляющего должника. Целесообразность же оспаривания сделки должника-банкрота, заключенной на рыночных условиях, но с пороком по ст. 177 ГК РФ, фактически сводится к нулю.

Таким образом, сделки, в которых действия должника и его контрагентов не обладают противоправной направленностью, могут быть более эффективно оспорены на основании гл. III.1 Закона о банкротстве и ст.10 и 168 ГК РФ, поскольку необходимость в их оспаривании может появиться только в случае причинения вреда должнику или его кредиторам в результате совершения такой сделки. В та-

---

²¹⁵ Определение АС Иркутской области от 22.06.2016 г. по делу № А19-20544/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁶ Там же.

ком случае основания для оспаривания сделок должника, предусмотренные ст.169 – 179 ГК РФ могут иметь существенное значение только для лиц, не являющихся участниками дела о банкротстве и оспаривающих сделку с должником в общем порядке (в рамках иска в отдельном производстве).

ГЛАВА 3. МЕХАНИЗМЫ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИХ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Лица, уполномоченные на оспаривание сделок должника

Помимо самих оснований для оспаривания сделок должника, а также последствий признания их недействительными значительный интерес представляют процессуальные механизмы оспаривания сделок должника, а именно: подсудность исков об оспаривании, субъекты и сроки оспаривания.

Согласно ст. 61.9 Закона о банкротстве субъектами – носителями права на оспаривание сделок несостоятельного должника по специальным нормам Закона о банкротстве являются внешний и конкурсный управляющий по своей инициативе или на основании решения собрания кредиторов, а также конкурсный кредитор или уполномоченный орган с размером требований более 10 процентов от общего размера кредиторской задолженности, не считая размера требований кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его аффилированных лиц²¹⁷.

Иные лица, помимо указанных, лишаются права на самостоятельную подачу заявлений об оспаривании сделок должника. В этой связи в теории права ведутся дискуссии относительно обоснованности такого запрета в отношении иных лиц, участвующих в деле о банкротстве и имеющих тот или иной интерес в оспаривании сделок.

Во-первых, дискуссия ведется в отношении полномочий временного и административного управляющего на оспаривание сделок. Статья 66 Закона о банкротстве закрепляет право временного управляющего обжаловать сделки, совершенные с нарушением требований ст. 63 и 64 Закона о банкротстве, ограничивающих права руководителя и собственников должника в процедуре наблюдения. Однако в отношении оспаривания порочных сделок по иным основаниям Закон о банкротстве напрямую не высказывается, поэтому существуют различные мнения на этот счет. В тексте комментария к Закону о банкротстве указано, что «времен-

---

²¹⁷ Галкин С. С. Вопросы оспаривания мирового соглашения, заключенного несостоятельным должником в исковом производстве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1381–1388.

ный управляющий вправе оспаривать совершенные должником сделки как по основаниям, которые предусмотрены гражданским законодательством, так и по основаниям, установленным законодательством о банкротстве»²¹⁸. По мнению М.В. Телюкиной, «целесообразно предоставить и временному, и административному управляющему право оспаривать все сделки должника – заключенные как после, так и до возбуждения производства по делу о банкротстве»²¹⁹. Н.В. Соколова, в свою очередь, предлагает «предоставить временному управляющему право последующего одобрения или оспаривания любой сделки, совершенной без согласия с ним, выраженного в письменной форме, для чего в ст. 66 Закона о банкротстве считает необходимым внести соответствующие изменения»²²⁰.

Исходя из комплексного анализа норм Закона о банкротстве, все же представляется, что на сегодняшний момент отсутствуют достаточные основания для предоставления временному и административному управляющему права оспаривать сделки должника, совершенные до возбуждения производства по делу о банкротстве. Аналогичной позиции придерживается С.А. Кузнецов. Автор полагает, что «оспаривание сделок должника представляет собой лишь средство достижения целей отдельных процедур банкротства и института банкротства в целом (соразмерное удовлетворение требований кредиторов и восстановление платежеспособности должника). Само по себе оспаривание сделок должника не является самостоятельной целью производства по делу о банкротстве и необходимо лишь постольку, поскольку способствует достижению целей процедур банкротства. Оспаривание сделок должника, совершенных до возбуждения производства по делу о банкротстве, не служит достижению целей наблюдения (обеспечение сохранности имущества должника, проведение анализа финансового состояния должника, составление реестра требований кредиторов, проведение первого собрания кредиторов) и финансового оздоровления (восстановление платежеспо-

---

²¹⁸ Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)»: постатейный / под ред. В. Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 258.

²¹⁹ Телюкина М. В. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 12. С. 77–78.

²²⁰ Соколова Н. В. Недействительные сделки в процедурах несостоятельности (банкротства): дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2006. С. 9.

способности должника, погашение задолженности в соответствии с графиком погашения задолженности), а только дестабилизирует гражданский оборот, поскольку формирование конкурсной массы не относится к числу целей процедур наблюдения и финансового оздоровления, в результате проведения которых может быть отказано в признании должника банкротом или прекращено производство по делу о банкротстве (пункт 1 статьи 52, статьи 55, 57, пункт 6 статьи 88 Закона о банкротстве 2002 года), в связи с чем прекратится действие всех ограничений, предусмотренных Законом о банкротстве (статья 56 Закона о банкротстве 2002 года), соответственно, нецелесообразно предоставление временному и административному управляющему права оспаривать сделки должника, совершенные до возбуждения производства по делу о банкротстве, поскольку указанные сделки вполне могут быть сохранены после возможного отказа в признании должника банкротом или прекращения производства по делу о банкротстве, что будет способствовать стабильности гражданского оборота и определенности гражданских правоотношений»²²¹.

В этой связи представляется, что полномочия временного управляющего все же обоснованно ограничиваются оспариванием сделок, связанных с нарушением запретов, предусмотренных ст. 63 и 64 Закона о банкротстве.

Во-вторых, различные позиции возникают в судебной практике и доктрине в отношении количественного и качественного состава требований кредиторов, учитываемых при наделении их правом на оспаривание сделок. Зачастую суды полагают, что, если размер кредиторской задолженности каждого кредитора в отдельности (при коллективном иске нескольких кредиторов) не превышает 10 процентов от общего размера кредиторской задолженности, то у названных лиц отсутствует право на оспаривание совершенных должником сделок. Иной позиции по данному вопросу придерживаются ученые А.Ю. Астафуров,²²² А.И. Бычков,²²³ А. Улезко.²²⁴ Они полагают, что конкурсные кредиторы, которые не обла-

---

²²¹ Кузнецов С. А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства) : монография. М., 2015. С. 95-96.

²²² Астафуров А. Ю. Оспаривание сделок по «банкротным» основаниям // Адвокат. 2017. № 3. С. 2

²²³ Бычков А. И. Проведение расчетных операций: способы, специфика и риски. М., 2016. С.48

дают данным пороговым объемом требований, могут объединить свои требования при подаче заявления об оспаривании сделки и собрать необходимые 10 процентов сообща.

По аналогичному пути, поддержав превалирующую в науке позицию, пошел ВС РФ в своем Определении от 10 мая 2016 г. по делу № А27-2836/2013. Суд установил, что десятипроцентный порог служит лишь ограничением для чрезмерного и несогласованного оспаривания сделок по заявлениям миноритарных кредиторов, что может нарушить баланс интересов участвующих в деле о банкротстве лиц, привести к затягиванию процедуры банкротства и увеличению текущих расходов. Возможность соединения требований нескольких кредиторов для достижения общих целей (признания незаконной сделки должника недействительной, пополнения конкурсной массы, максимального пропорционального погашения требований всех кредиторов) отвечает целям конкурсного производства и способствует эффективному восстановлению их нарушенных прав. Иной подход в подобной ситуации противоречит законодательному регулированию соответствующих правоотношений и ограничивает права добросовестных участников дела о банкротстве на судебную защиту²²⁵.

Относительно качественного состава требований конкурсных кредиторов, наделенных правом на обжалование, существуют две позиции. Первая позиция заключается в том, что правом на оспаривание сделок должника наделены только те конкурсные кредиторы, чьи требования возникли ранее оспариваемой сделки. Такой позиции придерживаются Ю. Барон²²⁶, М.И. Брагинский²²⁷, А.Х. Гольмстен²²⁸.

Сторонники данной точки зрения аргументируют свою позицию ссылкой на римское право. Как отмечается в этой связи в Дигестах Юстиниана, то, что совершено с целью обмана кредиторов, отменяется только тогда, когда обман имел

---

²²⁴ Улезко А. Кредиторы могут объединиться против должника? // ЭЖ-Юрист. 2016. № 19. С. 2.

²²⁵ Определение ВС РФ от 10 мая 2016 г. по делу № 304-ЭС15-17156, А27-2836/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

²²⁶ Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. СПб., 2005. С. 594–595.

²²⁷ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 791.

²²⁸ Гольмстен А.Х. Юридические исследования и статьи. Т. 2. С. 1–2, 41–45.

результат, а именно, если те кредиторы, с целью обмана которых он это сделал, продали его имущество. Впрочем, отмена не применяется, если он выплатил долги тем, с целью обмана которых (что-либо) совершил, и приобрел других (кредиторов), – если только, безусловно, уплатив первым, кого он хотел обмануть, других он приобрел позднее. Если же первым, кого он хотел обмануть, он уплатил с помощью денег тех, кого не хотел обмануть, то отмена будет иметь место²²⁹.

Вторая позиция базируется на принципе причинения вреда, то есть неважно, в какой момент относительно оспариваемой сделки возникло требование конкурсного кредитора, имеет значение лишь сам факт причинения совершенной сделкой вреда должнику и его кредиторам.

Существует еще один интересный для рассмотрения темы диссертационного исследования вопрос – имеет ли прокурор право на оспаривание сделок должника? Если имеет, то по каким основаниям и в каком порядке? Несмотря на то, что прокурор прямо не назван в числе лиц, участвующих в деле о банкротстве (ст.34 Закона о банкротстве), а также в арбитражном процессе по делу о банкротстве (ст. 35 Закона о банкротстве), процессуально он подпадает под формулировку абзаца 8 п. 1 ст. 35 Закона о банкротстве, а именно: «иные лица в случаях, предусмотренных АПК РФ и настоящим Федеральным законом». В комментариях к Закону о банкротстве авторы выражают сомнение относительно правильности такого предположения. По их мнению, специальные основания для оспаривания сделок, предусмотренные Законом о банкротстве, защищают не публичные интересы, а частные интересы кредиторов, в силу чего прокурор, не обладающий правом действовать в интересах частных лиц, не может участвовать в деле о банкротстве²³⁰. В этой связи прокурор не назван в Законе о банкротстве в числе лиц, имеющих право на оспаривание по специальным основаниям Закона о банкротстве сделок должника. Тем не менее, поскольку признание сделки недействительной по основаниям общей противоправности (предусмотренным ГК РФ) направлено на защиту публичных интересов, прокурор имеет право на заявление таких исков,

---

²²⁹ Дигесты Юстиниана / пер. с лат. А. Л. Смышляев [и др.]. М., 2005. Т. 6. Полутом 2. С. 255.

²³⁰ Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)»: постатейный / под ред. В. Ф. Попондопуло. С. 301.

однако их рассмотрение должно проходить в общегражданском порядке, вне рамок дела о банкротстве.

Аналогичная позиция поддержана на уровне Пленума ВАС РФ. В соответствии с абзацами третьим и четвертым ч. 1 ст. 52 АПК РФ прокурор вправе обращаться в суд с исками, связанными с недействительностью сделок должника по общим основаниям недействительности сделок, предусмотренным гражданским законодательством. Ввиду того, что «Закон о банкротстве не называет ни прокурора, ни должника в числе лиц, имеющих право на обращение в суд с исками, связанными с недействительностью сделок должника по специальным основаниям, предусмотренным Законом, прокурор не может обращаться в арбитражный суд с такими исками, в том числе и в случаях, когда должник или кредитор относятся к категориям лиц, поименованным в абзацах третьем и четвертом части 1 статьи 52 АПК РФ»²³¹.

Говоря об обоснованности такого ограниченного участия органов прокуратуры при рассмотрении дел о банкротстве в Российской Федерации, следует отметить, что аналогичное правовое регулирование присуще законодательству не всех стран. В частности, прокурор в силу ст. 34 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» вправе самостоятельно подать в хозяйственный суд заявление об экономической несостоятельности (банкротстве) должника в следующих случаях: если им выявлены признаки преднамеренного банкротства, сокрытия банкротства; если у должника имеется задолженность по обязательным платежам; в интересах кредиторов - Республики Беларусь, административно-территориальной единицы Республики Беларусь по денежным обязательствам; в иных случаях, установленных законодательными актами²³². Схожее правовое регулирование наблюдается в законодательстве Республики Казахстан. В этом случае также налицо значительное участие прокурора в делах об экономической несостоятельности (банкротстве)

---

²³¹ О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. № 32.

²³² Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (<http://www.pravo.by>). 24.07.2012, 2/1967.

должника. Прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о признании должника банкротом, когда им обнаружены признаки преднамеренного банкротства в интересах кредитора - Республики Казахстан, государственных органов.

Несмотря на существование иного регулирования полномочий прокурора даже в близких к нам странах - членах Евразийского экономического союза, полагаем, что существующая в отечественном законодательстве позиция относительно участия прокурора в делах о банкротстве отвечает имеющимся на сегодняшний день потребностям, позволяет минимизировать излишнюю нагрузку на органы прокуратуры и судебные инстанции, позволяя при этом соблюдать публичные интересы.

Существует еще одна группа лиц, которым уделяется существенное внимание в рамках дела о банкротстве, чьи права в большей степени стремится защитить законодатель, – работники (бывшие работники) должника. Вопросу наиболее полного соблюдения прав работников в последнее время посвящены многие изменения в Законе о банкротстве. Среди наиболее известных изменений необходимо выделить следующее – наделение работников и бывших работников правом в случае наличия задолженности по заработной плате требовать в арбитражном суде признания работодателя банкротом. Инициация банкротства работодателя возможна при наличии решения суда о взыскании денежных средств. Закон устанавливает порядок избрания и переизбрания представителя работников должника, услуги которого могут оплачиваться за счет последнего. Уточняется очередность погашения текущей задолженности перед работниками должника, устанавливается право работника, его представителя подавать заявление о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности²³³ и т.д.

В свете значительного расширения полномочий работников (бывших работников) должника все чаще возникает вопрос о необходимости наделения их самостоятельным правом на оспаривание сделок должника, ведь работники вполне могут знать об «экономическом микроклимате» должника, о совершении

---

²³³ Лутфуллин Л. З. Обзор изменений законодательства и судебной практики в сфере несостоятельности (банкротства) в 2015 г. // Вестник гражданского процесса. 2015. № 6. С. 253–259.

последним невыгодных для него самого и его кредиторов сделок, направленных на причинение вреда. Однако представляется, что наделение работников самостоятельным правом на обжалование может оказаться преждевременным, поскольку требует высокой правовой культуры от каждого из работников должника, а ее отсутствие может привести к злоупотреблениям как со стороны самих работников, так и иных лиц, которые могут использовать процессуальный статус работников в своих целях.

Наиболее целесообразным в данной ситуации видится предоставление работникам должника права информационно обозначить необходимость обжалования той или иной сделки должника через уже существующий инструментарий – собрание работников (бывших работников) должника и, в дальнейшем, через выбранного ими представителя уже на собрании кредиторов. В этой связи необходимо предоставить представителю работников должника право не только участвовать в собрании кредиторов, но и выносить на повестку дня собрания кредиторов дополнительные вопросы, в том числе вопросы по оспариванию сделок должника. Полагаю, что такой механизм позволит соблюсти права конкурсных кредиторов должника, а также обеспечить баланс интересов всех лиц, участвующих в процедуре банкротства.

§ 2. Механизмы оспаривания сделок несостоятельного должника

По общему правилу рассмотрение исков об оспаривании сделок банкрота осуществляется в рамках дела о несостоятельности, о чем прямо указано в тексте Закона о банкротстве. Так, в соответствии с п. 1 ст. 61.8 Закона о банкротстве заявление об оспаривании сделки должника подается в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве должника, и подлежит рассмотрению в деле о банкротстве должника.

Тем не менее существует ряд случаев, при которых необходимо отступление от общего правила о подсудности. Постановление Пленума ВАС РФ от 23

декабря 2010 г. № 63 затрагивает эти нестандартные варианты и разъясняет порядок оспаривания в таком случае.

Анализ положений Закона о банкротстве и Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 позволяет выделить три основных механизма оспаривания сделок несостоятельного должника: оспаривание сделок в рамках отдельного иска в деле о банкротстве, оспаривание сделок в общегражданском порядке и оспаривание сделок в рамках установления требований кредиторов в деле о банкротстве.

Полагаем целесообразным рассмотреть каждый из указанных механизмов в отдельности.

1. Оспаривание сделок в рамках отдельного иска в деле о несостоятельности (банкротстве) должника.

Как уже было отмечено ранее, оспаривание сделок путем подачи отдельного иска в рамках дела о банкротстве является общим и наиболее часто используемым механизмом оспаривания сделок несостоятельного должника.

Согласно абз. 1 п. 17 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 в порядке гл. III.1 Закона о банкротстве (в силу п. 1 ст. 61.1) подлежат рассмотрению требования арбитражного управляющего о признании недействительными сделок должника как по специальным основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве (ст. 61.2 и 61.3 и иные содержащиеся в этом Законе помимо гл. III.1 основания), так и по общим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством (в частности, по основаниям, предусмотренным ГК РФ или законодательством о юридических лицах).

То есть при подаче иска об оспаривании сделки должника арбитражным управляющим (вне зависимости от основания для оспаривания) его рассмотрение осуществляется в рамках дела о банкротстве. При этом необходимо отметить, что Федеральным законом от 22 декабря 2014 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» внесены изменения в Закон о банкротстве. Указан-

ные изменения касаются лиц, имеющих право на обжалование сделок на основании специальных норм о банкротстве. С момента внесения данных изменений правом на обжалование таких сделок помимо арбитражного управляющего наделяются также конкурсные кредиторы должника.

Согласно п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве (в редакции после внесения изменений) заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд наряду с лицами, указанными в п. 1 настоящей статьи, конкурсным кредитором или уполномоченным органом, если размер кредиторской задолженности перед ним, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более 10 процентов общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, не считая размера требований кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его аффилированных лиц.

Увеличение полномочий конкурсных кредиторов произошло значительно позже выхода в свет Постановления Пленума ВАС от 23 декабря 2010 г. № 63, в связи с чем в последнем полностью отсутствует упоминание о возможности обжалования сделок конкурсными кредиторами (уполномоченными органами), а также о порядке такого обжалования. Представляется, что аналогичное правило о подсудности исков (абз. 1 п. 17 указанного Постановления) необходимо распространить и на иски конкурсных кредиторов должника, поскольку иски любых участников дела о банкротстве затрагивают общие, публичные интересы и должны рассматриваться с привлечением всех заинтересованных лиц, то есть в деле о банкротстве должника.

В связи с указанными обстоятельствами полагаем целесообразным внести соответствующие изменения в абз. 1 п. 17 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 и изложить его в следующей редакции: «В порядке главы III.1 Закона о банкротстве (в силу пункта 1 статьи 61.1) подлежат рассмотрению требования арбитражного управляющего, **а также конкурсных кредиторов должника (не являющихся его контрагентами по оспариваемой сделке)** о признании недействительными сделок должника как по специальным основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве (статьи 61.2 и 61.3 и иные содержа-

щиеся в этом Законе помимо главы III.1 основания), так и по общим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством (в частности, по основаниям, предусмотренным ГК РФ или законодательством о юридических лицах)».

Указанное изменение позволит внести ясность относительно подсудности исков об обжаловании сделок конкурсными кредиторами должника, а также избежать формирования разнородной судебной практики по данному вопросу.

2. Оспаривание сделок несостоятельного должника в общегражданском порядке.

Согласно абз. 9 п. 17 Постановления пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 заявления о признании сделок должника недействительными по общим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством (в частности, по основаниям, предусмотренным ГК РФ или законодательством о юридических лицах), предъявляемые другими помимо арбитражного управляющего лицами (например, контрагентами по сделкам, прокурором или должником в ходе процедур наблюдения или финансового оздоровления), подлежат рассмотрению в исковом порядке с соблюдением общих правил о подведомственности и подсудности.

Необходимо отметить, что по указанным ранее причинам (анализируемое Постановление появилось задолго до внесения изменений в Закон о банкротстве) текст абз. 9 п. 17 данного Постановления не содержит упоминания о конкурсных кредиторах (уполномоченных органах) должника как заявителях исков об оспаривании сделок должника. Считаем необходимым в абз. 9 п. 17 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 также внести изменения и привести в соответствие с действующим Законом о банкротстве. Так, формулировку «предъявляемые другими помимо арбитражного управляющего лицами» необходимо изложить в следующей редакции: «предъявляемые другими помимо арбитражного управляющего и конкурсных кредиторов (уполномоченных органов) лицами».

3. Оспаривание сделок в рамках установления требований кредиторов в деле о банкротстве.

Еще одним важным механизмом оспаривания сделок должника является признание их недействительными на этапе рассмотрения требований кредиторов, основанных на такой сделке.

В абзацах 3, 4 п. 4 Постановления пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 прямо указано, что «наличие у сделки, на которой основывается требование кредитор, оснований для признания ее недействительной в соответствии со статьями 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве не может использоваться в качестве возражения при установлении этого требования в деле о банкротстве, а дает только право на подачу соответствующего заявления об оспаривании сделки в порядке, определенном этой главой. В то же время наличие в Законе о банкротстве специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 или 61.3, само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке».

Таким образом, законодательство о банкротстве предусматривает возможность оспаривания сделки, на которой основывается свое требование кредитор, только на основании злоупотребления правом (ст. 10 и 168 ГК РФ). При этом Постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 не дает ответа на вопрос: возможно ли оспаривание сделки в рамках требования кредитора по иным основаниям, предусмотренным гражданским законодательством (в частности, по основаниям, предусмотренным ГК РФ или законодательством о юридических лицах).

Дискуссионным является также вопрос об установлении запрета на оспаривание сделки по специальным основаниям гл. III.1 Закона о банкротстве в рамках рассмотрения требований кредитора (абз. 3 п. 4 Постановления пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63), который тесно связан с еще одним вопросом: на какой стадии рассмотрения дела о банкротстве должника возможно признание недействительным его сделки по специальному основанию, предусмотренному Законом о банкротстве. Несмотря на то, что законодатель дает четкие ответы на

каждый из указанных вопросов, признать такой подход однозначно удачными вряд ли возможно.

С одной стороны, на стадии рассмотрения требований кредиторов в процедуре наблюдения такой запрет представляется обоснованным, поскольку вопрос о признании должника банкротом еще не решен, а право на обращение с иском о признании сделки должника недействительной появляется только во внешнем управлении или конкурсном производстве. (п. 1 ст. 61.9 Закона о банкротстве). При этом по результатам проведения процедуры наблюдения может быть принято решение не только о введении процедуры конкурсного производства или внешнего управления. В частности, собрание кредиторов может ходатайствовать перед арбитражным судом о введении процедуры финансового оздоровления или об утверждении мирового соглашения, что впоследствии может привести к восстановлению платежеспособности должника. В этой связи предоставление права на оспаривание сделок должника по специальным основаниям уже в процедуре наблюдения может оказаться преждевременным.

С другой стороны, невозможность возражать против включения требований кредиторов в процедуру наблюдения (по специальным основаниям недействительности сделки) может привести к формированию неправомерного реестра требований кредиторов и, соответственно, принятия неправомерных решений на первом собрании кредиторов должника.

Казалось бы, логично обеспечить возможность лицам, участвующим в деле о банкротстве, возражать на требования кредиторов по любым основаниям, в том числе по специальным основаниям недействительности сделок по Закону о банкротстве. При этом указанное право предоставить как в процедуре конкурсного производства и внешнего управления, так и в иных процедурах несостоятельности (наблюдение, финансовое оздоровление). А право инициировать отдельный процесс по оспариванию сделки должника по специальному основанию Закона о банкротстве по-прежнему оставить только для процедур конкурсного производства и внешнего управления.

Однако если представить, насколько увеличатся сроки рассмотрения требований кредиторов и каким образом это повлияет на общие сроки проведения процедур банкротства, то эта законодательная инициатива уже не представляется такой безупречной. В погоне за соблюдением прав всех лиц, участвующих в деле, сама процедура банкротства может превратиться в крайне затяжное мероприятие, что ведет к неизбежному увеличению расходов на ее проведение.

Наиболее целесообразным в данном случае представляется некий компромисс. Предоставить право на возражения по специальным основаниям недействительности сделки необходимо только на той стадии, когда существует процессуальная возможность обращения с отдельным иском о признании сделки недействительной, то есть в процедурах конкурсного производства и внешнего управления. Именно такая возможность приведет к процессуальной экономии, поскольку предоставит возможность рассмотреть все вопросы относительно действительности сделки в рамках одного судебного процесса. Закрепить указанные процессуальные нормы возможно без изменения текста Закона о банкротстве путем внесения соответствующих изменений в Постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63.

§ 3. Правовые последствия признания сделки недействительной в деле о банкротстве

Общие положения о последствиях признания сделки недействительной предусмотрены в ст. 167 ГК РФ. Недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения.

При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом (ст. 167 ГК РФ). В теории права такие общие последствия принято назы-

вать двусторонней реституцией, ввиду необходимости от каждой из сторон совершения фактических действий по возврату полученного.

Применительно к правоотношениям по несостоятельности законодатель предусмотрел специальные последствия признания недействительными сделок должника, что обусловлено специфическим характером таких правоотношений. Безусловно, Закон о банкротстве полностью не исключает применение общих последствий недействительности сделки, о чем имеется прямое указание в п. 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве, корреспондирующей ст. 167 ГК РФ. А именно, все, что было передано должником или иным лицом за счет должника или в счет исполнения обязательств перед должником, а также изъято у должника по сделке, признанной недействительной в соответствии с настоящей главой, подлежит возврату в конкурсную массу. В случае невозможности возврата имущества в конкурсную массу в натуре, приобретатель должен возместить действительную стоимость этого имущества на момент его приобретения, а также убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества, в соответствии с положениями ГК РФ об обязательствах, возникающих вследствие неосновательного обогащения.

В таком случае контрагент должника по недействительной сделке приобретает право на возврат переданного должнику по сделке, а учитывая несостоятельное положение должника, получает право либо на включение в реестр требований кредиторов должника, либо – на предъявление своих требований в общем порядке (в режиме текущих требований) в зависимости от момента возникновения реституционного обязательства.

При таких обстоятельствах важным для квалификации такого требования к должнику становится определение момента, с которого действовало реституционное обязательство должника.

Как отмечает А. Э. Циндяйкина, «с одной стороны, таковым может считаться момент вынесения судом решения о применении судом реституции по оспори-мой сделке. В этом случае обязательство рассматривается как возникшее в период наблюдения, внешнего управления или конкурсного производства, требование по которому подлежит удовлетворению вне очереди. С другой стороны, буквальное

толкование п.1 и 2 ст.167 ГК РФ дает основание заключить, что все последствия недействительной сделки существуют с «обратной силой» с момента ее совершения»²³⁴. А. Э. Циндяйкина связывает возникновения реституционного обязательства должника с двумя юридическими фактами: фактом совершения недействительной сделки и фактом передачи имущества по недействительной сделке. Рассматривая такой подход, следует согласиться с мнением автора о возникновении реституционного обязательства должника с момента передачи имущества по недействительной сделке. Поэтому в случае передачи имущества до начала процедур наблюдения, внешнего управления и конкурсного производства, реституционное требование контрагента должно осуществляться путем предъявления требований в реестр требований кредиторов.

При такой ситуации происходит существенное ущемление прав контрагентов должника, поскольку реституционное требование подлежит исполнению должником лишь в рамках конкурсного производства, т. е. в порядке общей очередности требований кредиторов. На практике это означает, что добросовестный кредитор, передавший должнику по недействительной сделке эквивалентное возмещение, в действительности потерпит убытки, возвратив должнику все полученное от него по сделке и не получив обратно того, что он уже фактически исполнил в пользу должника (ввиду отсутствия имущества у последнего).

При таких обстоятельствах становится очевидно, что применение двусторонней реституции «в чистом виде» при оспаривании сделок должника нецелесообразно. Целью оспаривания является не возврат сторон в первоначальное положение с отменой всех последствий сделки как таковой, а компенсация должнику потерь, которые он понес в результате совершения сделки.

Показательной в данном случае является ситуация, описанная А.Э. Циндяйкиной и рассмотренная нами ранее в п. 1.1 § 1 гл. 2 «подозрительные сделки». Автор приходит к выводу, что «если одна коммерческая организация продает другой коммерческой организации имущество явно по заниженной цене [...], то по действительной рыночной стоимости оплачивается лишь часть имущества, а

---

²³⁴ Циндяйкина А. Э. Указ. соч. С. 167.

остальная фактически передается безвозмездно, что свидетельствует о прикрытии данной сделкой договора дарения»²³⁵.

В таком случае на первый взгляд может показаться логичным признание недействительной только части сделки (той части, которая совершена безвозмездно) и возврат в конкурсную массу только части имущества, эквивалентной части недействительной сделки, совершенной безвозмездно. Однако на практике такое «разделение» единой сделки (на действительную и недействительную части) не всегда возможно. Значительные затруднения может вызвать и разделение имущества, переданного в счет исполнения сделки на имущество, подлежащее возврату и неподлежащее. Такой подход нельзя назвать удачным. Наиболее целесообразным представляется возмещение реального ущерба должнику путем взыскания действительной стоимости переданного по недействительной сделке имущества за вычетом уже уплаченной контрагентом суммы, т. е. взыскания рыночной стоимости безвозмездно переданной части имущества по недействительной сделке.

Аналогичной позиции придерживается А.С. Гутникова, которая считает, что «независимо от того, что признается недействительным (действие или сделка должника), на уровне закона необходимо установить механизм, позволяющий устранять последствия этих действий (сделок) лишь в той части, которая касается обогащения контрагента должника»²³⁶. При таком регулировании обязанность по возврату возникала бы только в отношении полученного от должника на безвозмездной основе имущества либо полученного на возмездной основе, но только в той части, которая превышает размер встречного предоставления контрагента.

Схожую позицию относительно необходимости применения такого рода последствий высказывает Е.А. Останина, называя эти последствия «практикой сальдо-взыскания». Автор полагает, что практика взыскания разницы между рыночной стоимостью имущества, полученного по недействительной сделке, и суммы, уже уплаченной должнику (практика сальдо-взыскания), базировалась на сле-

---

²³⁵ Циндяйкина А. Э. Указ. соч. С. 167.

²³⁶ Гутникова А. С. Оспаривание сделок в ходе конкурсного производства // Законодательство. 2003. № 7. С. 58

дующем толковании ст. 61.6 Закона о банкротстве: эта «статья обязывает возвратить в конкурсную массу отчужденную по недействительной сделке вещь, а при невозможности возвратить вещь обязывает вернуть в конкурсную массу ее рыночную стоимость. Часть рыночной стоимости уже уплачена должнику, следовательно, находится в конкурсной массе. Значит, контрагент должен лишь доплатить оставшуюся часть»²³⁷.

Однако указанное толкование ст. 61.6 Закона о банкротстве не является общепринятым. Анализ судебной практики показывает, что некоторые суды исходят из того, что проведенный зачет части требования приобретателя ставит приобретателя в преимущественное положение относительно других кредиторов. Указанная позиция высказана в Постановлении АС Поволжского округа от 18 февраля 2015 № Ф06-13741/2013 по делу № А65-20322/2013. В частности, суд пришел к следующим выводам.

«Относительно последствий недействительности договоров купли-продажи от 25.04.2012 между ЗАО «Дом Мебели» и ООО «Виктория» в виде возврата последним в конкурсную массу стоимости полученного имущества за вычетом суммы, которая была уплачена покупателем должнику, судебная коллегия считает, что указанные последствия применены судами без учета положений пунктов 1, 2 статьи 61.6 Закона о банкротстве. Исходя из пунктов 1, 2 статьи 61.6 Закона о банкротстве с ООО «Виктория» должна была быть взыскана в конкурсную массу установленная судом действительная стоимость имущества на момент его приобретения, и его восстановленное требование подлежало удовлетворению в порядке Закона о банкротстве (статьи 134, 142). Проведенный судом зачет части требования ООО «Виктория» нарушает данный порядок и ставит ООО «Виктория» в преимущественное положение относительно других кредиторов»²³⁸.

---

²³⁷ Останина Е. А. *Minima de malis*: о реституции при банкротстве: комментарий к определениям Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 24.12.2015 № 303-ЭС15-11427 (1) и № 303-ЭС15-11427 (2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 3. С. 15.

²³⁸ Постановление АС Поволжского округа от 18.02.2015 № Ф06-13741/2013 по делу № А65-20322/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В этой связи значительный интерес представляет Определение ВС РФ от 21 июля 2015 г. № 303-ЭС15-2858 по делу № А51-7114/2012, в котором ВС РФ также выразил свое несогласие с практикой «сальдо-взыскания».

«Судебная коллегия считает, что суд округа, уменьшая подлежащую взысканию с Шестун Я.Ю. действительную стоимость имущества, приобретенного по признанной недействительной сделке, на сумму, уплаченную Шестун Я.Ю. должнику по этой сделке, проигнорировал специальные правила Закона о банкротстве, регулирующие последствия недействительности сделок несостоятельного должника. Правила ст.61.6 Закона о банкротстве обеспечивают равную, а значит, наиболее справедливую защиту интересов кредиторов должника, претендующих на удовлетворение своих требований за счет конкурсной массы, и исключают преимущественное удовлетворение требований кредитора, восстановившихся в результате признания недействительной соответствующей сделки должника»²³⁹.

Однако, как правильно отмечал Г.Ф. Шершеневич, в данном случае законодатель, «вставая на защиту интересов кредиторов должника, встречается с противоположными и не менее основательными интересами третьих лиц, которые, заключая сделки с несостоятельным должником, были введены в заблуждение, как и все общество и не знали истинного положения вещей»²⁴⁰.

Действительно, контрагенты должника, заключая сделку по приобретению имущества с должником, чаще всего не предполагают о несостоятельном положении последнего и планируют добросовестно использовать полученное имущество в своей деятельности. Однако конкурсный управляющий либо иной кредитор несостоятельного должника может впоследствии заявить требование о признании такой сделки недействительной, чем фактически может существенно ущемить законные интересы приобретателя. В данном случае существенное ущемление интересов будет заключаться в невозможности реального удовлетворения требований по возврату денежных средств, уплаченных по недействительной сделке должнику, после применения двусторонней реституции и возврата имущества в

---

²³⁹ Определение Верховного Суда РФ от 21 июля 2015 г. по делу № 303-ЭС15-2858, А51-7114/2012 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁰ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т 4 : Торговый процесс. Конкурсный процесс. С. 266.

конкурсную массу. Ведь максимум, на что может претендовать сторона по недействительной сделке в таком случае, – это включение в реестр требований кредиторов и удовлетворение требований в составе требований третьей очереди, т. е. на возврат около 7 процентов (согласно общероссийской статистике удовлетворения требований кредиторов в процедуре банкротства) от денежных средств, уплаченных должнику.

Указанные обстоятельства зачастую подталкивают даже добросовестных приобретателей перепродавать приобретенное у несостоятельных должников имущество и всячески затруднять его возврат в конкурсную массу. Существует распространенная практика перепродажи имущества на де-факто аффилированные структуры покупателя в случае признания банкротом продавца, что порождает возникновение в гражданском обороте мнимых сделок по купле-продаже имущества, а также различных механизмов расчета по ним, что отрицательно сказывается на экономическом обороте в целом. Изменить сложившуюся практику может применение в качестве последствий признания недействительными сделок практики сальдо-взыскания, поскольку в таком случае риски дальнейшего возврата имущества для добросовестного приобретателя в значительной степени уменьшатся, что положительно повлияет на стабильность гражданского оборота. Однако возможность применения практики сальдо-взыскания при рассмотрении вопроса о последствиях недействительности сделки до настоящего времени остается дискуссионным вопросом как в доктрине права, так и в судебной практике.

Помимо рассмотренных нами общих последствий недействительности сделок, Закон о банкротстве допускает применение специальных последствий, обусловленных самой спецификой банкротных отношений. Добавляя в Закон о банкротстве специальные нормы о последствиях признания сделок недействительными, законодатель в очередной раз подтверждает необходимость применения особых мер к недобросовестным участникам гражданского оборота.

Так, в случае признания сделки недействительной по основанию подозрительности в соответствии с п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве или по основанию оказания предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в от-

ношении удовлетворения требований в соответствии с п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, соответствующие лица приобретают право требования к должнику, которое подлежит удовлетворению в порядке, предусмотренном законодательством о несостоятельности (банкротстве), после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, включенных в реестр требований кредиторов.

При признании сделки недействительной по признаку подозрительности, в соответствии с п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, или по признаку оказания предпочтения одному из кредиторов перед другими кредиторами в отношении удовлетворения требований, в соответствии с п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве, а также по основаниям, предусмотренным ГК РФ, кредиторы и иные лица, указанные в Законе о банкротстве, приобретают право требования к должнику, которое подлежит удовлетворению в порядке, предусмотренном законодательством РФ о несостоятельности (банкротстве).

Из текста Закона о банкротстве следует, что добросовестные контрагенты должника по сделкам, признанным недействительными, которые не предполагали о неплатежеспособном состоянии должника (п. 1 ст. 61.2 или п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве), в качестве последствий недействительности сделки получают право на удовлетворение своих требований в составе кредиторов третьей очереди, т. е. наравне со всеми. Такие последствия по своей сути являются общими, т. е. двусторонней реституцией; каких-либо штрафных санкций в данном случае не применяется (если не считать штрафом сам факт возврата имущества в конкурсную массу и сомнительные перспективы удовлетворения требований в составе кредиторов должника).

Иные контрагенты должника по недействительным сделкам, чья недобросовестность (осведомленность о признаках несостоятельности должника на момент совершения сделки) будет доказана, т. е. сделка будет признана недействительной на основании п. 2 ст. 61.2 или п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, несут особые, более негативные последствия. Для таких контрагентов двусторонняя реституция в качестве последствий недействительности сделки применяется в усеченном (штрафном) порядке, а именно: после возврата полученного от должника они

приобретают право требования к должнику, которое подлежит включению «за реестр» требований кредиторов, т. е. такое требование будет удовлетворяться после всех иных требований кредиторов. Фактически такие недобросовестные кредиторы лишаются возможности удовлетворить свои требования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История возникновения конкурсного оспаривания сделок берет свое начало еще в Древнем Риме. Римское право являлось первой развитой правовой системой, и именно римляне внесли значительный вклад в развитие института несостоятельности. На начальном этапе развития римское право предусматривало значительную личную ответственность должника в процедурах банкротства. В последующем этот тренд стал меняться, и были введены ограничения такой ответственности должника. Именно для компенсации прав кредиторов, ущемленных значительной либерализацией ответственности должника, был введен так называемый *actio Pauliana*, который стал в этот период основным механизмом оспаривания сделок должника.

На современном этапе развития права нормы, регламентирующие вопросы недействительности сделок должника, содержались в ст. 28 Закона о банкротстве 1992 г., ст. 78 Закона о банкротстве 1998 г. В Законе о банкротстве нормы, регулирующие признание сделок должника недействительными, были установлены в ст. 103 Закона о банкротстве.

Действующее законодательство о банкротстве посвятило вопросу оспаривания сделок несостоятельного должника отдельную главу «Оспаривание сделок должника» (гл. III.1 Закона о банкротстве). Указанное обстоятельство в очередной раз свидетельствует о повышении интереса к исследуемому институту и увеличению его роли в проведении процедур несостоятельности.

Само по себе включение норм об оспаривании сделок в отдельную главу следует признать правильным, так как по своему смыслу оспаривание сделок является универсальным правовым институтом, позволяющим обеспечить восстановление платежеспособности при реабилитационных процедурах, а также пополнение конкурсной массы при ликвидационных процедурах.

Целесообразно выделять следующие основания для оспаривания сделок должника: основания для сделок по выводу (уменьшению) активов должника; основания для сделок по созданию искусственной кредиторской задолженности

должника, а также основания для сделок общей (универсальной) противоправности. Именно такая классификация в полной мере позволяет рассмотреть вопрос о признании недействительными сделок должника, направленных на создание искусственной кредиторской задолженности, как сделок, имеющих наибольшую общественную опасность при рассмотрении дел о банкротстве.

Высокая общественная опасность такого вида сделок выражается в целях, которые преследуют должник и его контрагент по противоправной сделке при ее совершении. Среди основных целей совершения таких сделок можно выделить:

- инициирование процедуры банкротства через аффилированное лицо для получения преимуществ заявителя;
- получение максимального контроля над процедурой банкротства;
- уменьшение процента погашения требований «реальных кредиторов» путем «размытия» их требований в реестре требований кредиторов должника;
- вывод активов должника путем формирования и погашения требований текущего кредитора либо кредитора первой – второй очереди реестра требований кредиторов.

Исходя из приведенных целей создания искусственной кредиторской задолженности, а также анализа судебной практики по оспариванию такого рода сделок, можно выделить примерный перечень обстоятельств, позволяющих выявить сделки должника, совершенные с признаком злоупотребления правом (с целью создания искусственной кредиторской задолженности). Среди таких обстоятельств целесообразно выделить:

- транзитное перечисление денежных средств (заем, предоплата по договору и т.д.);
- отсутствие рассматриваемой сделки в бухгалтерской отчетности должника и кредитора за исследуемый период;
- отсутствие финансовой возможности в передаче денежных средств по сделке (заем, предоплата по договору и т.д.);
- отсутствие реальной возможности осуществления поставки, выполнения работ, оказания услуг и т.д.;

- несоответствие предмета сделки фактическим видам деятельности должника;
- несоответствие сделки рыночным условиям в худшую для должника сторону (купля-продажа, процентный заем и т.д.);
- отсутствие экономической целесообразности сделки (поручительство, независимая гарантия, залог и т.д.).

Приведенное обобщение имеет значительный практический интерес для арбитражных управляющих и конкурсных кредиторов, поскольку такие обстоятельства наиболее часто встречаются при рассмотрении требований недобросовестных кредиторов, а наличие их в совокупности почти наверняка может свидетельствовать об искусственном характере требований кредитора. В этой связи представляется обоснованным, чтобы такое обобщение нашло отражение в разъяснениях ВС РФ.

При оспаривании сделок должника по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, доказыванию могут подлежать следующие обстоятельства: наличие пороков в сделке, осведомленность контрагента должника о несостоятельности последнего, срок совершения сделки, факт ущемления прав кредиторов должника совершенной сделкой, факт совершения сделки с заинтересованным лицом.

При этом в Законе о банкротстве не содержится четко определенного понятия заинтересованности (аффилированности). Такая ситуация обусловлена сложностью конструкции ст. 19 Закона о банкротстве, непосредственно определяющей данное понятие (использование одновременно нескольких способов изложения: прямое перечисление лиц, отсылка к иным нормативным актам и т.д.). Предлагается закрепить новую дефиницию, в соответствии с которой **«заинтересованные (аффилированные) лица – это физические и юридические лица, способные оказывать как непосредственно, так и опосредованно влияние (контроль) на деятельность юридических и (или) физических лиц, преследуя реализацию своих личных интересов или интересов третьих лиц, противоречащих интересам должника».**

Помимо прочего, Закон о банкротстве не содержит сколько-нибудь обоснованного способа определения «неравноценности встречного предоставления», что вызывает дополнительные вопросы при рассмотрении обособленных споров по оспариванию сделок. Предлагается сформулировать новое понятие «обычный рыночный дисконт», что будет означать такие условия (стоимость имущества, работ, услуг или иного предоставления должника, размер обеспечения и т.д.), которые не более чем на 20 процентов в худшую для должника сторону отличаются от обычно совершаемых сделок. Практическое значение указанного вывода заключается в том, чтобы исключить из правового регулирования п. 1. ст. 61.2 Закона о банкротстве сделки, заключаемые в рамках обычного рыночного дисконта, т. е. незначительно отличающиеся от рыночных сделок должника.

Действующее законодательство предусматривает применение к нарушителям, допустившим заключение недействительной сделки с должником, общих последствий ее недействительности, а именно – двусторонней реституции. При этом вопрос обоснованности применения таких последствий до настоящего времени остается дискуссионным, ведь контрагент должника по недействительной сделке после возврата имущества (либо иного предоставления по сделке) в конкурсную массу, получает лишь право на включение в реестр требований кредиторов должника с соответствующим реституционным требованием. Реализация такого права не является в полной мере приведением в первоначальное положение, поскольку рассчитывать на полное погашение своих требований кредитором в данном случае не приходится. В качестве одного из вариантов решения указанной проблемы в настоящем диссертационном исследовании предлагается ввести в практику «сальдо-взыскания». Смысл данной конструкции сводится к возмещению реального ущерба должнику путем взыскания действительной стоимости переданного по недействительной сделке имущества за вычетом уже уплаченной контрагентом суммы, т. е. взыскания рыночной стоимости безвозмездно переданной части имущества по недействительной сделке. Применение такой конструкции соотносится с истинной целью оспаривания сделок, которая заключается не в возврате сторон в первоначальное положение с отменой всех последствий сделки как тако-

вой, а в компенсации должнику потерь, которые он понес в результате совершения сделки. При этом применение такой конструкции необходимо допустить только в отношении тех лиц, которые совершили недействительную сделку без умысла, т. е. не были осведомлены о противоправном характере сделки.

Между тем обоснованным представляется применение максимально неблагоприятных последствий к тем лицам, которые совершили противоправные сделки с умыслом. В таком случае к ним не только не должна применяться конструкция «сальдо-взыскания», но и их реституционные требования могут удовлетворяться только после всех иных требований кредиторов. Удовлетворение требований в таком порядке фактически лишает недобросовестных кредиторов возможности и удовлетворения своих требований.

Существенный практический интерес при проведении процедур банкротства представляют также процессуальные аспекты оспаривания сделок должника, а именно: круг лиц, имеющих право на оспаривание, сроки оспаривания, подсудность исков об оспаривании. Та или иная совокупность приведенных аспектов образует несколько механизмов конкурсного оспаривания сделок должника, а именно: оспаривание сделок в рамках отдельного иска в деле о несостоятельности (банкротстве) должника, оспаривание сделок несостоятельного должника в общегражданском порядке и оспаривание сделок в рамках установления требований кредиторов в деле о банкротстве.

Таким образом, в настоящей работе автором были решены все поставленные перед диссертационным исследованием задачи, направленные на комплексный анализ вопросов оспаривания сделок несостоятельного должника, определение эффективности существующего законодательства в отношении указанных правоотношений и выработку конкретных предложений по его совершенствованию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ.

ГАС РФ Правосудие – Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие».

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

ГК РСФСР 1922 г. – Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Закон о банкротстве 1992 г. – Закон Российской Федерации от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий».

Закон о банкротстве 1998 г. – Федеральный закон Российской Федерации от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Закон о банкротстве – Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Закон 2009 г. №73-ФЗ – Федеральный закон от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 – Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

ПФ России – Пенсионный фонд России.

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации.

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации.

ВАС РФ – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации.

ФАС – Федеральный арбитражный суд.

ФНС России – Федеральная налоговая служба России.

ФСС России – Фонд социального страхования России.

АС – Арбитражный суд.

ААС – Арбитражный апелляционный суд

СПС «КонсультантПлюс» – справочная правовая система «Консультант-Плюс».

СРО – саморегулируемая организация.

Ведомости СНД и ВС РФ – «Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации».

Ведомости СНД и ВС РСФСР – «Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР».

ЭЖ-Юрист – «Экономика и жизнь-Юрист».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. (в ред. от 26 ноября 2001г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.
4. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 18 (ч. 1). – Ст. 2153.
6. О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 (в ред. от 26 июля 2006г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 499.
7. Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства : постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 52 (ч. 2). – Ст. 5519.
8. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 222 (утратил силу).

9. О несостоятельности (банкротстве) предприятий : закон РФ от 19 ноября 1992 г. № 3929-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 1. – Ст. 6. (утратил силу).

10. Об экономической несостоятельности (банкротстве) : закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (<http://www.pravo.by>), дата обращения 24 июля 2012г.

11. Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017г.) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 27. – Ст. 3945.

12. О публично-правовой компании по защите прав граждан - участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 29 июля 2017 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (ч. 1). – Ст. 4767.

13. О выплатах Банка России по вкладам физических лиц в признанных банкротами банках, не участвующих в системе обязательного страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации : федер. закон от 29 июля 2004 г. № 96-ФЗ (в ред. от 22 декабря 2014г.) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3232.

14. О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций: Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 9. – Ст. 1097. (утратил силу).

15. Об особенностях несостоятельности (банкротства) субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса : федер. закон от 24 июня 1999 г. № 122-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3179 (утратил силу).

Материалы правоприменительной практики

16. О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» : постановление Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 (в ред. от 30 июля 2013г.) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 7.

17. О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» : информационное письмо Президиума ВАС РФ от 27 апреля 2010 г. № 137 // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 6.

18. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 (в ред. от 30 июля 2013г.) // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

19. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 // Бюллетень ВС РФ. – 2015. – № 12.

20. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве : постановление Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35 // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 8.

21. О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве : постановление Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 63 (в ред. от 06 июня 2014г.) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 9.

22. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «АКБ «Первый инвестиционный» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 153 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 95-О [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

23. Определение АС Иркутской области от 13 августа 2015 г. по делу № А19-8500/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

24. Определение АС Иркутской области от 13 августа 2015 г. по делу № А19-8500/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

25. Определение АС Иркутской области от 22 июня 2016г. по делу № А19-20544/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

26. Определение АС Челябинской области от 15 марта 2018 г. №А76-11498/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

27. Определение ВАС РФ от 11 апреля 2013 г. № ВАС-3308/13 по делу № А03-9946/2011 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

28. Определение ВАС РФ от 11 мая 2011 г. № ВАС-4840/11 по делу № А33-8059/2010 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

29. Определение ВАС РФ от 20 мая 2013 г. № ВАС-5739/13 по делу № А76-21207/2011 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

30. Определение ВАС РФ от 6 ноября 2007 г. № 10604/07 по делу № А39-3951/06-360/17 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

31. Определение ВС РФ от 07 июня 2018 г. № 305-ЭС18-6649 по делу № А41-26995/2012 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

32. Определение ВС РФ от 10 мая 2016 г. по делу № 304-ЭС15-17156, А27-2836/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

33. Определение ВС РФ от 11 декабря 2017 г. № 309-ЭС17-17970 по делу № А60-27230/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

34. Определение ВС РФ от 11 июля 2017 г. № 305-ЭС17-2110 по делу № А40-201077/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

35. Определение ВС РФ от 16 июля 2018 г. № 304-ЭС18-9098 по делу № А03-3644/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

36. Определение ВС РФ от 16 февраля 2017 г. № 307-эс16-3765(4,5) по делу № А66-4283/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

37. Определение ВС РФ от 16 февраля 2017 г. № 307-эс16-3765(4,5) по делу № А66-4283/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

38. Определение ВС РФ от 21 июля 2015 г. по делу № 303-ЭС15-2858, А51-7114/2012 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

39. Определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 06 августа 2013 г. по делу № 33-9117/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

40. По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых Арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц : постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 12. – Ст. 1138.

41. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03 сентября 2014 г. по делу № А19-10607/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

42. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 02 октября 2017 г. № Ф02-5152/2017, Ф02-5153/2017 по делу № А19-11413/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

43. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 1 марта 2017 г. № Ф02-507/2017 по делу № А33-21473/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

44. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 12 мая 2017 г. № Ф02-1307/2017, Ф02-1381/2017 по делу № А74-8356/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

45. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 12 октября 2016 г. № Ф02-4416/2016 по делу № А33-15895/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

46. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 13 июля 2015 г. № Ф02-3398/2015 по делу № А19-8500/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

47. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 14 июня 2016 г. № Ф02-2794/2016 по делу № А10-2814/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

48. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 16 июля 2015 г. № Ф02-5399/2014, Ф02-2389/2015 по делу № А33-19060/2012 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

49. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 16 февраля 2017 г. № Ф02-8149/2016 по делу № А19-7040/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

50. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 2 сентября 2017 г. № Ф02-2459/2017 по делу № А58-7910/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

51. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 21 сентября 2017 г. № Ф02-4473/2017 по делу № А19-10061/2016 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

52. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 24 марта 2017 г. № Ф02-365/2017, Ф02-368/2017 по делу № А19-11413/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

53. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 24 ноября 2016 г. № Ф02-6475/2016 по делу № А33-8409/2015 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

54. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 24 января 2017 г. № Ф02-7762/2016 по делу № А58-6179/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

55. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 24 ноября 2016 г. № Ф02-6475/2016 по делу № А33-8409/2015 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

56. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 25 мая 2017 г. № Ф02-2412/2017 по делу № А19-1813/2015 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

57. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 27 октября 2015 г. № Ф02-5055/2015 по делу № А19-12214/2011 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

58. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 28 июля 2015 г. № Ф02-3363/2015 по делу № А19-12377/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

59. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 28 сентября 2017 г. № Ф02-5137/2017 по делу № А19-21252/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

60. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 30 августа 2017 г. № Ф02-4471/2017 по делу № А19-18591/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

61. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 30 января 2017 г. № Ф02-7537/2016 по делу № А19-23067/2012 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
62. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 4 февраля 2015 г. № Ф02-6339/2014 по делу № А74-2276/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
63. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 4 сентября 2017 г. № Ф02-4478/2017 по делу № А19-10061/2016 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
64. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 7 августа 2017 г. № Ф02-3486/2017 по делу № А58-2028/2015 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
65. Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 7 апреля 2017 г. № Ф02-883/2017 по делу № А58-966/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
66. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 02 февраля 2018 г. № Ф04-6019/2017 по делу № А70-8529/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
67. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 21 августа 2017 г. № Ф04-6662/2016 по делу № А46-165/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
68. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 28 февраля 2017 г. № Ф04-25573/2015 по делу № А45-1150/2015 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
69. Постановление АС Иркутской области от 14 ноября 2016 г. № Ф02-5700/2016 по делу № А33-19417/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
70. Постановление АС Иркутской области от 24 февраля 2016 г. № Ф02-7885/2015 по делу № А19-11413/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

71. Постановление АС Московского округа от 27 марта 2017 г. № Ф05-15651/2015 по делу № А40-72947/14 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

72. Постановление АС Поволжского округа от 04 июня 2018г. № Ф06-24408/2017 по делу № А49-3941/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

73. Постановление АС Поволжского округа от 18 февраля 2015 г. № Ф06-13741/2013 по делу № А65-20322/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

74. Постановление АС Поволжского округа от 28 декабря 2016 г. № Ф06-16268/2016 по делу № А65-31302/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

75. Постановление АС Северо-Западного округа от 12 сентября 2016 г. по делу № А21-8962/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

76. Постановление АС Северо-Западного округа от 21 августа 2017 г. № Ф07-6414/2017 по делу № А56-72910/2013 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

77. Постановление АС Северо-Западного округа от 22 августа 2017 г. № Ф07-8424/2017 по делу № А52-593/2016 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

78. Постановление АС Северо-Западного округа от 22 августа 2018 г. № Ф07-10195/2018 по делу № А13-10654/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

79. Постановление АС Северо-Западного округа от 25 апреля 2018 г. № Ф07-3462/2018 по делу № А56-68290/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

80. Постановление АС Северо-Западного округа от 25 августа 2016 г. № Ф04-1392/2016 по делу № А27-23327/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

81. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 06 июля 2018 г. № Ф08-5030/2018 по делу № А63-5481/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

82. Постановление АС Северо-Кавказского округа от 25 октября 2016 г. № Ф08-7499/2016 по делу № А22-4741/2014 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

83. Постановление АС Уральского округа от 04 июня 2018 г. № Ф09-8966/17 по делу № А60-1864/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

84. Постановление АС Уральского округа от 11 июня 2015 г. № Ф09-7605/14 по делу № А07-17692/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

85. Постановление АС Уральского округа от 15 января 2018 г. № Ф09-383/16 по делу № А47-8725/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

86. Постановление АС Уральского округа от 17 июля 2018 г. № Ф09-12211/16 по делу № А50-29254/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

87. Постановление АС Уральского округа от 26 марта 2018 г. № Ф09-1166/17 по делу № А60-12782/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

88. Постановление АС Уральского округа от 29 января 2018 г. № Ф09-6512/17 по делу № А60-60921/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

89. Постановление АС Уральского округа от 30 января 2018 г. № Ф09-1534/17 по делу № А50-4210/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

90. Постановление Второго ААС от 07 июня 2016 г. № 02АП-3510/2016 по делу № А29-6927/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

91. Постановление Второго ААС от 17 ноября 2014 г. № 02АП-8792/14 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

92. Постановление Девятого ААС от 10 августа 2018 г. № 09АП-23832/2018 по делу № А40-178178/17 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

93. Постановление Девятого ААС от 27 декабря 2016 г. № 09АП-49247/2016, 09АП-52300/2016 по делу № А40-72947/14 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

94. Постановление Девятого ААС от 31 марта 2017 г. № 09АП-2481/2017-ГК по делу № А40-81215/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

95. Постановление Десятого ААС от 14 октября 2014 г. № 10АП-11417/14 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

96. Постановление Одиннадцатого ААС от 13 января 2010 г. по делу № 11АП-9642/2009 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

97. Постановление Первого ААС от 01 октября 2018 г. № 01АП-2304/2018 по делу № А43-3538/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

98. Постановление Пятнадцатого ААС от 25 февраля 2018 г. № 15АП-716/2018 по делу № А53-16518/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

99. Постановление Седьмого ААС от 12 апреля 2012 г. № 07АП-2145/12 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

100. Постановление Седьмого ААС от 17 сентября 2009 г. № 07АП-6438/2009 (2) по делу А03-1451/2009 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

101. Постановление Седьмого ААС от 3 июня 2015 г. № 07 АП-1669/14 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

102. Постановление Семнадцатого ААС от 21 марта 2018 г. № 17АП-3916/2016-АК по делу № А50-29254/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

103. Постановление Семнадцатого ААС от 24 августа 2018 г. № 17АП-18109/2015-АК по делу № А60-3392/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

104. Постановление Семнадцатого ААС от 24 апреля 2017 г. № 17АП-18818/2015-ГК по делу № А50-21795/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

105. Постановление Третьего ААС от 27 октября 2011 г. по делу № А33-18269/2009к52 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

106. Постановление Тринадцатого ААС от 26 марта 2013 г. по делу № А56-58340/2011/з10 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

107. Постановление Тринадцатого ААС от 30 июля 2018 г. № 13АП-15761/2018 по делу № А56-71116/2017/тр.7 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

108. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 25 июля 2012 г. по делу № А43-19517/2009 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

109. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 25 июля 2012 г. по делу № А43-19517/2009 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

110. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 11 июля 2011 г. по делу № А33-18269/2009 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

111. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 18 марта 2014 г. по делу № А69-845/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

112. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 20 марта 2012 г. № Ф03-572/2012 по делу № А24-1705/2011 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

113. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24 февраля 2012 г. по делу № А45-6007/2011 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

114. Постановление ФАС Поволжского округа от 26 ноября 2013 г. по делу № А12-9835/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

115. Постановление ФАС Поволжского округа от 30 апреля 2013 г. по делу № А57-8702/2010 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

116. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 11 декабря 2013 г. по делу № А56-15722/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

117. Постановление ФАС Уральского округа от 21 августа 2012 г. по делу № Ф09-414/11 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

118. Постановление ФАС Центрального округа от 7 июня 2012 г. по делу № А35-7751/2010 [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

119. Постановление Четвертого ААС от 16 ноября 2015 г. № 04АП-3208/2015 по делу № А19-20011/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

120. Постановление Четвертого ААС от 20 ноября 2014 г. по делу № А19-4085/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Научные и учебные издания

121. Байбак В. В. Сделки, представительство, исковая давность // поста-тейный комментарий к статьям 153 - 208 Гражданского кодекса Российской Фе-дерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; отв. ред. А.Г. Карапе-тов. М.: М-Логос, 2018. [Электронное издание. Редакция 1.0] 1264 с.
122. Белов В. А. Поручительство. Опыт теоретической конструкции и обобщения арбитражной практики. – М. : ЮрИнфоР, 1998. – 231 с.
123. Белых В. С., А. А. Дубинчин, Скуратовский М. Л. Правовые основы несостоятельности (банкротства) : учеб-практ. пособие. ; под общ. ред. В. С. Яку-шева. – М. : НОРМА – ИНФРА-М, 2001. – 320 с.
124. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. – М. : Статут, 2001. – Кн. 1 : Общие положения. – 848 с.
125. Бычков А. И. Проведение расчетных операций: способы, специфика и риски. – М. : Инфотропик Медиа, 2016. – 400 с.
126. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса; авт. предисл., ред. В. А. Томсинов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. – М. : Зерца-ло, 2003. – 442 с. (Русское юридическое население).
127. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1911. – Т. 1 : Часть общая. – 780 с.
128. Генкин Д. М. Недействительность сделок, совершенных с целью, про-тивной закону // Учен. зап. / Всесоюзный ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР ; ред. кол.: И. Т. Голяков [и др.]. – М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1947. – Вып. 5. – С. 404.
129. Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литера-туре. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1893. – 236 с.
130. Гольмстен А. Х. Юридические исследования и статьи : [в 2 т.]. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1913. – Т. 2. – 467 с.

131. Гонгало, Б. М. Учение об обеспечении обязательств : вопросы теории и практики. – М. : Статут, 2004. – 222 с.
132. Гражданский кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий / В. В. Андропов, К. П. Беляев, Б. М. Гонгало [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2011. – Ч. 1. – 1326 с.
133. Гражданское право: Актуальные проблемы теории и практики / А. Б. Бабаев, С. А. Бабкин, Р. С. Бевзенко [и др.] ; под общ. ред. В. А. Белова. М. : Юрайт-Издат, 2007. – 994 с.
134. Grimm Д. Д. Лекции по догме римского права : пособие для слушателей. – 5-е изд., испр. и доп. – СПб. : Государственная Типография, 1916. – 409 с.
135. Grimm Д. Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права / Д. Д. Grimm. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1900. – Т. 1 : Прологомены. К общей теории гражданского права. – 300 с.
136. Grimm Д. Д. Очерки по учению об обогащении. – Вып. 3. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. – 212 с.
137. Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве: Теория и практика оспаривания. – М. : Бератор-Пресс, 2003. 576 с.
138. Дождев Д. В. Римское частное право : учебник для вузов ; под ред. В. С. Нерсесянца. – М. : ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – 704 с.
139. Долинская В. В. Акционерное право: Основные положения и тенденции. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 736 с.
140. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. – М. : Зерцало, 2004. – Т. 2 : Учение о вещах ; Учение о юридической сделке. – 320 с. – (Русское юридическое наследие).
141. Егоров А. В. Залог и банкротство: актуальные вопросы // Несостоятельность (банкротство) : научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / В. В. Витрянский, В. В. Бациев, А. В. Егоров [и др.] ; под ред. В. В. Витрянского. – М. : Статут, 2010. – С. 27–85.

142. Егоров Ю. П. Правовой режим сделок как средств индивидуального регулирования. Новосибирск : Наука, 2004. 364 с.
143. Ершов В. В. Судебное правоприменение : (Теоретические и практические проблемы) ; Прав. акад. – М. : Б. и., 1991. – 95 с.
144. Ефимов В. В. Догма римского права. Общая часть : лекции. – СПб. : Типография В. С. Балашева и К, 1893. – 269 с.
145. Зайцев О. Р. Оспаривание сделок при банкротстве: о некоторых новеллах закона № 73-ФЗ // Несостоятельность (банкротство) : научно-практ. комментарий новелл законодательства и практики его применения / В. В. Витрянский, В. В. Бациев, А. В. Егоров [и др.] ; под ред. В. В. Витрянского. – М. : Статут, 2010. – С. 86–117.
146. Исаченко В. Л. Русское гражданское судопроизводство : практ. руководство для студентов и начинающих юристов. – 3-е изд., доп. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1910. – Т. 2 : Судопроизводство охранительное и конкурсное. – 638 с.
147. Карапетов А. Г. Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. – М. : Статут, 2012. Т. 1 : Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. – 452 с.
148. Карелина С. А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности ; вступ. ст. Е. П. Губина. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 551 с.
149. Киселев А. А. Недействительные сделки: проблемы составов, квалификации и правовых последствий : монография ; под ред.: В. А. Рыбакова. – М. : Юрист, 2004. 160 с.
150. Клеандров, М. И. Статус судьи: Правовой и смежные компоненты; РАН. Ин-т гос-ва и права. – М. : Норма, 2008. – 446 с.
151. Колиниченко Е. А. Защита интересов неплатежеспособного должника при банкротстве: сравнительно-правовой анализ. – М. : Статут, 2002. – 208 с.
152. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой : постатейный / авт. кол.: Г. Е. Авилов, В. В. Безбах, М. И. Брагинский [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садилов ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – 3-е изд., испр., доп. и перераб. с

использованием судебно-арбитражной практики. – М. : Юрид. фирма «Контракт» ; Издательский Дом «Инфра-М», 2005. – 1062 с.

153. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / авт. кол.: Т. Е. Абова, З. С. Беляева, Е. Н. Гендзехадзе [и др.]); под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина ; Ин-т гос-ва и права РАН. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – Т. 1. – 1069 с. (Профессиональные комментарии).

154. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» : постатейный / А. М. Баринов, А. Ю. Бушев, О. А. Городов [и др.] ; под ред. В. Ф. Попондопуло. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект : Кнорус, 2016. – 1200 с.

155. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права : в 2 т. ; науч. ред. тома В. С. Ем ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра гражданского права юрид. фак. – М. : Статут, – 2005. Т. 2. 2005. 494 с. (Классика российской цивилистики).

156. Кузнецов С. А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства) : монография. – М. : Инфотропик Медиа, 2015. – 304 с.

157. Малышев К. И. Исторический очерк конкурсного процесса. – СПб. : Типография Товарищества «Общественная Польза», 1871. – 455 с.

158. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч.; ред. кол.: Е. А. Суханов, В. С. Ем, С. М. Корнеев; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра гражданского права юридического факультета. – репринт. изд. – М. : Статут, 1997. Ч. 1. – 1997. 290 с. – (Классика российской цивилистики).

159. Научно-практический комментарий к Гражданскому Кодексу Российской Федерации, части первой / авт. кол.: Н. Н. Агафонова, С. В. Артеменков, В. В. Безбах [и др.] ; под ред. В. П. Мозолина, М. Н. Малеиной. – М. : Норма, 2004. – 848 с. – (Комментарии «Нормы»).

160. Нефедьев Е. А. Судопроизводство торговое. Конкурсный процесс : из лекций. – М. : Изд. Общества взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1908. – 105 с.

161. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность; Всесоюзный ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – М. : Госюриздат, 1954. – 247 с.
162. Папкина О. А. Усмотрение суда. – М. : Статут, 2005. – 413 с.
163. Перетерский И. С. Сделки, договоры; РАНИОН. Ин-т советского права. – М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. 84 с.
164. Попондопуло В. Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб. пособие; Санкт-Петербургский гос. ун-т. Юрид. фак. – СПб. : Юрист, 2001. – 331 с. (Institutiones).
165. Пустовалова Е. Ю. Судьба требований кредиторов при банкротстве должника. – М. : Статут, 2003. – 270 с. – (Актуальные проблемы законодательства о банкротстве).
166. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия; Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1960. – 171 с.
167. Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству; Всесоюзный ин-т юрид. наук. М. : Юрид. лит., 1963. 286 с.
168. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. – М. : Статут, 2005. – 636 с.
169. Сарбаш С. В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств. – 2-е изд., испр. – М. : Статут, 2003. – 250 с.
170. Семина А. Н. Банкротство: вопросы правоспособности должника – юридического лица. – М. : Экзамен, 2003. – 128 с.
171. Сергеев А. П. Некоторые вопросы недействительности сделок // Очерки по торговому праву : сб. науч. тр. Вып. 11 / Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова ; ред. кол.: Е. А. Крашенинников (отв. ред.) [и др.]. – Ярославль, 2004. – 93 с.
172. Скловский К. И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). 2-е изд. – М. : Статут, 2016. – 176 с.

173. Тархов, В. А. Гражданское право: Общая часть: [курс лекций]; Саратовская гос. академия права; Чебоксарский кооперативный ин-т Московского ун-та потреб. кооперации. – Чебоксары : Чувашское книжное изд-во, 1997. – 332 с.

174. Телюкина М. В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)»; отв. ред. А. Ю. Кабалкин. – М. : БЕК, 1998. – 510 с. (Комментарий для специалистов).

175. Телюкина М. В. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / М. В. Телюкина ; Ин-т гос-ва и права РАН. – М. : Юрайт, 2003. – 591 с. (Профессиональные комментарии).

176. Телюкина М. В. Основы конкурсного права; РАН. Ин-т гос-ва и права. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 560 с.

177. Телятников В. И. Убеждение судьи; Ассоциация «юридический центр». – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 331 с.

178. Толстой В. С. Исполнение обязательств. – М. : Юрид. лит., 1973. – 208 с.

179. Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки: Пандектное учение и современное право. – М. : Статут, 2006. – 204 с.

180. Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. – М. : Статут, 2007. – 206 с.

181. Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. – М. : Статут, 2007. – 602 с. (Б-ка «Цивилистические исследования»).

182. Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву; вступит. ст. Ю. Н. Власова. – 2-е изд., доп. – М. : Юрайт, 2000. – 164 с. (Новая деловая книга. Юридический практикум).

183. Химичев В. А. Защита прав кредиторов при банкротстве. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 184 с. (Б-ка профессионала).

184. Шахматов В. П. Сделки, совершенные с целью, противной интересам государства и общества : учеб. пособие; отв. ред. И. В. Федорова ; Томский гос. ун-т им. Куйбышева. Юрид. фак. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1966. – 140 с.

185. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права; ред. В. В. Витрянский ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Кафедра гражданского права юрид. фак. – М. : Статут, 2003. – Т. 4 : Торговый процесс. Конкурсный процесс. – 550 с. (Классика российской цивилистики).

186. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. – 9-е изд. – М. : Издание Бр. Башмаковых, 1911. – 851 с.

187. Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. – Казань, 1890. – 446 с.

188. Шестакова Н. Д. Недействительность сделок; науч. ред. Н. А. Чечина ; Ассоциация юрический центр. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 306 с. (Теория и практика гражданского права и гражданского процесса).

Статьи в научных журналах и сборниках

189. Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. – 1946. – № 3-4. – С. 41–55.

190. Астафуров А. Ю. Оспаривание сделок по «банкротным» основаниям // Адвокат. – 2017. – № 3. – С. 2.

191. Аюрова А. А. Критерий осведомленности при оспаривании сделок с предпочтением по законодательству о банкротстве // Журнал российского права. – 2014. – № 7. – С. 127–133.

192. Буковский В. И. Actio pauliana по законам Прибалтийского края // Журнал Министерства юстиции. – 1908. – № 2. – С. 120–138.

193. Витрянский В. В. Реформа законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Вестник ВАС РФ. Специальное приложение. 1998. № 2. С. 80–81.

194. Галкин С. С. Вопросы оспаривания мирового соглашения, заключенного несостоятельным должником в исковом производстве // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7. – С. 1381–1388.

195. Grimm Д. Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам (По поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу) // Вестник гражданского права. – 1915. – № 6. – С. 10–53; № 7. – С. 52–95.

196. Гринь О. С. Понятие и природа поручительства как способа обеспечения исполнения обязательств // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 2. – С. 381–393.

197. Гутникова А. С. Оспаривание сделок в ходе конкурсного производства // Законодательство. – 2003. – № 7. – С. 58.

198. Ершов В. В. Судебное усмотрение? Индивидуальное судебное регулирование? // Российское правосудие. – 2013. – № 8. – С. 5–16.

199. Замотаева Т. Б. Проблемы правового регулирования независимой гарантии // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 1. – С. 21–24.

200. Иванова С.А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательственном праве // Законодательство и экономика. 2005. № 4. С. 8.

201. Каменева П. В. Понятие и признаки аффилированных лиц в свете российского антимонопольного законодательства // Налоги (газ.). – 2006. – № 22.

202. Карелина С. А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. – 2012. – № 4. – С. 22–26.

203. Ковалев С. И. Отдельные проблемы оспаривания в рамках процедуры банкротства сделок «с предпочтением» // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2014. – № 2. – С. 67–74.

204. Кораев К. Б. Новеллы законодательства о банкротстве: оспаривание сделок должника // Безопасность бизнеса. – 2009. – № 3. – С. 21–25.

205. Корельский А., И. Дедковский. Оспаривание платежей должника: недостатки закона и возможности для злоупотребления // Корпоративный юрист. – 2013. – № 3. – С. 38–41.
206. Кошин В. Оспаривание сделок банкрота // ЭЖ-Юрист. – 2011. – № 28. – С. 8.
207. Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 45-49.
208. Ломакин Д. В. Крупные сделки в гражданском обороте // Законодательство. – 2001. – № 3. – С. 126
209. Лутфуллин Л. З. Обзор изменений законодательства и судебной практики в сфере несостоятельности (банкротства) в 2015 г. // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 6. – С. 253–259.
210. Мифтахутдинов Р. Т. Реформирование законодательства о банкротстве в части совершенствования реабилитационных процедур // Предпринимательское право. Прил. «Право и Бизнес». – 2016. – № 3. – С. 37–40.
211. Никитина О. А. Конкурное производство // Бизнес-адвокат. – 1998. – № 15-16. – С. 158.
212. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6. – С. 56–90; № 7. – С. 85–106; № 8. – С. 87–108.
213. Останина Е. А. *Minima de malis*: о реституции при банкротстве : комментарий к определениям Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 24.12.2015 № 303-ЭС15-11427 (1) и № 303-ЭС15-11427 (2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 3. – С. 12–16.
214. Петелько Д. Статус конкурсных кредиторов // Арбитражный управляющий. – 2011. – № 6. – С. 40–46.
215. Петражицкий Л. И. Иски о незаконном обогащении в 1 части X тома (К характеристике современной юриспруденции) // Вестник права. – 1900. – № 1. – С. 1–32; № 2. – С. 1–31; № 3. – С. 19–47; № 4–5. – С. 50–96. – [Статья полностью не была опубликована].

216. Попондопуло В. Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 1. – С. 44–52.

217. Рухтин С. А. Правоспособность несостоятельного юридического лица // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 26–27.

218. Самойлов Е. Ю. Добросовестность как предпосылка защиты приобретателя в гражданском обороте // Вестник гражданского права. – 2009. – № 3. – С. 66–101.

219. Свит Ю.П. Понятие и значение добросовестности и разумности в современном российском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 3-10.

220. Себякина Е. П. Притворные и подозрительные сделки: сравнительный анализ [Электрон. ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из С «КонсультантПлюс».

221. Скловский К. И. О природе сделки и передаче права // Закон. – 2010. – № 6. – С. 129–146.

222. Сысоева О. В. Обеспечение исполнения обязательств должника как признак «предпочтительности» в удовлетворении требований кредитора // Юрист. – 2013. – № 4. – С. 30–35.

223. Сысоева О. В. Паулианов иск как способ защиты в процедурах банкротства // Право и экономика. – 2011. – № 10. – С. 74–79.

224. Телюкина М. В. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 12. – С. 76–98.

225. Терновая О. А. Согласие на совершение крупной сделки унитарным предприятием: теоретические и практические аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 12. – С. 47–51.

226. Ткачёв В. Н., Телюкина М. В. Концептуальные особенности опровержения сделок в конкурсном праве // Закон. – 2011. – № 8. – С. 63–66.

227. Тузов О. Д. Общие вопросы недействительности сделок в проекте Концепции совершенствования Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 6. – С. 6–42.

228. Улезко А. Кредиторы могут объединиться против должника? // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 19. – С. 2.

229. Химичев В. А. Перспективные направления совершенствования правового регулирования в сфере несостоятельности (банкротства) // Вестник ВАС РФ. – 2005. – № 6. – С. 149–164.

230. Хоуман М. Роль режима несостоятельности в рыночной экономике // Вестник ВАС РФ: Специальное приложение к № 3. – М. : ЮРИТ-Вестник, 2001. – С. 34–46.

231. Чехомова В. Е. Оспаривание сделок должника в рамках конкурсного производства // Арбитражный управляющий. – 2017. – № 4. – С. 36 - 37.

232. Шишмарева Т.П. О согласии на совершение сделок должником в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России : опыт, анализ, практика. – 2014. – № 12. – С. 57 - 61.

233. Эрлих М. А. Признание сделок должника недействительными как средство удовлетворения требований кредиторов и восстановления платежеспособности // Законодательство. – 2012. – № 5. – С. 31–40.

Диссертации и авторефераты диссертаций

234. Прилуцкая М. З. Недействительность сделок по ст. 30 ГК РСФСР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук; Всесоюзный ин-т юрид. наук Министерства юстиции СССР. М., 1951. 17 с.

235. Пирогова Е. С. Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц – должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03; [Место защиты: Гос. ун-т – Высш. шк. экономики]. – М., 2010. – 170 с.

236. Соколова Н. В. Недействительные сделки в процедурах несостоятельности (банкротства) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – М., 2006. – 180 с.

237. Фомичева Н. В. Правовое регулирование создания и деятельности акционерных обществ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Саратов, 2000. – 182 с.

238. Хейфец Ф. С. Недействительность сделок по советскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук; Науч. рук. Я. А. Куник ; Моск. ин-т народного хоз-ва им. Г. П. Плеханова. – М., 1972. – 16 с.

239. Циндяйкина А. Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03; [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т]. – М., 2012. – 201 с.

240. Эбралидзе Л. Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03; [Место защиты: ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»]. – Казань, 2014. – 212 с.

Работы зарубежных авторов

241. Барак А. Судейское усмотрение = Judicial Discretion; пер. с англ.; науч. ред. В. А. Кикоть, Б. А. Страшун; вступ. ст. М. В. Баглая. – М. : Норма, 1999. – 364 с.

242. Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн.; авт. предисл. В. В. Байбак ; Ассоциация Юрид. центр. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. – 1102 с. (Антология юридической науки).

243. Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып. 1. Кн. 1: Общая часть; пер. с нем. Л. Петражицкого. – 2-е изд., испр. – СПб. : Издание московского юридического магазина А. Ф. Скорова, 1898. – 260 с.

244. Дернбург Г. Пандекты; пер. с нем. под рук. и ред. П. Соколовского. – 3-е изд., просмотренное и согласованное с 7 изданием подлинника А. Э. Вормсом и И. И. Вульффертом. – М., 1911. Т. 2 : Вып. 3 : Обязательственное право. – 396 с.

245. Дернбург Г. Пандекты; под ред. П. Соколовского; пер. с нем. Г. фон Рехенберга. – М. : Университет. тип., 1906. – Т. 1 : Общая часть. – 465 с.

246. Дигесты Юстиниана = *Digesta Iustiniani* / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Юрид. фак. ; РАН. Ин-т всеобщей истории. Центр изучения римского права ; ред кол.: Л. Л. Кофанов (отв. ред) [и др.] ; пер. с лат. А. Л. Смышляев [и др.]. – М. : Статут, 2005. – Т. 6. Полум 2. – 564 с. (Золотая коллекция «КонсультантПлюс»).

247. Эннекцерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права = *Lehrbuch des Bürgerlichen rechts*; под ред. и с предисл. Д. М. Генкина, И. Б. Новицкого ; пер. с нем. И. Б. Новицкого [и др.]. – М. : Иностранная лит., 1950. – Т. 1. Полум 2 : Введение и общая часть. – 483 с.

248. Baader H. *Der Rechtsmittel der Gläubigeranfechtung*, 1908. S. 385

249. Canaris C.-W. *Die Vertrauenshaftung im deutschen Privatrecht*. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1971. S. 342. Цит. по: Самойлов Е.Ю. Добросовестность как предпосылка защиты приобретателя в гражданском обороте // Вестник гражданского права. – 2009. – № 3.

250. Gradenwitz Die Ungültigkeit die obligatorische Rechtsgeschäfte S. 187.

251. Hausmanninger H., Selb W. *Römisches Privatrecht*. – Wien: Bohlau Wien, 2001. S. 298.

252. Honsell H., Mayer-Maly Th., Selb W. *Römisches Recht*. Berlin: Springer Verlag. 1987. S. 376.

253. Pelaez Die Entwicklung der Nichtigkeit und Anfechtbarkeit von Rechtsgeschäften S. 369.

254. Pretelli I. Cross – border credit protection against fraudulent transfers of assets, *Actio Paulina in the conflicts of laws* // *Yearbook of Private International Law*. 2011. Vol. 13. P. 596.

255. Schlottmann – *Die Anfechtbarkeit nach Römischem Recht und Bürgerliche Gesetzbuche* 1901 S. 258.